

Вещь

2/2010

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Поэзия

Вячеслав Раков

Антон Колобянин

Юрий Асланьян

Фестиваль СловоNova

Проза молодых пермских писателей

Драматургия

Ярослава Пулинович

Интервью

Михаил Елизаров

Вещь

2/2010

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРМЬ 2010

Содержание

- 3 **Вячеслав Раков**
От тишины остались голоса (поэзия)
- 6 **Алексей Лукьянов, Владимир Кочнев, Алексей Черепанов, Иван Козлов**
Молодая пермская проза
- 33 **Уральский треугольник**
Стихи участников Пермского поэтического фестиваля СловоNova
- 42 **Семен Ваксман**
Серенада лунного света (глава из романа)
- 49 **Антон Колобянин**
Не стирай меня с листа (поэзия)
- 55 **Ярослава Пулинович**
Он пропал без вести (пьеса в одном действии)
- 92 **Дискуссия**
Текст в театре
- 98 **Юрий Асланьян**
В одной стране росли поэты и подонки (поэзия)
- 102 **Марта Пакните**
Кризис подлинности (о фильме «Борис Рыжий»)
- 104 **Я обменял бы свои книги на возрождение СССР**
Интервью с прозаиком Михаилом Елизаровым
- 108 **Борис Куприянов**
От центра — к окраине (размышления о книжном деле и чтении)
- 113 **Татьяна Снигирева**
«Горькое чудо» стиха (о поэтической дилогии Юрия Казарина)
- 117 **Владимир Пирожников, Татьяна Наумова, Светлана Ворошилова**
Рецензии («Линия обрыва любви», «Свидетельства утраченных времен», «Пермская деревянная скульптура», «Глубокое бурение», «Гала и Элюар», «Битва за скорость»)
- 129 **Авторы номера**

Поэзия/Коротко

Вячеслав Раков

От тишины остались голоса

Сорванные аплодисменты
Еще не скоро увянут

А наутро она сказала ему:
«Так держать!»

Они встретились
коленками абсолютное

прикосновение

Косить под японцев
Суженным зрением
всасывать мелкие предметы
а после
выплевывать косточки

Из камней,
Брошенных в мой огород,
Я выложу сад камней,
А-а осень халасе.

Последний сеанс
смешное кино
они встретились коленками
абсолютное прикосновение

Взглянул за окно: бело.
Думал, первый снег,
А это манна небесная.

Проходите, граждане,
Не останавливайтесь на мне.

комарик
искорка плоти
маленький ненасытный боевой вертолетик
напевающий: дао дэ цзи-и-и-н
строка за строкою
что ж ты вьешься над моей рукою
мягкий и слабый
над твердым и сильным
столько болтавшим
что во поле пыльно...

осторожно
Китай

100 грамм —
маленькое самоходное орудие ближнего боя
с легким приветом вместо смазки.
Перед употреблением подержать на свету,
лучше — кухонном,
увидеть на секунду вспыхнувшее
крошечными золотыми буквами
словечко «ха-ра-шо!» — и, слегка откинув голову назад,
расстрелять себя в упор.

Что нам делать с нашей смертью...
Съесть ее у Христа за пазухой.

«Бордель закрыт:
все ушли в храм»

От тишины остались голоса
Два-три колоска
Идут качаются голосуют
Но никто не останавливается
Потому что плохо слышно
А громче они не хотят

Алексей Лукьянов

Первые в космосе

Алексей Лукьянов

Шереметьево кишело

перепуганными олигархами

Владимир Кочнев Ему стало

грустно Алексей Черепанов

Что было если бы я мог писать

Иван Козлов Такие

дела Николай Иванович

Накануне старта Титов подсыпал Гагарину слабительного. Юрий Алексеевич понял это уже с первых секунд полета, однако всерьез его приперло, когда катапульта отделилась от спускаемого аппарата. Поэтому, едва опустившись в саратовскую пашню, первый космонавт бросился к лесу — успел! Собственно, этим и объясняется всем известная счастливая и беззаботная гагаринская улыбка...

Конечно, он бы так не улыбался, скажи ему Анна Акимовна, что Указом Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик планета Земля была объявлена плоской. Однако жена лесничего вместе с внучкой сажала в огороде картошку и радио не слышала, да и краткая встреча лесничихи Тахтаровой с космонавтом состоит из нескольких строками ниже.

Рита толкнула бабушку:

— Баб, смотри!

Баба посмотрела, сгребла внучку в охапку. И молодой задорный голос окликнул:

— Мамаша, вы куда? Я же свой!..

Нельзя сказать, что Анна Акимовна так легко поверила, будто голубое чучело с круглой банкой на голове может считаться своим. Однако, вооружившись лопатой, смело пошла навстречу незваному гостю.

— Майор Гагарин! — представился Юрий Алексеевич.

— Тахтарова, Анна Акимовна.

Не успели бабушка с внучкой пригласить майора в гости, как приехал военный «газик» и Юрия Алексеевича увезли в штаб дивизиона.

По дороге никто не проронил ни слова, и у Гагарина неприятно засосало под ложечкой. И не зря — в штабе его немедленно взяли под стражу и на вертолете доставили в Энгельс, где космонавта ждал уже зам главкома ВВС генерал-лейтенант Агальцов с группой сопровождения.

— Товарищ генерал! — закричал Гагарин.

— Тихо, Юра, тихо!

Генерал-лейтенант приказал освободить майора. Затем спускаемый аппарат, который военные тоже доставили на аэродром, погрузили в Ан-10, генерал с пленным космонавтом сели в Ил-18, и через несколько минут оба транспорта отправились в Байконур.

— Штаты нас опередили, Юра, — сказал Агальцов, когда самолет набрал высоту. — На три часа. Их человек до сих пор на орбите.

Гагарин растерялся. Он даже забыл на какое-то время о животе, который по-прежнему крутило.

— Политбюро приняло решение: бойкотировать американский полет, объявить Землю плоской и отрицать самое существование Соединенных Штатов.

— Но ведь это же...

— Абсурд? Не более чем шельмование генетики. Успокойся, ты по-прежнему первый в космосе.

Юрий Алексеевич не выдержал:

— Товарищ генерал, но это глупо! Я сам видел, что Земля — это шар, и Америку тоже видел! Даже две!

— Об этом придется забыть. Мы тут подготавливали доклад...

— А Сергей Палыч?

Генерал задумался.

— Думаю, товарищу Королеву придется заняться исследованиями в области глубокого бурения. Мы ведь должны узреть трех китов... или слонов?

— Черепаху, — съязвил майор.

— А вот хамить не надо, — Агальцов отвернулся к иллюминатору. — Мы сейчас все по тонкому льду ходим. И от нас зависит, будем мы герои или шуты гороховые. Да снимь ты этот скафандр, в конце концов!

На другой стороне блина, в который превратилась с подачи советского правительства старушка Земля, заседали буржуины.

— Что там Москва? — спросил Кеннеди.

— Хрущев в панике, деза прошла идеально, — отвечивал шеф ЦРУ.

— Что за бред они там несут про плоскую Землю, про своего космонавта?

— Оу, мистер президент, это ответный демарш! — влез вице-президент. — Думаю, космическая программа Советов заторможена по меньшей мере на полгода. Пока они выяснят, что их надули, пока раскочуются с финансированием — «Аполло» уже стартует. Парни из НАСА грызут кулаки!

В этот момент Белый дом трянуло.

— Что за дерьмо? — не понял госсекретарь.

— Эй, что с небом?

Буржуины устремились к окну Овального кабинета. Вокруг Капитолия начинало паниковать гражданское население, потому что небо вдруг перестало быть голубым, а приобрело темно-коричневый оттенок и фактуру черепашьего панциря. К тому же оно стремительно опускалось на Вашингтон! Все вдруг почувствовали себя перевернутыми вверх тормашками.

— Немедленно атаковать Советский Союз! — отдал приказ Джон Фитцджеральд, но в это время раздался большой «крак», и Ли Харви Освальд так и не узнал, за что собирался убить президента...

Чебадан

1.

— Сынок? — бабка дернула впередистоящего покупателя за рукав. — Сынок, почему нынче молоко?

Чрезвычайно длинный и худой молодой человек, с чьим пакетом молока никак не могла справиться кассирша, заметно нервничал: видимо, куда-то спешил.

— Двести пять, — ответил он раздраженно. — Безобразия, сколько можно возиться?

— Подорожало, — бабка покачала головой. — Двадцать четыре пятьдесят было.

— Интересно! — заявило молоко. — А почему бы мне не стоить двести пять? И вообще — кто решил, что я могу стоить меньше?

Молоко вырвало из рук обомлевшей кассирши сканер и засветило ей прямо в глаз. Раздался характерный писк кассового аппарата, и на мониторе высветилась невообразимая цена: пять миллионов двести семьдесят три тысячи пятьсот рублей восемь копеек. Очередь присвистнула, чей-то глухой басок восхитился: «Ни фи́га себе сокровище!»

— Вот, полюбуйтесь, — подбоченилось молоко, — женщина стоит гораздо дороже. А вам и двухсот жалко?

— Вы извините, — третий в очереди, чудак с коробкой на голове, деликатно кашлянул. — Вообще-то я тороплюсь...

— Сынок, — бабушка посмотрела на его руки в полосатых носках без ценников. — Ты пистолет в каком отделе брал?

Кассирша протерла глаза. Чудак с пистолетом и чипсами шмыгнул носом:

— Дайте пройти...

Немного подумал и добавил:

— Это ограбление.

Молодой человек, который покупал молоко, рассердился еще больше:

— Давайте определимся: говорит кто-то один. Либо молоко, либо бабушка, либо... вы кто?

— Вася, — смутился чудак в коробке.

— Либо Василий. И так...

Однако молоко не склонно было продолжать дискуссию — оно спрыгнуло с кассы и побежало к выходу.

— А у вас молоко убежало, — пошутил Вася.

— Скажите спасибо, что я тороплюсь! — попенял длинный кассирше. — Дурдом развели, никто работать не хочет, безобразия!

Размахивая руками и продолжая возмущаться, он покинул торговый зал. Бабка и Вася проводили его взглядами.

— Дочка, я вот что подумала, — бабушка встала на цыпочки, чтобы быть ближе к кассирше. — Он, поди, с молоком договорился, оно его на выходе ждет!

— Я их задержу! — Вася протиснулся мимо старушки и был таков.

— С чипсами, — сказала бабуля, когда Вася скрылся за дверью.

Они с кассиршей долго смотрели друг на друга. Потом бабуля протянула свою руку:

— Дочка, пикирни меня этой штукой — сколько я стою?

Деморализованная кассирша провела сканером по морщинистой ладони.

— Полторы тысячи.

— Похороны дороже станут, — расстроилась бабушка. — Мне бутылку «Столичной».

Когда бабушка ушла, оказалось, что касса опустошена подчистую.

2.

Частный сектор в Дануево затерялся среди новостроек, утонул в тени девятиэтажек, но, как ни странно, пока не поддавался сносу. Толи потому, что в этих маленьких бревенчатых домишках доживали свой век матери и бабушки отцов города, то ли отцы города берегли эти

земли до золотых времен, когда вместо одного домишка с его приусадебным участком можно будет построить целый квартал этих девятиэтажек. Так или иначе, но избушка, заросшая сиренью и черемухой по самую крышу, пока служила надежным пристанищем для банды малолетних преступников.

Улица на десять домишек носила красивое и жуткое название — Потерянная. Сюда невозможно было вызвать милицию или «скорую», пожарные приезжали только на перпендикулярно идущую Комсомольскую, где каждую неделю что-нибудь весело полыхало. Впрочем, на Потерянной ни у кого и не было телефона — линию отключили в прошлом году, когда здесь потерялась уже пятая патрульная машина.

Окно в палисадник, утопающий в цветах, было распахнуто настежь, занавески колыхались на легком сквозняке, где-то в глубине дома бормотал телевизор. Темнело. На кухонном столе, застеленном дешевой клеенкой, лежал обкушенный с двух концов батон. Два стакана и литровая упаковка молока стояли в одну шеренгу, равняясь на электрический самовар. За столом, друг напротив друга, сидели Вася и Кирилл.

— И не смей больше моим именем пользоваться, — Вася недобро посмотрел на Кирилла. — Думаешь, не знаю, как ты там, в коробке своей, хихикаешь?

Кирилл рассмеялся.

— И чего ты ржешь? — обиделся Вася. — Мы же с Ильичом твоими коробками не пользуемся.

— Имя — оно не коробка, не застолбишь, — ответил Кирилл. — Ты знаешь, сколько Вася на свете живет?

— Да сколько бы не жило! Я, например, еще ни одного живого Васи не видел. Если их так много, почему ни один мне пока не попался?

— Потихе, — прикрикнуло молоко из соседней комнаты. Оно пило водку из горлышка и смотрело телевизор. — Мешаете.

Скрипнула входная дверь, и на кухню из сеней вошла сгорбленная старушка, настолько маленькая, что даже до дверной ручки едва дотягивалась. Старушка стянула

с себя платок, парик, платье вместе с горбом сняла через голову и превратилась в мальчика дошкольного на вид возраста. Мальчик посмотрел на приятелей, и неподдельный ужас исказил его пухленькое розовощекое лицо. Он бросился к столу, схватил молочную упаковку и попытался наполнить стакан. Увы, но молока уже не было.

Мальчик, едва сдерживая слезы, крикнул:

— Олухи, вы че наделали! Вы же Кислого выпили!

В это время на кухню с бутылкой водки в руке вышел Кислый.

— Что за шум?

Леня посмотрел на коробку из-под молока на столе. Потом на Кислого. Потом на водку.

— Опять подружку притащил?

— Не, — ответил Кислый. — Это напиток.

Ильич покачал головой и уселся за стол. Кирилл налил ему чаю, Вася вытащил из холодильника тарелку с нарезанной ветчиной, масло и початую банку красной икры. Ильич столовой ложкой зачерпнул оранжевые шарики, посмотрел сквозь них на горящую лампочку и отправил в рот. Вслед за икрой отправился толстый кусок ветчины.

— Ну, сколько у нас там вышло? — спросил Ильич, прожевав лакомство.

— Пятьдесят семь тысяч двести тридцать один рубль девяносто семь копеек, — отчетливо Вася.

— Мда... — протянул Кислый. — Негусто.

Все укоризненно посмотрели на Васю.

— Здрасьте-пожалста, — рассердился Вася. — А я вас предупреждал, что кассу надо перед приездом инкассаторов снимать, а не после.

— А мне вот кажется, — прогудел из-под коробки Кирилл, — что зря мы сосредоточились на одной кассе. Мы за это время могли взять все четыре, чего из пушки палить по воробьям?

— Ага, и как бы я, по-твоему, заставил кассиршу кассу открыть? — язвительно заметил Кислый. — Сударыня, это ограбление,

если вы не откроете кассу, я напою вас просроченным молоком, так, что ли?

— Хватит орать, — сказал Ильич, под шумок приговоривший всю икру и всю ветчину. — Так, я пошел купаться, когда вечерняя сказка начнется — позовите. А вы тут приберитесь пока, после уроки делать. В конце недели дневники проверю.

Докупаться Леониду Ильичу не дали. В баньку заглянул Кирилл и шепотом сообщил:

— Оборотень в погонах явился, тебя требует.

Пришлось вылезать из корыта, складывать всех своих резиновых утят, пингвинов и мишек в специальное ведерко, облачаться в банный халат и идти на встречу с коррумпированным милиционером.

Необъятный дядя Миша меньше всего напоминал оборотня. Скорее, он смахивал на Колобка в милицейской форме. Кое-как протиснувшись в дверной проем, он тут же занял собой полкухни.

— Леонид Ильич, в гипермаркете скандал — твоих рук дело? — обратился участковый к Ильичу.

Ильич, знакомый с «оборотнем» едва ли не всю жизнь, пожал плечами:

— Извините, дядя Миша, не сдержались.

— Должны же дети чем-то питаться. Дети — цветы жизни! — встрял в разговор Кислый.

Это участковому не понравилось. Он сердито засопел и уставился на молоко злыми кабаньими глазками.

— Ты бы, Кислый, молчал. Кто вчера в баре дрался с вискарем?

Кислый покраснел.

— Так я че, — начал мямлить Кислый. — Он же первый начал. Он, между прочим, мою даму пойлом обозвал, козел шотландский!

— Отставить базар! — прикрикнул дядя Миша. — Вы мне что обещали? Забираете награбленное и отваливаете за границу. У вас самолет через нелелю.

— Так мы ж в последний раз... — попробовал оправдаться Ильич.

— Попробуйте не в последний! У меня все ваши делишки запротоколированы!

Тяжело, словно пароход, снимающийся с мели, дядя Миша встал и пошел к двери.

— И откуда вы на голову мне свалились, цветы жизни?!

Сразу после вечерней сказки дорогой Леонид Ильич по расписанию отправился спать. Ребята доделывали уроки, а Кислый смотрел новости.

В новостях сообщали, что кандидат в президенты обещает перекрыть границу, и ни один олигарх не сбежит к своим сбережениям в Швейцарию.

— Ильич! — заорало молоко. — Ильич!

Кирилл притащил закутанного в одеяло рассерженного дорогого Леонида Ильича.

— Я только-только засыпал!

— Слышь, чего говорят? — молоко ткнуло бутылкой в экран.

Говорили, что пограничники и таможенники на всякий случай приведены в состояние повышенной боевой готовности, на тот случай, если кандидат в президенты за номером два действительно победит на выборах. Конечно, все знали, что победит номер четыре, за которого никто вообще голосовать не собирался, но вдруг?

— Думаете, испугается? — Леонид Ильич по очереди посмотрел на сообщников.

— Завтра второе, — прогудел Кирилл.

— Наверняка перестраخует, — хрустнул сухариком Вася.

— И никто из нас не голосует, — заметил Кислый. — Срок годности не подошел.

Главарь банды выбрался из объятий Кирилла и плотней закутался в одеяло:

— Значит, возражений нет... Ладно, всем спать. Подъем в пять.

3.

Шереметьево кишело перепуганными олигархами.

Молоко, перелитое в стакан из-под кокаколы, украдкой озиралось.

— Ты сильно не жми, — шептал Кислый. — И без того мутит.

— Пить надо меньше, — ответил Леонид Ильич. — Мало того, что всю ночь во дворе

рыгал, так еще и полный унитаз какой-то гадости утром оставил и не смыл даже.

Молоко покраснело.

Вася с Кириллом сидели на главном табло, замаскированные под голубей, и секли во все глаза, когда появится клиент.

— Вот он! — крикнуло молоко, когда парни подали условный знак.

Клиент прибыл. Он тоже боялся, что его не выпустят из страны, и поэтому решил на всякий пожарный отсидеться за границей. Бандиты не собирались мешать клиенту убраться подальше из страны, тем более что в их планы также входила скорейшая эвакуация за пределы родины. Дорогой Леонид Ильич с товарищами собирался только подменить чебаданчик, с которым клиент собирался улететь.

Про чебадан узнал Кислый. Он тусовался на какой-то вечеринке с бокалом кьянти. Вино, сильно жестикулируя, болтало без умолку и заикнулось об одном типчике с фанерным чебаданчиком, в котором баксов по самое не хочу.

Разумеется, баксов в этот ящик поместилось бы вряд ли на сто тысяч. Вся ценность нехитрого багажа крылась в наклейках. Это были наиредчайшие марки, уникалы, которые стоили колоссальных денег, и филателисты всех стран сходили с ума при одном их упоминании. За одну марку с этого чебаданчика можно поправить экономику какого-нибудь Зимбабве, а на сдачу купить Крым.

Крым и Зимбабве малолетним бандитам были ни к чему, но марки позволяли завязать с воровством по мелочам и перейти на более высокий уровень криминальной карьеры. Досадный случай в гипермаркете лишний раз доказал, что воровать в открытую гнусно, недостойно и невыгодно. Пора завязывать, пора. Вот и случай удачный подвернулся.

Ребята выяснили, как зовут мужика, график передвижений, маршруты и любимую телепередачу. Типчик мотался по странам, городам и весям, ни в одном месте дольше чем на час не задерживался: с вечеринки — на светский раут, с раута — на поезд, с поезда — на самолет. В Дануево появлялся часто, с чебаданчиком не расставался ни на се-

кунду. По всему выходило, что уезжать ему требовалось только четвертого марта, после выборов, но типчик решил не рисковать и свалить второго.

Чемоданчик в руке дорогого Леонида Ильича был приблизительной — на пять минут, не больше — копией чебадана. Требовалась коротенькая перепалка, подмена — и ребята рвут когти из Шереметьева.

— Ой, дяденька, смотрите, куда ноги ставите! — завопил Леонид Ильич, прыгая на одной ножке и с обидой глядя на очкарика, вцепившегося в чебадан.

— Что тебе, мальчик?

— Да вы бы!.. — тут глаза мальчика опустились на фанерный бок вожделенного багажа, и Леня застыл.

Очкарик молчал. И Леня ничего не говорил. Пауза затягивалась.

— Нравится? — спросил, наконец, очкарик.

— Дяденька, это что обозначает? — Леонид Ильич ткнул молоком в треугольную нащепку с какой-то незнакомой буквой.

— Это греческая буква «лямбда».

— А вот это — Каа? — маленький пальчик уткнулся в круглую марку с изображением питона, свернувшегося кольцом.

Очкарик нахмурился:

— Ты подкованный, малыш. Мы ведь не случайно столкнулись, да?

— Не случайно, — согласился Леня. — Это на ваш рейс посадку объявили?

— На мой. Хочешь — с собой возьму?

— Я маленький, у меня документов нету, — ответил Леонид Ильич. — Но когда вы совсем устанете, я, наверное, уже подрасту.

Они расстались. Леня с Кислым между делом обчистили с десяток олигархов, после чего неспешно удалились через главный вход. Снаружи их на угнанном минивэне ждали уже Кирилл с Василием.

Дома Леонид Ильич долго отмокал в горячей воде с любимым утенком, а вся компания сидела рядом в густых клубках пара.

— Почему ты его отпустил? — спросил Кирилл.

— Сейчас бы уже в Сан-Донато грелись, — мечтал Вася.

– Сан-Донато — это железнодорожная станция под Нижним Тагилом, — одернул Васю Кислый. — Но все равно не понимаю, почему мы чебадан не взяли.

Леня тяжело вздохнул.

– Там не просто змеюка была, и не просто закорючка, и вообще не просто марки и штемпеля. Это обереги были. Там каалямба в чебадане хранится, понятно? Калямба по-нашему.

Все трое смутились.

Шапка

Подарили одному мальчику шапку, да такую большую, что он в ней заблудился.

Ходил мальчик, ходил, аукал — никто ему не отозвался. Нашел он автобусную остановку, сел на скамейку — и заплакал.

Остановился автобус, выходит из автобуса тетя-кондуктор:

– Чего, мальчик, плачешь?

– Подарили мне шапку, да такую большую, что я заблудился. Найдет мама шапку, бросит в стиральную машину — и смоем нас всех.

Испугалась тетя-кондуктор, посадила мальчика в автобус, а водителю наказала гнать во весь опор.

Вот приехали они в большой город, побежала тетя-кондуктор к начальнику автостанции, ревет в голос.

– Чего хнычешь, женщина? — спросил начальник. — План не выполнила?

– Как мне не плакать, — запричитала тетя. — Сел к нам в автобус мальчик. Ему подарили шапку, да такую большую, что он заблудился. Вот найдет его мама шапку, бросит в стиральную машину — и смоем нас всех.

Опечалился начальник автостанции, заплакал, да локтем на громкую связь и нажал. Прибегают к нему обеспокоенные пассажиры:

– Полный чебадан этого добра. Вот и приходится с места на место перетаскивать, чтобы нигде она надолго не оставалась.

– Все равно у нас здесь полная калямба осталась, — хмыкнул Вася.

– А может, и не полная, — обиделся Кирилл.

– И не здесь, — закончил Кислый. — Пойдемте, там сейчас «Спокойной ночи...» начнутся.

– Отчего плачете в громкую связь, сердце народу рвете?

– Как мне не плакать? — всхлипывает начальник автостанции в громкую связь. — Лучшая кондукторша подобрала на остановке мальчика, а ему шапку подарили, такую большую, что заблудился совсем. И вот, говорит, мама шапку найдет, бросит в стиральную машину — и весь наш город с автостанцией смоем.

Заволновались пассажиры, стали звонить по знакомым. Знакомые интересуются:

– Чего это вы в три часа утра звоните?

– Как же нам не звонить, — ревет в трубку пассажиры. — Объявил начальник автостанции по громкой связи, что подарили мальчику шапку, да такую большую, что он в ней заблудился. Найдет его мама шапку, бросит в стиральную машину — и смоем нас с автостанцией и вас с домами и вышками трансляторов мобильной связи.

Знакомые тут же давай на весь мир тревогу бить. Услыхал тревогу Самый Главный Дяденька и спрашивает громко, чтобы все слышали:

– На основании каких данных распространяются слухи о ближайшем потопе?

Тут же все знакомые хором отвечают:

– Тут мальчику одному шапку подарили, да такую большую, что он в ней заблудился.

Найдет мама шапку, бросит в стиральную машину, тут нас всех и смоем.

Самый Главный Дяденька говорит:

– Только без паники. Начинаем искать родителей мальчика. До тех пор запрещается стирать детские головные уборы, а также всю прочую одежду не по размеру.

Стали искать родителей мальчика, да никого не нашли. Ни города такого, ни страны, ни даже названия планеты никто не знал.

И тогда пошел Самый Главный Дяденька к Самому Умному Дяденьке и сказал:

– Что делать, папа? Подарили мальчику шапку, да такую большую...

– Что он в ней заблудился, знаю, — ответил Самый Умный Дяденька. — Чтобы нас

здесь всех не смыло, надо построить большую-пребольшую ракету в виде вязального крючка и запустить высоко-высоко в наше вязаное небо. Ракета зацепится за нитку, мальчик по ней поднимется наверх и вылезет через дырку в небе.

Так и сделали: запустили в небо ракету в виде вязального крючка, и зацепилась она за петельку на небе, и вытянула целую нитку. Влез мальчик по нитке в небо и вылез прямо в барабан стиральной машины! Хорошо еще, что мама не успела машину включить.

Спрятал мальчик шапку подальше в шкаф. И нафталина насыпал, а то жители шапки на моль жаловались.

Владимир Кочнев

Солнечный мир

Виктор Крауде брел по весенней улице. Грязный снег таял, и под подошвами бежали ледяные ручьи. Крауде старался не промочить ног и аккуратно перешагивал мокрые прогалины. Крауде думал о жизни.

В мире, где жил Крауде, все брали, но никто не хотел давать. Брали все: дети, жена, друзья. Когда Крауде был молод, он был не прочь отдавать, он считал, что так и должно быть, он был успешным, преуспевающим человеком и делился всем, чем мог.

Может, поэтому он и в жены взял женщину слабую и нервную, беззащитную — казалось, не помоги ей кто-нибудь, жизнь непременно ее раздавит.

Однако чем старше он становился, тем сложнее было ему выполнять обязанности: быть хорошим специалистом, работником, семьянином, товарищем. С возрастом Крауде рассчитывал на какую-то компенсацию. Рассчитывал, что дети повзрослеют, встанут на ноги и уже от них будет исходить помощь, что на работе его как долгожителя и ветерана труда будут уважать и ценить, и отчасти беречь, нагружать меньше. Но этого не случилось. Дочь и сын так будто и остались детьми и продолжали требовать: один — кредит на машину, другая — переписать на нее дачу.

На работе его эксплуатировали, чуть ли не вдвое больше. На завод приходили сейчас молодые специалисты — бестолковые и зеленые, и весь спрос был с него.

Жена, старея, сходила с ума все сильнее и сильнее.

Сам Крауде смертельно уставал. Близилась пенсия, и он не знал, сможет ли он на нее жить. А работать после пенсии не было сил.

В очередной раз, по пустячному поводу, разругавшись с супругой, он ушел бродить по улицам.

Солнце слепило глаза, а Крауде брел и брел, желая, может, вспомнить что-то из прошлого — радостное и веселое. Жизнь скользила из рук словно ручьи — бессмысленно и пусто.

Крауде попытался перешагнуть лужу, неуклюже прыгнул и угодил ботинком в воду. Нога ушла чуть ли не по щиколотку. Крауде ругнулся, вытащил ее и потряс в воздухе. Вода, кажется, не просочилась внутрь. Крауде улыбнулся. Такие мелочи всегда его радовали. В детстве он любил бродить в сапогах по лужам.

Внезапно на одном из столбов Крауде увидел объявление, отпечатанное на качественной, хорошей фактуры, бумаге, крупными витиеватыми буквами.

Он приблизился и прочитал:

«ПОГРУЖЕНИЕ В СТРАНУ СОЛНЕЧНОЙ РАДОСТИ
РЕМИССИЯ (ВОЗВРАТ) В ПРОШЛОЕ
РАБОТАЕТ КОМАНДА ПСИХОЛОГОВ
ОДИН СЕАНС —
93 РУБЛЯ»

Крауде задумался. Несмотря на явный идиотизм, от листка веяло чем-то наивным. На самом деле Крауде дорого бы отдал за возвращение в детство, но это ведь невозможно. Разве что под гипнозом?

«В страну солнечной радости»... «Работает команда психологов»... Для шарлатанства это слишком глупо, для правды — слишком фантастично. Да и разве можно доверить кому-то копаться в твоих мозгах?

«ПРИЕМ ЗАКАЗОВ ЗА УГЛОМ, ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ ОБРАЩАТЬСЯ В ТРЕТИЙ ПРОХОД СЛЕВА», — прочел Крауде ниже.

Он зашел за поворот, там, насколько он помнил, был небольшой парк со скамейками. На одной из них сидел спокойного вида худой высокий человек, смотря перед собой как изваяние. Крауде по инерции приблизился. Человек тут же повернул голову и вскочил улыбаясь:

— Здравствуйте, вы по поводу объявления?

Крауде затормозил, все происходило очень быстро. Настораживал вид человека — он был одет в легкий белый свитер, дешевые штаны, дешевые же штилеты и ушанку. Если для свитера сейчас было холодно, то для ушанки слишком жарко.

Крауде замялся.

Человек молча смотрел на него, ожидая ответа. Несмотря на нелепую одежду, вида он был мягкого, интеллигентного.

— Да, — выдавил Крауде, наконец решившись, — Я бы хотел узнать, что представляет процедура...

— Погружения в солнечный мир? — спросил уверенно человек.

— Да... — ответил Крауде, теряясь. Человек говорил приветливо и душевно, но и без тени юмора или насмешки.

— Знаете, это коммерческая тайна, но я скажу, если вы пообещаете молчать. Дело в аудиальном восприятии мира — то есть, грубо говоря, в том, что воспринимается ушами. Мы выбираем в городе особые гармоничные места, которые...

— Если тут задействованы наркотики, то я...

— Нет, что вы, — выпрямился человек, — все построено на психофизиологических особенностях нашего восприятия. Происходит ремиссия, возврат. Есть особые места, где звуки, извините за выражение, бурлят совершенно особым образом, и происходит, говоря метафорически, особая музыка. Эффект таков, что человек попадает при жизни в рай, правда, на очень короткое время. Жалоб пока не было. Если не понравится, можете не платить...

Они снова постояли в молчании.

— Пойдемте, — снова сказал ушанка. — Сейчас все увидите.

Они пошли. Крауде чувствовал дымок шарлатанства, но уйти не мог. Его мучило любопытство и что-то еще. Свитер маячил впереди, словно флаг.

Они прошли только что преодоленным Крауде путем и оказались у входа в зоопарк.

Человек кивнул в мутное крохотное, словно труба телескопа, окошко кассы, и их пропустили через шлагбаум-вертушку.

За грязь и царившее отчаяние Крауде не любил зоопарк и с детства здесь не бывал.

Скученное тесное пространство походило больше на аттракцион издевательств. Измочаленные худые звери сидели в грязных и вонючих клетках — каждый в своем аду, зрителей они не любили.

Вырулив между визжащими, орущими рядами, человек привел его к небольшой полукруглой детской площадке с ржавыми качелями, врытыми шинами и парой разноцветных скамеек.

Человек закурил. Запах тонкой, цвета финика, сигареты оказался необычно приятен.

— Ну что, — сказал он, — вот лавка, садитесь и отдыхайте.

Крауде промолчал. Он чувствовал себя все глупее и глупее, но сел.

— Теперь смотрите туда, — сказал человек и показал на тускло-яркое весеннее солнце, то слепящее, то прячущееся за верхушками деревьев и облесшей крышей художественной галереи.

Крауде посмотрел.

— Вижу, вы мне не верите, — огорчился вдруг человек. — Сидите, смотрите, слушайте. Если не получится, если не почувствуете, что обещано, деньги можете не платить.

Человек тихо ушел. Прошелестели, прохрустели по снегу его черные тряпичные полуботинки.

Крауде не верил в преобразование, но послушно продолжал смотреть в указанном направлении.

Сладкий запах сигарет не уплыл с незнакомцем, а остался рядом, словно это была его эманация, которую незнакомец оставил наблюдать и стеречь Крауде.

Солнце было желто-красное, нежное, тающее, как кусок масла в каше. Казалось, оно вот-вот исчезнет.

Реальность затанцевала. Кто-то внутри Крауде щелкал невидимым рычажком, переключая зрение: сейчас Крауде видел то левым, то правым глазом. Казалось, что кто-то снаружи сдвигает пространство: один его кусок, захвативший скамейку и дерево, вылез вперед, приобретя кислотные, яркие оттенки, а потом растворился, уступив место картинке из шины и бугристого асфальта.

Звуки бурлили в ушах, словно щи в кипящей кастрюле. Крауде на какой-то момент перестал их различать, они слились в общий неразборчивый гомон, потом необъяснимо звонко прорезались, ударили в барабанные перепонки. Теперь можно было выбирать из похлебки отдельные ноты — рычание, визг, грохот. И когда Крауде концентрировался на чем-то — это звучало в полную силу, словно ведущий инструмент из нестройного какофонического концерта.

Крауде понял, что слышит не только раздрающий шелест ветерка и кряхтенье медведя, но слышит и скреб когтей тигра в соседней клетке и, гораздо дальше — у самого края зоопарка, слышит, как стучает дверь служебного помещения.

Он даже уловил, как уже за границей зоопарка двое снегочистов, скользя и матерясь, глухо, словно стуча о гроб, сбивают снег с крыши церкви. Снегочисты, расшифровал он, болтались на веревках, словно младенцы на пуповине, норовя то и дело соскользнуть вниз, были беззащитны, измотаны и пьяны.

По другую сторону его необъятного теперя мира неслись машины, а впереди шипела река, и визжали галки.

Крауде был поражен открывшейся областью. Человек-ушанка не врал. Психологические реминисценции? Ремиссия? Модальность? Попытался он вспомнить про себя слова, которые человек говорил.

Неожиданно ему стало очень хорошо, и сразу же следом хлынули воспоминания. Крауде увидел себя восьмилетним, скачущим по лужам в галошах, вспомнил свой первобытный восторг и свежесть мутно-белых ледяных капель.

Вспомнил себя семнадцатилетним юношей, когда дожидался у подъезда девушки, в которую был влюблен. Вспомнил укусы тридцатиградусного мороза и праздничное, почти новогоднее, предчувствие встречи.

Картинки сменялись одна другой, сопровождаясь каждая лепестком нового чувства. Удивлением, нежностью, тихой задумчивой тишиной, приятной глуховатой ненавязчивой мелодией, застывшей как леденец или рисунок на стекле, не ранящий болью.

Крауде был поражен, что может так глубоко чувствовать. Он давно казался себе застывшим чурбаном, куском черствого заплесневелого хлеба, все ощущения которого застыли в огрубевшей, окаменевшей корке. Оказалось, внутри сохранился мякиш.

Поток образов завершился, звуки исчезли, а Крауде все сидел, переживая, размышляя и копаясь в себе.

Наконец, он заметил, что кто-то трясет его за плечо.

Крауде пошевелился.

— Что?... — сухо прошелестел он будто бы обожженными губами.

— Вижу, вам понравилось, — сказал с легкой улыбкой человек в ушанке.

Крауде поднял на него воспаленный взор красноватых прослезившихся глаз.

— Платить будете? — спросил он.

Крауде сунул руку в карман и вытащил сотку. Без сдачи, хотел он сказать. Но не сказал ничего, а только неловко взмахнул рукой. Ему хотелось побыть одному.

Человек понял и, сунув бумажку в карман, убрался.

Крауде посидел еще, потом поворочался, разогнал оцепенение, поднялся, нащупывая ботинками почву, и зашагал домой. Он шел неловко, будто танцую, казалось, сейчас земля улетит из-под ног и ему останется только болтаться в воздухе.

Он чувствовал себя воскресшим.

Всю неделю он ходил обновленный. Посвежел и похорошел. Женщины улыбались ему. Прохожие вглядывались с интересом. Крауде чувствовал, что молодость, когда он был полным энергии оптимистичным человеком, частично вернулась.

Жена посматривала на него с недоверием и опаской. Крауде чувствовал: она начинает подозревать, не появилась ли у него любовница. Он не стал этого опровергать.

Через неделю он снова пришел в парк. Он боялся, что все почудилось ему, приснилось, что он не найдет ни нелепого объявления, ни странного человека, но и то и другое было здесь.

— А, это вы... — сказал тот, снова его оглядывая. — Как ваши дела? Как самочувствие?

Хотя стало значительно теплее, ни ушанка, ни свитер, ни джинсы не поменялись.

— Неплохо, — ответил Крауде, ступившись, — ему не хотелось делиться впечатлениями. — Я бы хотел повторить сеанс.

— Что вы чувствовали? — повторил человек.

Крауде промолчал и стоял, чуть насупившись, не смотря на выразительный вопрошающий, выдавливающий взгляд.

— Знаете, мы не контора по продаже удовольствий, — отчего-то разозлился тот. — Мы все же научная организация, пусть и с малым бюджетом. Вы должны от-

ветить на вопрос — изложить переживания вкратце.

Крауде стал рассказывать. Ограничился, впрочем, очень лаконичным описанием.

Человек кивнул, видимо, ответ его устроил, и записал что-то в блокноте.

— Цена выросла, — сказал он снова почему-то злобно, — нам тяжелее стало договариваться с дирекцией зоопарка и других мест, теперь — 250.

Крауде молчал. Он почувствовал себя оскорбленным.

— Я понимаю, что вы думаете, — сказал человек, чуть смягчившись, — но в убыток мы работать не можем, нам нужны новые исследования, новые вливания.

Крауде хотел уйти, но не ушел. Немного постоял, посмотрел на обнажившиеся полугнилые прошлогодние листья и отсчитал купюры.

— Пойдемте! — в этот раз они, однако, пошли не в зоопарк, а в другую сторону.

Крауде вопросительно остановился.

— У нас правило, — обернулся человек. — Нельзя проводить процедуру чаще двух раз в неделю, нельзя, чтобы одно место повторялось два раза подряд. Это может быть вредно.

Крауде захотелось его ударить. Он сжал зубы.

В этот раз путь занял вдвое больше времени. Человек вывел его к реке, и они стали осторожно спускаться, уходя от оживленной и цивилизованной набережной в сторону глухих безлюдных мест. Они шли между гаражей и заброшенных деревянных домов, нырнув в проход между зданиями, человек вывел его к ржавым стенам забора, огораживающим завод, наверху тянулась колючая проволока, по другую руку шел скат к реке, заполненный буреломом, посередине лежали рельсы.

Крауде тут никогда не был. В таких местах ходят только по необходимости или по безумию. Скользя на узкой тропинке между рельсами и обрывом, они зашагали вперед.

Вся мнимая молодость слетела с Крауде, он снова чувствовал себя беспомощным и неловким, погруженным в тяжелый мешок из костей и плоти. Один раз он чуть не осту-

пился и не покотился, ломая кусты, но человек ловко подхватил его за локоть.

Внезапно стены двух заводов расступились, и Крауде увидел между ними нечто вроде расщелины.

– Вот, — сказал человек, — нам сюда..

Он стал протискиваться между мокрых, холодных железных боков, ненароком обтирая их рукавами и краями одежды. Крауде пришлось последовать за ним. Ход расширился и преобразовался во что-то наподобие вытянутой комнаты, посредине стоял грязный размокший стул, к сидухе которого было приделана клеенка.

– Извините за антураж, — стал говорить человек, все более и более смягчаясь. — Но звуки расположены в совершенно неожиданных, неприспособленных для человеческого присутствия местах.

Крауде понял, что ему предлагается сесть.

– Нужно подождать, — сказал человек, забивая трубку. — Сейчас завод начнет функционировать..

Они стали ждать. Человек с наслаждением курил, Крауде ловил ноздрями знакомый умиротворяющий запах. «Может, начать курить самому?— подумал он. — Но только какой-нибудь хороший иностранный табак». Ему представились дальние страны, плантации и табачные фабрики... Потом он решил спросить, как называются сигареты, но человека уже не было, и Крауде понял, что сеанс начался...

Снова сумбурная дикая музыка подхватила его, и картинки его жизни стали развертываться над ним, словно огромная книга. Крауде уже не удивлялся, а мягко плыл по волнам, разглядывая их. В этот раз все закончилось внезапно и быстро, оставив его одиноким и растерянным, словно зазевавшегося пассажира, которого смыло с палубы и вынесло на необитаемый остров вместе с выброшенным багажом. Крауде понял, что слишком увлекся созерцанием и почти заснул. Он решил, что в следующий раз использует время с большей выгодой.

Чуть позже Крауде понял, что воспоминаниями можно управлять, направляя их поток согласно мыслям — не всегда это

удавалось, но это было возможно, внушив себе до начала сеанса строгую цель.

Особенно ему нравилось купаться в воспоминаниях детства и юности. Кое-что он помнил достаточно хорошо, а некоторые вещи успел изрядно подзабыть, и они вызвали у него немалое удивление. Оказалось, что жизнь не была прямой линией, где каждое следующее движение строго и логически вытекало из предыдущего, как думал он обычно, а была скорее развилым широким деревом — иначе говоря, у него было сотни возможностей, сотни вариантов пойти в ту или иную сторону, сделать так или иначе. Так, например, он мог стать музыкантом и уехать из города в 25 или развестись с женой в 28. Он испытывал любовь ко многим женщинам в 28. Но чем дальше, тем сложнее было жизнь изменить.

Не все воспоминания Крауде узнавал, некоторые были затеряны настолько глубоко, что он безмерно удивлялся их существованию. Казалось, они навсегда были похоронены где-то в глубине его сознания.

Он узнал имя человека, приводившего его к музыке. Его звали Дима. Больше Крауде не интересовало, он бы согласился и на то, чтобы имя осталось неизвестным, но после третьего сеанса Дима предложил познакомиться и с тех пор называл его по отчеству — Виктор Андреевич.

Иногда Крауде пытался осознать, что с ним происходит. Звуки, места — все это звучало очень неправдоподобно. С другой стороны, как еще было объяснить подобное воздействие? Никаких наркотиков он не принимал. Может, гипноз? Но если так, его воздействие весьма благотворно. Во всяком случае, провалов памяти он не испытывал и непонятной пропажи денег из карманов не обнаруживал. Разве что притупилась наблюдательность, и он стал слегка тормозить на работе...

Впрочем, это сейчас волновало мало.

Кроме картинок юности, появилось еще одно очень смутное и тревожащее воспоминание, которое Крауде никак не мог идентифицировать, казалось, оно было его и одновременно ему не принадлежало. Он

чувствовал вовлеченность этого образа в свои самые сокровенные сны и тайны, но все же не мог с уверенностью сказать, было ли это частью его памяти или лишь смутной фантазией и догадкой.

Кажется, это была женщина — женщина, которую он помнил и знал всегда. Она являлась ему смутно и отдаленно — в обрывках снов и невысказанных желаний, некогда прочитанных книг и просмотренных в детстве романтических фильмов.

Она шелестела рядом, когда Крауде влюблялся, играла с ним в младенчестве девочкой в песочнице, подавала надежду методисткой в кабинете, где принимали документы в вуз, успокаивала медсестрой, когда у Крауде рождался первенец. Крауде не мог точно сказать, кто она, сколько ей лет и как она выглядит. Но не терял надежду найти ее реальное воплощение.

То Крауде казалось, что это была одноклассница, то продавщица цветов в киоске возле дома, то сотрудница на работе. Образ волновал его. Ему казалось, если он с точностью установит его, то ухватит самую суть своей жизни.

Осенним тусклым днем он сидел в парке. Моросил легкий дождь. Воспоминания его стали со временем бледными, блеклыми, потеряли свежесть, но он не хотел прекращать сеансов, хотя Дима советовал сделать это хотя бы на месяц.

Внезапно за пределами прозрачного сна он различил несколько колыхающихся силуэтов.

Они приближались медленно, а когда остановились, Крауде понял, что оказался окруженным стеной черных курток, сапог и фуражек.

Стена шуршала и шевелилась.

– Документы! — сказал громкий и далекий голос.

Но Крауде сидел молча, шевелиться ему не хотелось. Сперва он попробовал каким-нибудь робким жестом ответить, но попытавшись двинуться, вдруг обнаружил, что руки не подчиняются, тем более блеклые карточки, ради которых он сидел, стали распадаться и исчезать. «Ну и ладно, — решил он, — Неважно».

Чье-то хмурое лицо промелькнуло рядом. В глаз ему посветили фонариком и спросили:

– Наркоман?

Крауде ничего не ответил.

– Сколько ему лет? Шестьдесят, шестьдесят пять?

Второй шарил его по груди, расстегнул куртку, достал паспорт, пропуск на работу, свернутую схему одного аппарата и несколько купюр.

– Что будем делать? Возьмем? — снова спросил первый.

Второй взял у него деньги, свернул в трубку, засунул в карман. Остальное положил обратно, в куртку:

– Да пошел он на хер!

Наряд ушел.

Крауде продолжал сидеть: «Детство, волшебство — при чем тут наркоман?».

Ему стало грустно.

Алексей Черепанов

Полет без времени

(детали)

Так не очень быстро вдруг потянулись дни.

Шлепая сменной на работе «второй» обувью по растаявшей слякоти, чувствую предательское «гвоздь у меня в ботинке пострашнее фантазий Гете», только вместо гвоздя — прореха. Мы уже выясняли, не помню с кем и где, но весьма обстоятельно и в течение нескольких дней, что есть люди, из которых время прямо-таки сыплется. Как песок в маленьких песочных часах. И вот, по дороге на обед, вдруг подумалось — в сущности, мы все состоим из прорех. Так можно назвать наши уязвимые места. Эти прорехи необходимо латать, хотя бы потому, что человек, упустивший большую часть причитающегося золотого песка, становится прозрачным. Глаза окружающих постепенно перестают видеть его, а он проходит сквозь тела других людей, не задевая их.

Года четыре назад я ездил в одно не очень далекое место на электричке. И так вышло, что, не дождавшись поезда в обратную сторону, пошел пешком по путям до следующей, более дружелюбной станции. Почти сразу же начался мост, такой массивный, укрепленный мост через водохранилище. Я остановился посередине его и не мог долгое время оторваться от открывшегося вида, будто «Урал впервые», думая «боже

мой» и отчаянно жалея, что нет фотоаппарата. Серое небо вдали смыкалось с серовато-синим туманом реки, темноватая вода была будто бы изнутри наполнена светлым дымом, а вдоль берегов стояли несколько огромных судоходных кранов, и все это дышало излетом осени — морозным, острым воздухом четырех часов дня.

Так вот, время там, на том мосту, отсутствовало вообще, все выглядело так, словно я попал в одну из тех лакун, которую вскоре должны были начать разрушать лангольеры. Когда человек один, он гораздо чаще ощущает этот *timeless flight*. Если б я был с кем-то — мы просто стояли бы и внимательно красоте, но я был один, и в моей душе звенела пустота — пустота верхней части песочных часов.

Вы правы — так важны детали.

Детали, микроосколки жестов, слов, нежная незаметная путаница. Как она сидела тогда за столом, поставив ногу на приступочку, и подъем ступни так был изящно выгнут, или, еще, это полуслышное «больно». Или, еще, беззащитный взгляд в глаза, когда я равнодушно уходил в улицу, в темно-хмурое закамское утро. Моя нетерпеливая жажда опередить время. Поиски сходства.

Нет, к нам не залетала в окно канарейка в одном и том же месяце, в двух несмежных странах.

Ночные мысли.

Сначала, пока не отточенным ходом, подумалось, что я давно стал тенью того себя, что был лет десять назад. Но истина — в другом. Я и десять лет назад был таким. Тенью возможного человека, который был задуман родителями при рождении.

ОРЗ — мой любимый диагноз с детства.

Сумма времен моих детских болезней известна в полном объеме, пожалуй, только маме, сам я уже мало что помню. Но вот эти звуки — ОРЗ — слышатся мне как некое приятное для слуха. Их сочетание, уже освобожденное от физиологического негатива, возвращающее в отрезок, называемый детством: старое ватное одеяло, тогда еще новое, простеганное квадратами, которые в жару начинали казаться ромбами; вкусный чай с малиной; ненавистное горячее молоко, которое ты любил только холодным, а сейчас все наоборот; прорывающийся кашель; мягкая прохладная рука на твоём горячем лбу; ты не ходишь в школу, а любимые книжки — вот же они, рядом. Твоя обожаемая нелепая собака сидит на столике у кровати, топорщит синтетическую шерсть, мамин силуэт скрывается за пределами комнаты (опять принесет молоко!), а ты в это время, вскочив на минутку, проверяешь, на месте ли ключ от тайничка с твоими тогдашними сокровищами.

Визиты и сонеты,

гостевые книги, резервации чести, «и останки только у пивных ларьков». Шум, почти не наигранное веселье, остро приправленная бессмысленность происходящего, «стальные руки-крылья и вместо сердца — пламенный мотор». А ночами по-прежнему снится прошлое, которого не было.

Сумбурное. Вместо музыки.

Меня все очень устраивает: все эти разговоры в *icq*, ЖЖ, почте, счастливые SMSы; меня устраивают даже мои личные разговоры последних двух лет. Никакой грусти, никакого «нас нет». Любые радости мне очень доступны, я млею, когда мне удается переспорить первокурсницу. Мне многое, очень многое удается, я хотел бы увидеть результаты победы в споре. Но все-таки хочется еще и видеть лица посчастливей. Надуманная счастливость/несчастливость некоторых не в счет. Слава Богу, у большинства остальных — хорошие, надежные лица мальчишек или девчонок, пишущих на стене радостную надпись или, черт с ним, делающих «зажигу» на потолке подъезда. Но и через них мне нужно переступить. Так, не больно. Без того, чтобы они видели мое лицо. Пусть на своих местах останутся кадры счастья. Выблевать всю разудалую бесхитрость еще в свои глупые девятнадцать, про которые, оказалось, до сих пор разговаривают меломаны — про твои девятнадцать, когда ты работал в легендарном музыкальном салоне «Букиниста», вместе с Сашей Антоновым, который нынче до недавнего времени был главой юношеского отделения «Урал-Грейт», но сейчас не об этом. Когда-то потом — бешеный чувак под названием Митрич, это мне уже позже (на счет его бешенности) сказал Леха Колупаев, наш милейший сказочный филологический травокур, закончивший филфак на «четыре» и «пять», и, как самый незащищенный, посланный потом в армию лейтенантом — наш Митрич, который перевел нам тексты пары альбомов Van Der Graaf Generator, а потом таким непринужденным мною встреченный на концерте Петра Мамонова, с сигаретой в зубах. Даже этот наш Митрич, казалось бы, никогда не переставший пить водку, образумился и женился и стал скромным. Ничего. В этот раз все будут так счастливы, что особая, кафкианская, свежесть дыхания позволит нам свободно дышать в горах. Удивительно еще, что я не пою.

Моя внутренняя Бирюса.

Что было, если б я мог писать? Счастливо? Как-то еще? Звенели бы приятным перезвонном колокола в моей «внутренней Бирюсе»? Летом так было бы радостно прогуливаться по соседней с выходом бетонке, разговаривая по телефону и заслуженно улыбаясь? Мне было бы всегда двадцать два? А если бы я перешагнул, дурачась, тот ненадежный и невысокий бортик в общаговской высотке, тогда что, вообще не было бы ничего? Совсем ничего не было бы? «И ничего не будет, как не было» — этого тоже не было бы, а? Какие тяжелые отношения с сослагательными возможностями. Какие тяжелые отношения со случайностями виноградного вина. Быль/небыль разывает изнутри: как же так? Что же могло быть взамен того, что не случилось?

Погасшие маяки.

Заметил, когда мне особенно «не очень» на душе — начинаю перечитывать книги воспоминаний об ушедших хороших земляках. Или их книги. Стихи Решетова. Ранние рассказы Льва Давыдычева «Старик и его самая большая любовь», «Всегда втроем», «Мамино слово». Его поздние рассказы, о внучке. Я помню ее немножко — ходили в детсад в одну группу. Серьезная кругленькая девочка. И две фигуры в длинных пальто, в вечеряющем воздухе — Давыдычев и мой отец — разговаривают о чем-то. Что еще? Воспоминания о Соломоне Юрьевиче Адливанкине — «Еще волнуются живые голоса». Живые голоса тех, кто пытался меня чему-то научить в Университете. Филологи все. Воспоминания о Римме Васильевне Коминой — «Римма». За этими, тоже угасающими, голосами встает тот самый Дух Университета, о котором так любят говорить, что он утрачен, забывая о преемственности поколений, но, думается мне, все-таки небезосновательно — ведь Время, как изменилось само Время. Я читаю эти воспоминания, сквозь призму личного знакомства с тем или иным преподавателем — и, наблюдая со стороны за собой, вижу, как изменяется, быть может, предвзятое, мнение мое. Вот они, та плея-

да старых Учителей, преподавателей, умели «жить в сцеплениях». Мы уже не умеем.

Черты болезненной тайны.

И вправду, чем дальше — тем верней я ощущаю, что все, касающееся меня в этой жизни, приобретает черты болезненной тайны. Мне хочется все больше проводить времени одному. Хотелось бы, но как только достигаю этого долгожданного одиночества — оказывается, что я уже совсем разучился быть один. Я стесняюсь людей по двум причинам — одна их часть мне слишком понятна, другая — не понятна совершенно. Но и те и другие, совсем-совсем без исключений, мне кажутся существами высшего порядка, отыскавшими слова, на которые откликаются такие явления, как Счастье, Благоклонность, Порядок, Цель. Одному было бы проще прожить свое одиночество. Меня давно посещают мысли о миграции внутри себя. Однако оказалось, что экстраверт во мне еще не полностью задужен и прорывается наружу неуклонно, непрерывная борьба доморожденных Инь и Ян. Как я мог говорить о смысле жизни, если даже не понимаю, что это такое: Жить. Любое столкновение с миром вокруг — прогулка в магазин за хлебом, блуждание с кем-то в заснеженном парке или посещение концерта — непременно вырывает невосполнимый кусок моей животрепещущей, непокойной душевной плоти. Разговоры по телефону часто кажутся мне слабым эхом либо уже сбывшихся, либо еще не свершившихся событий, будто с тобой говорит слабым, далеким голосом твой умерший родственник, но никогда тем, чем они являются — бесстрастной передачей на расстояние конкретного момента речи. Пустота. Я вру — не было мне тесно в этой «Точке» в субботу — наоборот, все и все были прозрачны, я ходил сквозь вас, словно там не было никого. Во мне достаточно своей глубины, чтобы не скучать в компании, но ее слишком много, чтобы спокойно переживать благоговение и священный ужас перед людьми, не чувствующими себя в ответе за симметрию пространства вокруг,

форму случайного камня на дороге, в конце концов, за красоту чужих воспоминаний.

О горизонтах.

Да, да, «когда твои горизонты обратятся...» и тому подобный перегар.

Когда-то очень давно, когда мой детский рев на одну продленную секунду прервался от отсутствия воздуха и невозможности вдоха/выдоха, мне показалось, что я умираю. Потом у меня был случай вспомнить мгновение провисания над неизведанной, небытийной стороной жизни. Виною тому была сладкая девочка с невероятными ногами, безумного, мускусного запаха ее тела я позже так же безумно искал в других, разумеется, не находя; когда мы редко и ненадежно-недолговечно бывали вместе, ее абсолютно доллигейзовое «ах, нет», ее персиковая (простите за банальности) кожа с малозаметным, но таким видимым и больным для моего любящего ока шрамом на лодыжке, неподдающийся описанию запах ее волос, в которые я, уже обессиленный, устало зарывался лицом, ее искренняя неподдельная застенчивость перед моей вздыбленной наготой и еще многое-многое — в минуты, представлявшие мне такими незаслуженными, повергало меня в отчетливо ясное понимание того, что все закончится, лишь только закончится наша обнаженность друг перед другом. Едва застегивалась последняя пуговица, надевалась последняя бретелька, мы становились другими людьми, наши векторы вновь расходились, и было уже совершенно неясно, отчего же только что происходившее сплетение вообще стало возможным. И потом, когда неотвратимость настала, мне вновь почудился тот давний момент детского ужаса перед невозможностью ни вдохнуть, ни выдохнуть, во всяком случае, ощущения были сходны.

...Когда мои волосы будут полностью белы, и смерть моя уже начнет пристукивать своей косой невдалеке, когда моя торопливость замедлится и поступь сменится старческим шарканьем, когда глаза окончательно устанут смотреть на сверкающий мир и капли солн-

ца в весеннем дожде уже не порадуют меня, когда из моей памяти вылетят последние куски памяти — я еще один раз вспомню тебя, моя никому не рассказанная, никому из вас, друзья, не известная любовь. А, так это был другой Рокебрюн. Тот, что в Варе.

А жизнь все замедляет ход.

Что остается вне рамок этой фразы? Паратройка пачек фотографий, две-три тысячи попоек с друзьями и не очень, десяток завершенных и незавершенных любовных историй, небольшая библиотека, малозаметные улики деградации? «В жизни каждого бывают минуты...». У меня нескончаемые они, минуты эти. С ними трудно жить.

У человека обязательно должна быть тайна.

Без нее человек тускловат. Она как бы подсвечивает его изнутри. Лучше, когда это естественный огонь, но электричество тоже подойдет. Это может быть глубоко личное осознание чего-либо или сокрытая улика, хранящаяся за дверьми безмолвия, но тайна должна быть непременно, обязательно.

Вброс в игру.

Почему Пастернак когда-то сказал эту красивую странную фразу — «Одна из главных задач детства — привлечь к себе любовь пространства»? Оно и так любило нас. Ласковые лучи, снежинки, которые ловишь ртом. Какие еще могут быть задачи у детства? Задачи помельче: непременно наступить в глубокую лужу, внимательно рассмотреть жука-пожарника перед тем, как его раздавить, попрыгать по крышам гаражей, упасть, сидеть с измазанными зеленой коленками за обеденным столом, довольно крутя головой в ответ на «съешь еще что-нибудь». В детстве мы доверчиво входили в пространство, и опыт потерь был остр, но необиден, а мир учил нас и воспитывал в традиционных для детенышей млекопитающих правилах, с одной лишь поправкой — мы

были людьми и, помимо инстинктов, впитывали подложку чувственности. Главнейшее ощущение младенчества — совсем не «Я — есть», а «Мир — большой». Это вброс в игру. Став взрослыми, мы осознаем, что все изменилось. Раньше мы входили в пространство, а сейчас это пространство мы несем в себе. Человек стал Вселенной не в момент своего рождения и даже не в процессе детского накопления впечатлений, а только в тот миг, когда ощутил ностальгию по ушедшему. Констатация «было, и этого, жаль, не вернуть» — она и есть момент взросления. Она и есть тот самый момент исчезновения пространства вокруг, ибо оно уже переместилось внутрь.

В Перми дождь.

...Идти по улицам прошлого, над которыми дождь. И то, всегда странное, ощущение, что вновь ступаешь на камни, помнящие твою еще школьную поступь. Причем ты уже забыл, ты из тысячи прогулок последнего времени — именно в этих местах — только сейчас припомнил, что вот. Здесь жила подружка любимой, тут вы «случайно» встречались, из этой телефонной будки ты ей звонил в тот самый, очень дождливый, вечер, а вот здесь происходил важный разговор. Но это так, на миг. Сейчас много других планов, в том числе сильнодействующих и быстродействующих, один из которых ближайший — скорее домой, потому что — дождь.

Всегда, будучи в Челябинске, стараюсь выкроить день одиночества в квартире отца. Этот день мне нужен для погружения в прошлое. Книги прошлого: «Паруса Надежды», «Ничто человеческое...», «Раздумья о врачебном долге» легендарного пермского профессора Вагнера, «И остались жить», старый, вкривь и вкось перечитанный томик Платонова, «Моя жизнь в Ясной Поляне» Кузминской, О' Генри, Цвейг, Теккерея, Сервантес. Ряды родных книг, в которых ты помнишь даже шрифт. Пара тяжелых фотоальбомов — отец любил фотографиро-

ваться, да и куда было без этого в его работе. Пара простых альбомов, тоже больших и тяжелых, куда отец клеивал свои публикации в «Советской России» и «Правде». Благодарственные грамоты, письма, правительственные телеграммы.

Мне необходимо раз в год окунуться в это вновь — потому что память, потому что сердце и потому что я все еще ищу тот неверный камень под ногой, после которого все пошло не так. Впрочем, не так — лишь по-моему. Отцу, брату, еще кому... — так не кажется, их жизнь сладилась. Коробка с сувенирами. Медали и медальки, письменные приборы, коллекция подаренных значков, фигурки из Каслий, несколько аутентичных комплектов шахмат. Нашел среди всего этого напоминание о себе-ребенке и содрогнулся от времени, опять оно больно прошло по сердцу, — дощечка «Поздравляю» с картинкой двух мишек, тогда было модно выжигать по дереву, вот и постарался, двенадцатилетний. Фотографии. Красный альбом, название золотыми буквами «Корреспонденту «Правды» Виталию Ильичу Черепанову». Карточки пятидесятых, шестидесятых, семидесятых... Лица, лица. Какова фактура, неформальная серьезность или неподдельная радость, хорошие, честные лица.

В последние несколько месяцев по чуть-чуть читаю «Зачарованных смертью» Светланы Алексиевич. Монологи тех людей, которые хотели уйти, так как что-то ушло из их жизни. Разное, но ушло, не смогли, не сумели совместить свое «я» с неким особенно терзающим, часто даже недоовощенным. Но — остались тут, вытащили или передумали, или за ушедших уже рассказывают ближайšie друзья или родственники.

У меня тоже есть некая потеря, общего свойства, устраиваю ревизию в себе и недосчитываюсь все большего. Не только личного. Да хотя бы — той серьезности, улыбочивости — неподдельности лиц на старых советских снимках. Я могу их и не помнить, во мне восьмидесятые должны кипеть, а мне — не хватает. В последние пятнадцать лет мы потеряли множество ощущений —

вкус, цвет, слух, ароматы стали просто запахами. И продолжаем все это терять. Это возраст, это середина жизни.

Смерти, наверное, нет.

Ее нет, покуда живы те места, где мы продуывали часы и годы. Пока есть тот комочек много раз переродившейся земли, двадцать лет назад дававший жизнь нескольким травинкам и паре одуванчиков, на которых ты лежал головой, смотря в небо, залитое нестерпимо ярким солнцем, в свои восемь лет. Или пока жива память этих мест о тебе. Или пока вообще жива память — не та, которой помнят любившие тебя, родившие тебя, рожденные тобой, а та, вторичная: «Я помню, как кто-то рассказывал, что один его знакомый сказал такую фразу...» Та память, что сродни нашему общему знакомству на планете через нескольких знакомых человек. Прошлое оживает тем сильнее, чем сильнее я его вспомню. Чем четче я его вспомню. Чем детальнее и красочнее его вспомню. Смерти, наверное, нет.

Идея. Замысел.

Как рождается идея? Так хотелось бы разведать и объяснить пути ее происхождения, причем объяснить без всех этих «синхронизаций» и «прорывов в истинное бытие». Откуда приходит это внезапно ясное осознание будущего текста? О рождении замысла занятно, витиевато и поэтизировано пишет Паустовский в «Золотой розе», но там все больше сводит к некой «искре», то есть собственно к «синхронизации», такой термин гораздо позже придумал один заумный и от этого смешной западный исследователь текстов Набокова, написавший книжку «Набоков и потусторонность», по-моему, его фамилия Александров. Помню, когда я попробовал использовать его идеи и термины в наброске своего диплома, меня разнесли в пух и прах. Но что все-таки есть замысел? Мне бесконечно импониру-

ют краткие и нестандартизованные объяснения, как вот, например, определение сюжета, данное профессором Бабаевым: «Что такое сюжет? Шел в комнату — попал в другую. Вот что такое сюжет». Но в силу специфики происхождения замысла, то есть действительного моментного движения в мозгу, связанного с неким положением предметов вокруг или неожиданным сочетанием чувств, выразить словами процесс рождения идеи мне пока не удается. Может быть, это получится позже.

Сильный шепот

в телефонной трубке.

Мощный, терпеливо-напористый, полный жизни, но шепот. От стесненности обстоятельств. Не похожий на шепот в постели, когда больше мягкости и нежности. Есть люди, похожие на голос. Монотонный или прорывающийся, затрудненный дефектом речи или ясный и отчетливый — это все люди. Люди-голоса, ушедшие или живущие рядом с нами. Узоры судьбы — эти вечные квадранты счастья/несчастья — схожи с модуляциями голоса. Вот некоторые потешаются над моей почти вечной серьезностью, а между тем, «бодрствовать кто-то должен». Кому-то нужно отыскивать нас среди наносных жестов и смыслов. Оставьте мне это мое созерцание, не перечьте мне в усилении понять — что же все-таки с нами происходит. Человек-шепот. Человек незаметный. Незаметной судьбы, без сильных акцентов на разных ее участках. Не включенные поворотники. Дождь. Мотив зайти в кафе — какой? Тот, что это действие ни малейшим образом не отличается от других совершаемых — похода на работу, рабочего дня, встречи с друзьями, свидания с девушкой. Ни в большую, ни в меньшую сторону, равная бессмыслица. В какой момент жизнь человека, похожего на шепот, опустошается? В какой момент жизни обесмысливаются ее составляющие?.. Ничего не осталось.

Перебираю пачки дисков, ищу, чего бы поставить утром негромко.

И почему-то пронзительно вспомнилось время лет двенадцати назад, когда еще не так много хитиновых пластинросло на сердце и музыка входила в него свободно, радовала и вызывала внешние события. Тогда не просто слушали, ею жили. Любая случайность/неслучайность твоей жизни была отмечена музыкальным сопровождением. И эти воспоминания — о той или иной песне или композиции, они не имеют прустовского смысла, когда вкус печенья сложным ассоциативным образом отсылает тебя к, казалось, утраченному фрагменту памяти, но дают возможность сразу, резким вдохом вдохновения вспомнить один миг из себя, тогдашнего.

Allez!

Трудно жить в этом прекрасном и яростном мире.

Вокруг одни фантомы и фантомные боли, когда болит то, чего уже нет.

«И никогда Москва не сможет променять весь шум жизни на шепот одного человека».

К отцу сейчас придет играть в шахматы

такой же старик, записной еврей Ян Натанович Липкин, чья жена была лучшей подругой Галины Брежневой. А пара домашних матчей в шахматы для отца — это своеобразный лакмус: если зовет играть — значит, здоровье не так и плохо. И, воодушевленный предстоящим сражением, собрался рассказать мне очередную шахматную историю. «Не надо, пап», — это я, думая, что вновь сто раз слышанное, как он играл с Анатолием Карповым вничью, или как, заигравшись, прыгал с палубы одного парохода на катер, догоняя ушедший теплоход с оставшимся там сыном... Однако он вспомнил на этот раз про «благодарность маршала Малиновского». Был сеанс игры на ста досках, отец был чемпионом Хабаровского гарнизона

и играл против личного адъютанта маршала Малиновского, тот был в чине подполковника и был чемпионом Хабаровского края. Подполковник проиграл, это было видно всем, но почему-то упорно двигал фигуры... Тут по рядам прошелестело — приближался маршал. Он подошел сзади, наклонился над офицером и, увидев ситуацию, сказал ему на ухо: «Пора сдаваться, подполковник!», тот недовольно повернул голову, но, увидев знакомые лампы, испуганно вскинул руки и выпалил: «Сдаюсь, товарищ Маршал Советского Союза!».

Малиновский поздравил отца с победой и на усмотрение его командиров указал дать ему внеочередной отпуск. С командиром батальона отец часто бывал «в контрах», поэтому на следующий день услышал от него: «А вот ни хрена ты никуда не пойдешь». Отец, расстроенный, не от большого ума пошел на почту и дал сам себе телеграмму: «Приезжай, мать тяжело больна». Когда он зашел к начальству, комбат встретил его ухмыляющимся лицом и фразой: «Ну что, дружок, теперь под трибунал?». Тут уже ничего не оставалось делать, и старшина Черепанов припомнил комбату нарушения устава: оказывается, частенько, профестивалив всю ночь, комбат рано утром подымал по тревоге батальон, и все боевые машины подразделения шли колонной к дому командира, во главе колонны был он, с букетом цветов. Так комбат «мирился» с женой.

Отец и начальник молча вышли из штаба, дошли до ларька со спиртным, выпили по стакану водки и тоже «помирились».

Совершенный, однозначный декаданс.

То же начало века. Ощущение пира во время чумы. Усталость у думающих людей. Мода фотографироваться с пистолетом у виска. Спивающаяся чернь. Спивающаяся интеллигенция. Привычно далекое от народа руководство страны. Подмена понятий, бюллетеней, чувств. Тотальное увлечение «левизной». Дешевый патриотизм. Мрачное чудовище с «Балтикой» в руке и патриотиз-

мом в голосе нам дороже нормального человека, желающего уехать из страны. Мода на пошлые словосочетания типа «православный газенваген». Вновь выросли долги рабочим на предприятиях. Инфляция. Хотим назад, вновь стать «великой державой», но бодро шлепаем по дороге разочарований. Отсутствие участия. Отсутствие стыда. Разучились. Или не умели, элементарно, не умели.

Лето — очень рубиконово-пограничное время.

В особенности для памяти и сантиментов. Бывают минуты, когда сердце запинается о случайно возникшее воспоминание, еще секунда — и ты, улетев в прошлое, уже выдыхаешь тот, любимый, воздух детства и свободы. Вот, например, как поэт Водеников так бесподобно зациклен на лете, июле, грозе. У меня что-то схожее, ассоциативный ряд: озеро Смолино, ночные купания, беготня по внутреннему леску у дачи, все эти створчатые оконца и по-доброму разгульный хмель взрослых — у нас всегда (тогда) была большая компания, кабинки для переодевания, маленький кинотеатрик с фильмами по десять копеек, томатное мороженое, непередаваемый запах только что найденной большой земляничины, одуряющий зной, остро-смутное дыхание дождя и среди всего этого — маленький ты, средоточие мира, веснушки, золотая головушка, стоишь у качелей-лодочек, вся-жизнь-вперед, вся, вся. Которая вхлынет в тебя, прорвав твои шлюзы насквозь, и вот, ты, рубаха-парень, прореха, жизнь утекла, очнулся на мгновение, рраз — и все: будто спал или умирал. Есть только детство и то, что сейчас. Немаленький промежуток улетел в воронку.

Когда вписанные в окружающий современный контекст люди

сталкиваются с тем, что не укладывается в их восприятии, с тем, что, по их размышлению, не поддается анализу с точки зре-

ния здравого смысла, как правило, эти люди сразу же отторгают те модели, с которыми они так внезапно и неудачно встретились. Реакция элементарна — отторжение, на смешка, внутренняя глухая злоба.

В их системе координат нет одинаковых с оппонентом точек соприкосновения, и растерянность перед индивидом, проживающим свою жизнь не «не так», как единственно могут мыслить они, а просто в другой плоскости — трансформируется в активное неприятие. Так, жителям коммуналки всегда легче знать одного из своих соседей как простого уличного торговца сосисками, но когда случайно выяснится, что он изобрел вечный двигатель — сразу же в головах, бедных духом, начинается разрушение стереотипа.

Те же процессы происходят и при ментальных разногласиях — разногласиях по поводу способа жизни, отношения к ней, разности температуры реакций и температур.

Раз-два. Раз-два.

Ты, конечно, слышишь, ты не можешь не слышать. Больше, становится больше того и другого, ты всегда радостен. О-о-о, сколько в тебе радости, ты разбрызгиваешь ее капли и становишься похож на отставшего от цирка. А он не уехал. Он развалился, умер, сгнил. Раз-два, раз-два. Это чеканят шаг твои хранители, но скоро и они начнут отставать, намучаются с тобой. В желудке пусто, в голове тоже. Все хорошо, все так и должно быть. У тебя часто спрашивают, как дела. Ты стараешься отвечать, что хорошо. Хоть этому ты научился. Как много фееричных шуток! Как много совершается вокруг тебя, пока ты «готов» и пока твоя «нежная небритая щека касается деревянной столешницы». И пока все твои педали педального коня вжаты в пол одновременно. Никакой грусти, никакого насилия. Никакого «нас нет».

Иван Козлов

Крыжовник

Помню, как ненавидел школьные уроки литературы.

Нет, не за разбор поэтических текстов, как было бы логичнее всего предположить.

Хотя, что уж там, за них тоже, конечно.

*В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.*

— Почему же Блок написал слово желты через букву «О»? — заговорщическим тоном вопрошала Раиса Ивановна. Упрямая, но добрая и бесконечно наивная — она чем-то напоминала снеговика, вечного помощника Деда Мороза. Я думал об этом и невольно улыбался. Представлял у нее на голове яркое, как в новогодних мультиках, красное ведро, и на моем лице расплывалась улыбка.

— Ваня, что вас так радует, поделитесь с нами!

Я с видимым усилием напускал на себя серьезность и молчал секунд пять, пока ей не надоело ждать ответа.

В прошлом году мы поздравляли ее с сорокалетием преподавательской деятельности. А сейчас я сидел за партией опустив глаза

и разглядывал артерии трещин на крашеной в прошлом веке столешнице, представляя, как долгие сорок лет, по несколько раз за год в этой аудитории звучало: «Не можем же мы с вами наивно думать, что Блок, великий русский поэт, был неграмотным и случайно допускал ошибки в словах?».

И ни разу с тех пор, как мир чуть не погиб во время карибского кризиса, с тех пор как Куба стала социалистической страной, а первый человек покинул земную атмосферу и вернулся живым, никто не говорил ей: «В 1903 году такое написание было допустимым, Раиса Ивановна! Как, например, «чорт».

Вместо этого все молчали, разглядывали трещины и неприличные пожелания на партах, и я тоже молчал и разглядывал, потому что понятия не имел ни о какой до-революционной грамматике и всем прочем. Но незнание компенсировалось непонятно откуда взявшейся интуицией, и необъяснимое чувство стыда и неловкости сорняками разрасталось во мне по мере того, как Раиса Ивановна ледоколом «Ленин» двигалась среди пыльных айсбергов школьной мебели и все напирала, напирала:

— Ну как же, вслушайтесь в это «желты», ведь что-то поэт хотел до нас донести, меняя букву в корне слова, ведь у Блока не мо-

жет быть случайностей в стихотворении, так что же он хотел нам сказать, этот классик серебряного века, ну что он имел в виду, а, Марушевский?

Все знали, что Марушевский не ответит, и Раиса Ивановна тоже знала, а лучше всех знал об этом сам Марушевский. Поэтому он жевал и глядел на учительницу недоуменно-веселым взглядом, как будто хотел спросить, не попутала ли она чего на старости лет.

Но раньше, чем Раисе Ивановне успевало надоесть безмолвное издевательство, первые парты взрывались — холодный и точный расчет, мхатовская затяжная пауза, и какая-нибудь Танечка или Леночка, подчеркивая и оттеняя за счет Марушевского свои прилежность и ум, наконец выкрикивала с любовью и покорностью в голосе: «Раиса Ивановна, а можно я?!»

Раиса Ивановна начинала сиять, и Танечка или Леночка тоже начинала сиять, отчеканивая по бумажке слова, от которых сорняки неловкости во мне разрастались тропическим бурьяном, как волшебные бобовые стебли из сказки: «Этой намеренной ошибкой Блок как бы подчеркивает, что что-то в атмосфере стихотворения неверно, что-то неправильно, эта ошибка должна по замыслу автора вызывать у читателя чувство дискомфорта, беспокойства, должна подводить к мысли, что происходящее не одобряется самим автором».

Раиса Ивановна расплывалась в приливе счастья. Годовой цикл, сорок лет не знавший сбоев, свершился вновь, древний ритуал снова оказался приведенным в исполнение, великий русский поэт Блок закончил очередной переворот в своем тесном гробу, и все встало на свои места. Все точно, как часы.

— Молодец, Танечка — учишь, Марушевский, как надо мыслить, — говорил Снеговик, позвякивая красным эмалированным ведром. Или: «Молодец, Леночка», впрочем, какая разница.

Да, все это было невесело и отвращало, как тусклые бежево-коричневые бланки, на которых заспанные доктора строчат направления на анализы кала и мочи, а тебе,

совсем маленькому, неуютно от грязно-оранжевого света люстры, и даже резиновый ежик смотрит со шкафа так, что хочется убежать и больше никогда не сдавать кал и мочу этим людям, сложенным из дешевой папиросной бумаги.

Разборы стихов еще можно было пережить. Останки сочинений о Великих Русских Поэтах, топорно препарированные затупившимися скальпелями, скидывали в черный блестящий мешок и отвозили на свалку памяти, а операционные столы промывали влажными тряпочками. Проходили контрольные, заканчивались экзамены, и про «желтые» окна никто больше не вспоминал — нужно было учить другие программы и разбираться в других неслучайных ошибках. Но после одного из уроков стол остался неприбранным — лично я до сих пор вижу на нем кровавые лужицы, развороченные внутренности и неумелые надрезы на вечно живой плоти художественного произведения. Это лежит рассказ Антона Чехова «Крыжовник».

Раиса Ивановна шваркнула перед нами «Крыжовник» килограммовым куском мяса, ловко, словно филиппинский хилер, засушила в него руку и без всяких инструментов извлекла на свет божий трясущегося и беспомощного Николая Ивановича Чимшу-Гималайского.

Обрюзгший, заспанный, он смотрел на нас и моргал, ничего не понимая, и Раиса Ивановна тоже смотрела на нас красными точками мерзлой рябины, водила по воздуху носом-морковкой, тонкой кривой веточкой держала за шиворот Николая Ивановича.

И каждый из нас, один за другим, предчувствуя легкую добычу и хорошую отметку, поднимал руку, сжимал кулак и опускал большой палец вниз: «Прикончи его». А я разглядывал на парте корявые венозные сеточки потрескавшейся краски и молчал.

Бесчисленные Леночки или Танечки визжали, перебивая друг друга: «Чехов осуждает таких, как Николай Иванович, ведь он понимает, что в человеке все должно быть прекрасно, человек создан для великих дел — разве крыжовник может стать достойной целью в жизни? Помогать людям,

всегда идти вперед, не останавливаться, «светить всегда, светить везде», как говорил великий русский поэт Маяковский, отдавать себя обществу, жить во благо другого человека — вот истинная цель, достойная человека и гражданина. Чехов как человек и гражданин не может одобрять Николая Ивановича, который выбрал тупиковый путь, путь эгоизма, поставил перед собой глупую ничтожную цель — какой-то крыжовник, Чехов высмеивает его!»

Николай Иванович вздрагивал в хрупкой, но сильной руке-веточке, кровь текла из глубоких царапин, оставленных маникюрными ногтями девочек с передних парт, и даже Марушевский нерешительно поднял вверх кулак с опущенным большим пальцем — лишний плюс в журнале, кому он повредит, в конце концов.

— Дорогие ребята, никогда не останавливайтесь на достигнутом, всегда идите вперед, помогайте другим людям, помните, что где-то всегда кому-то плохо, где-то голодают дети, происходят эпидемии, невзгоды, горести — светить всегда, светить везде, не быть мещанином, не быть эгоистом, не есть до конца жизни кислый твердый крыжовник.

...Я задержался в классе и, когда все ушли, пробрался к корзине для бумаг и достал оттуда обескровленное, измятое тело Чимши-Гималайского. К тому моменту он сжался до размеров спичечного коробка, сделался совершенно плоским и не подавал никаких признаков жизни. Я вздохнул и положил его в горшок с каким-то пушистым вьющимся растением. Сверху упал пожелтевший отмерший листок.

Простите меня, Николай Иванович, если сможете. Это я через пять лет стану такой умный и буду писать и говорить все, что захочу, а пока я всего лишь пустое место в огромном и враждебном классе, призванное разглядывать парты и молча учить наизусть неприличные предложения и пожелания, на них нанесенные. Простите меня, грешного, не уберег, не отстоял.

Пусть вы растоптаны, уничтожены, забиты до смерти снежной бабой Раисой Ивановой,

никчемным Марушевским, великим Антоном Павловичем, пусть вы уже давно испустили свой мещанский дух, все равно послушайте, я ведь тоже «ловил ерша и видел осенью перелетных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней».

Мы с вами никому ничего не должны, Николай Иванович. Вы только в одном меня хуже — вы никогда и не помышляли даже ни о чем, кроме своего крыжовника, а я вот бегаю по донорским пунктам, хожу на митинги, сдаю ненужные вещи чужим детям, советую, вытаскиваю, налаживаю...

Впрочем, все это пустой самодовольный треп. Знаете что?

Я мечтаю закатывать огурцы в банки.

Да, вот так-то. И поэтому не прощу никогда ни Раису Ивановну, ни Танечек-Леночек с их заготовленными речами и окривевшими ногтями, ни «светить всегда, светить везде»...

Хороший вы, Николай Иванович. Хоть и мелочный до тошноты. Были.

Я очень долго мечтал быть егерем. Дольше, чем сыщиком и хирургом, дольше даже, чем физиком-ядерщиком. И мечтал бы до сих пор, да только оказалось, что егерю нужно отслужить в армии, а у меня, знаете ли, сердце — не берут-с. И про егерскую избушку мне нынче мечтать нельзя — бессмысленно. Зато можно мечтать про избушку обычную — вот я и мечтаю.

На прошлый Новый год подарили «Травник» — настоящий уральский травник с фотографиями и рецептами. И несколько недель для меня не было чтения интереснее, все изучал: что вот это — полынь, и можно с полынью мариновать мясо, что вот это — кровохлебка с темно-алыми шишечками на тонких голых стебельках (а я-то всю жизнь ее звал «кукушкины слезки»), и можно из нее варить варенье. А это — лопух, и им при случае сподручно лечить туберкулез. И было наплевать даже, что какой-то народный певец земли русской украсил научную статью про лопух своими нетленными строками:

*Не тот лопух, кто в зарослях у стен,
А тот, кто, мучаясь подагрой и лысея,*

*Лопух ногою топчет, между тем
Познать целебность корня не умея.*

Я даже к этому рифмоплету проникался ироничной симпатией, даже к его лирическому герою, который в свободное от работы время топчет ногой многострадальный, ни в чем не виноватый лопух — настолько радовала меня эта книга, настолько тепло становилось от мыслей о будущих годах.

Эти самые Будущие Годы делались как-то ближе, и я воображал, как буду бродить в своей выгоревшей штормовке по уральским зарослям, туманным утренним берегам, заброшенным сенокосам и диким лугам. Как буду пригибаться к земле, смотреть на блестящие от росы листья, вспоминать названия, собирать в букеты, связывать их в пестрые веники с безумным пьянящим ароматом и подвешивать их к перекладинам деревянного дома. А зимними ночами снимать помятый цилиндр чайника с нагретой печи и заваривать в треснутой керамической кружке зверобой, чабрец, душицу, а может быть, даже Живучку Ползучую (сейчас я уже не помню, как она выглядит и можно ли ее как-нибудь куда-нибудь заваривать).

Крыжовника у меня как раз не будет, любезный Николай Иванович. Не люблю я эту ягоду — непонятная, щетинистая, кислая, а если не кислая, то мелкая. Зато непременно будет капуста, огурцы, картошка, чтобы зимой, как только Рождество, как только разольется в воздухе высокий неслышимый звон, а строгое зимнее солнце повиснет у краешка сочно-голубого неба и заискрится свежий невесомый снег на голых ветках сирени и ирги, сквозь изукрашенные уральским холодом окна нагрянут в избу косые столбы утреннего лимонного света и попадут на уютные тусклые ковры, пройтись по улице, позвать к себе всех, кого захочется позвать, а самому — в погреб, чтобы выставить на стол. А там — капуста красная квашеная, крепкие огурцы, засоленные со спиртом, чтоб аж скулы сводило, аккуратные красные помидоры, каждая как закатное солнце в декабре, варенье из лесной земляники,

брусника, клюква... И грибы, непременно грибы. Рыжики.

Я помню, как впервые в жизни нашел рыжик. Гулял по заросшей просеке и нашел. Он торчал посреди дороги, полный оптимизма, как ни в чем не бывало — крепкий, красивый, влажный от росы и чистый. Нет, конечно, я и до этого собирал рыжики, но с родителями, дружной толпой, а тут вон оно как...

Я прибежал домой: «Мама, — крикнул я, — рыжик!» И засиял.

С одного рыжика что сделаешь? Ничего не сделаешь с одного рыжика. Но не выбрасывать же. Рыжик, как советовал отец, я порезал на дольки, положил на блюдечко, присыпал крупной солью и поставил на потрескавшийся деревянный подоконник в кухне. К вечеру на блюдечке образовалась едва заметная лужица мутноватого сока — рыжик просолился. Я ел его медленно, по одной дольке. Гадко, солоно, горько, да и грибы я в том возрасте терпеть не мог — но какое все-таки счастье. «Вкуснятина», — объявил я всем, когда на блюдечке осталось только мокрое место. И принялся пить сладкий чай.

Ничего нет интереснее на свете, чем собирать рыжики. И зимой, открывая банку соленых грибов — аккуратных, блестящих и сочных — вспоминаешь, как гонялся за ними летом с утра пораньше по заросшим просекам, опушкам, краям покосов, шуршал деревянным посохом в сухой земле, спутанной усиками дикой клубники и мышиноного горошка, раздвигал осоку и пшеницу у лесополосы, приподнимал угрюмые еловые ветви, и как проходила легкая дрожь, когда выцеплял взглядом блекло-ржавую нежную шляпку.

Достаешь из банки один за другим — все благородно-склизкие! А вот этот запомнился, самый крохотный, который еще и на свет-то божий не появился, когда ты, легко шурша ножом вокруг очередного грибного семейства, приподнял клочок мха и увидел его, всего-то в пару миллиметров высотой, бережно взял, как в детстве под Новый год разламывал жареный арахис и отгрызал крохотное ядрышко — росток, которому так и не выпало счастья появиться на поверхности.

Это ли не наше счастье, Николай Иванович, а? Горите, синим огнем, страждущие с молоточками за дверью; много ли сейчас в мире наберется таких, как мы с вами — благосклонно готовых лишиться своего ненужного присутствия скрежещущие, страшные, пружинчатые, дымные, неизвестно чем кишасщие внешние сферы, которые пухнут и мрачнеют от общественно активной накипи, как внутренние органы от испорченных клеток? Много ли?

Зимой меня городским смогом обволакивает жуткая потусторонняя хандра. Слышится мне утерянный в детстве воздушный звон, который не уловить ушами, особенно ушами взрослого; вспоминаются ириски — большие, шестиугольные, со Снегурочкой на бумажном фантике, которые дедушка под Рождество зацеплял за проволочные крючочки и подвешивал на еловые лапы; старая антикварная игрушка — «Дирижабль СССР», которая всю зиму лежала на вате между рассохшимися рамами деревенского домика вместе с фарфоровым зайкой и сушеным луковым цветком, для красоты; вспоминаются мутные синие фонари на перекрестках и ме-

тель, метель, метель, а дома усыпляющий жар печи и тушеная на открытом огне морковка, тусклый свет лампочки, обвитой паучьими тенетами, и скрип веток о замерзшее окно, тишина и безутешный далекий гул диковинного печального животного — Транссоба.

Если долго смотреть на падающий снег в светлый пасмурный день, если слушать, как приземляются снежинки, то стекло, что вечно маячит между тобой и всем, что снаружи, начнет медленно-медленно оттаивать, как будто кто-то огромный и теплый подул на него со всей силы, и наконец треснет, развалится на мелкие острые льдинки, словно разобьется иллюминатор в герметичном салоне твоего привычного мира — с грохотом и скрежетом порвется металлическая обшивка, и какая-то невидимая, но неодолимая сила потащит тебя наружу, к воющему морозному провалу, где все до слез, до боли в груди знакомо и близко. А ты пристегнут ремнями, прибит железными костылями намертво, и никуда ты отсюда уже не денешься — как обычно. Такие дела, Николай Иванович. Впрочем, ты тут уже совершенно ни при чем.

Уральский треугольник

«Треугольник Урала» — так в середине девяностых Алексей Парщиков назвал свой первый, кажется, в жизни путевой очерк — о Свердловске, Челябинске и Перми. В этом индустриальном треугольнике «в страстях, в надрыве и в миллиметре от аннигиляции» странствуют мрачные перекатные поэты, а в запущенных голодных перестроечных квартирах разговаривают исключительно стихами. «И какой-то маниловской утопией казались проросшие на этой земле приворотные русские стихи, лишенные лексической однородности и академического крючкотворства. Мне открылись образы тревожные, озабоченные наполнением, зудящие в точке опоры и вибрирующие в наваждениях разбегания».

Вибрируют ли былой приворотной силой стихи нового поколения, населяющего уральский треугольник? Это смогут проверить те, кто придет на СловоNova-2010, самый масштабный и представительный фестиваль современной поэзии за пределами российских столиц.

Фестиваль пройдет в Перми с 10 по 12 декабря в Музее современного искусства PERMM, в театре «Сцена-Молот», в ПГПУ, в Доме Смышляева. В читках участвуют Вера Павлова, Михаил Айзенберг, Елена Фанайлова, Виталий Кальпиди, Дмитрий Быков, Юрий Казарин. Более подробно с программой СловоNova можно познакомиться на официальном сайте фестиваля <http://slovonova.ru/>. А с 14 до 16 ежедневно — время «Уральского треугольника» — программы, в которой молодые поэты Перми, Екатеринбурга и Челябинска читают стихи XXI века. Предваряя встречу, журнал «Вещь» предлагает избранные стихи уральских гостей фестиваля.

Марина Абашева

Никита Чубриков (Челябинск)

* * *

Мальчик учится город делать другим,
Оголтелых птиц подманивает на звук.
Мальчик вдыхает в себя сигаретный дым,
Задержав дыхание, слушает сердца стук.

Какой-то знакомый прыгает с девятого этажа,
А он стоит на балконе с сигаретой в руке.
Серой реки змея, веки разжав,
Говорит с мальчиком на неведомом языке.

Говорит о том, что город исчерпан и стар,
Что закатное солнце однажды свалится вниз,
Что этот пожар надо принять как дар,
Что этот спектакль надо исполнить на бис.

Звезды подрагивают — тлеющие угольки.
Мальчик чувствует: города больше нет.
Птичье многоголосие отсеки —
Прыгнет с балкона на первый хрустальный снег.

Вита Корнева (Нижний Тагил)

вся пугающая птица в кулаке
во всестороннем тупике
на пике развития
после вскрытия
горящая как шапка на воре
говорящая кровь в норе
у которой спорт с утра
как из ведра

из чего из чего из чего
сделана дочь его
умноженная на три
открой и посмотри

Василий Чепелев (Екатеринбург)

1.

Чужая жизнь врывается в окно,
Нелепая, как я в десятом классе.
Красивая, как ты в десятом классе,
Машина снова

На перекрестке замерла ночью,
Как замирает голос в разговоре.
Я знаю множество историй.
Все об одном.

Водитель глупо вертит головой,
Машина поворотником мигает,
Трамвай дежурный пропускает,
Едва живой.

2.

Я начинаю считать секунды, а ты — вагоны.
Секунд значительно больше. И боль
Еще не пришла, но я хорошо помню о боли.
Ветер уносит окурки, приносит музыку, но не рискует срывать погоны.

Музыка заполняет эти все разговоры.
Но этот ветер пустой, эти все звуки — ноль.
На этой планете нет ничего, кроме ночных такси и застолий.
Так, кажется, было до этих пор.

Я забываю ласковые прозвища, как посторонние имена.
Приходит весна.
Вулканы, слезы, трамваи, самолеты и корабли.
И выше ноги, и руки касаются до земли,
Срывают цветок и пристраивают к твоей акварели.
К черту слова, любимый, ага, к черту апрели.

Никита Иванов (Екатеринбург)

Холод лютый, холод повсюду.
Только на Дальнем Востоке, что ли, немного теплее.
На Кавказе и на Кубани тоже терпимо, но они не привыкли.
Вся Россия замерзает.
В Рязанской области группа добровольцев-блоггеров из Москвы
Объезжает деревни, в которых все до единого
Дома промерзли насквозь,
В которых у всех жителей кончились дрова
И уголь еще в начале декабря.
В которых люди разбирают сараи и топят ими печи.

Добровольцы ищут замерзающих одиноких стариков.
Они раздают еду, одежду, уголь,
Уговаривают стариков уехать в город,
Предлагают им переехать в реабилитационный центр.
80% стариков отказываются.
Добровольцы пишут об этом кто в твиттере,
Кто в Живом журнале.
Фоток мало: фотоаппараты замерзают.

Два добровольца, Иван и Игорь, —
Бабам нечего делать в таких отрядах —
Идут по абсолютно пустой деревенской улице.
Светит низкое солнце, дует пронизывающий ветер.
Подошвы их зимних дорогих ботинок
Просто примерзают к узкой тропинке.
Их лица замотаны по глаза шарфами.
Игорь работает дизайнером в журнале в мирной жизни.
У него в соседней деревне бабушка чуть не замерзла.
Он приехал ее вывезти и увидел такое,
Что немедленно присоединился к добровольцам.
Иван — менеджер по продажам в фирме по производству вывесок.
Заказов на вывески в минус сорок два нет,
Директор отпустил всех работников по домам.
Иван прочитал в ЖЖ, что творится, и тоже присоединился.

Они только что загрузили в «газель» заледеневшее тело старухи.
У нее в доме на стенах висели многочисленные фотографии выпускных классов,
Как у учительниц из советских фильмов.
Видимо, она тоже была учительницей.
Кино, ага.
Фотографии и стены были покрыли слоем — как это называется? —
Измороси? Снега, короче, прямо внутри дома.
И рыжий кот старухи замерз прямо у нее в ногах,
И на нем тоже был снег.

Кота блоггеры оставили лежать на кровати.
Сфоткать для отчета не получилось: опять техника отказала.

Игорь идет, думает: «Какая-то пустая совсем голова. Какая пустота.
Как холодно, блядь. Как бело».

Иван думает: «Ебанный холод! Я хочу оказаться в офисе, на диване возле кулера.
Я хочу говорить о том, что Маша вышла замуж за Никитина
И теперь лежит в больнице с воспалением почек, и чтобы все
Смеялись вокруг. Я хочу звонить клиентам, обманывать босса,
Ругаться со сметным отделом.
Смотреть мультики Вконтакте. Читать френдленту.
Шутить про Путина в комментариях.
Почему этот холод говорит мне, что вся моя жизнь,
Ну не вся, но последние три года точно, была бессмысленна?
Какое он, сука, имеет право?
Я не хочу считать, что, чтобы что-то сделать в этой жизни,
Нужно выносить замороженные трупы и раздавать дрова.
Ко мне вон в августе подошла же одна
На Фрунзенской, я на работу ехал,
И спросила, где я купил такую классную футболку,
А я купил футболку в Бостоне, когда ездил к отцу,
И я ей говорю — «в Бостоне»,
А она улыбается и говорит кому-то в свой мобильный:
«Прикинь, я тут у парня спросила, где он футболку купил, понравилась мне,
А он говорит — в Бостоне. Ну почему все так?»
Я в плейере был, и она думала, что я не слышу, а я слышал.
И я же вот об этом думаю полгода.
И я же не стал вот в ЖЖ даже писать об этом.
Почему я сейчас здесь иду?
Какого хрена, чего я здесь жду?
А про замерзающих этих напишут все.
Ядерная, типа, зима в средней полосе.
Как же хочется, чтобы было лето.
Чтобы прямо сорок градусов, чтобы, было тепла.
Чтобы жизнь была и незамороженные тела».

Илья Манилов (Екатеринбург)

я выхожу из дома
только просыпаясь
я почти еще не знаю
даже не надевая уши
я выхожу из дома
дома все пестрят
я не оглядываясь
и не обращая внимания
прячусь в тени
отпечатков на асфальте
вывеска ткани
два на два пожалуйста
расплачиваюсь
я думаю потом что
так же расплачиваюсь
но об этом лучше не надо
я захожу к бабушке
и беру все необходимое
выхожу и сажусь
прямо тут и вышиваю

гордо долго иду
в руке палка
мертвая вчерашней катастрофой
режет цепляя руку
на флаге красочном
мелкой россыпью
всепрощения

на улице в этот день было темно
шапочно знакомые алкаши
как-то настойчиво звали выпить
вся улица пряталась как по наставлению
надев все самое плохое старое
да и вообще было темно
я этот день не помню.

Руслан Комадей (Нижний Тагил)

Поножовщина

Положи ежа на ранку,
А потом его ударь.
Это хуева изнанка —
Аристотелев фонарь.

Говорить вполоборота
В безымянном языке.
Это ветренная рвота
И течение на реке.

Игловатые, как ежи,
Окончанья падежей.
Засыпаю только лежа
И не трогаю ежей.

Владимир Тарковский (Челябинск)

Фантомное рождение

Как стол на несколько персон, — какая пропасть,
О, боже мой, какая пропасть здесь!
И если мы могли бы рядом сесть,
То, не задев друг друга рукавами.

Вот ложками стучат, уже вот-вот,
Еще лишь миг, и кто-то упадет,
Где яд запрятан в звере или птице?
Твое нутро, твой девственный живот
Ужат, и плод в нем вряд ли оживет.
О, Еве не хватало ученицы!

Плати теперь, прекрасная Лилит.
Кто пожелал быть сверху, тот убит.
Смотри, змея из бронзы на бокале —
Ирония, смеется Гиппократ.
Он говорит: я был бы с вами рад
Напиться в этот день на биенале.

Как стол на несколько персон, — какая пропасть.
Смотри наверх, смотри под самый свод.
Еще лишь миг — и кто-то упадет.
Страх высоты, а проще — невесомость.
Когда сидящий в самом центре гость

Натянет скатерть и пройдет насквозь
Твою вечно изменчивую полость.

И вот мы вместе все на полотне,
Что у да Винчи, губы все в вине.
Цветные кадры ветхой киноплёнки.
Ты вынула сквозняк из темноты,
Но две руки пристроены к груди,
Как у кормящей матери с ребенком.

Иван Колпаков (Пермь)

Гимнопедия

(Прошлое — черепаха. Будущее — Ахиллес).
Медсестра готовит иглу для игры в плазмаферез.
Всасывать кровь через трубочку,
поправляя юбочку,
веселую я для тебя приготовила процедурочку?

Я совершенно один иду сквозь кромешный лес.

Ангелов нет земных, ангелов нет небесных,
и ныне, и присно, и во веки веков аминь.
Темнота — это сила плотно сомкнувшихся спин,
там и я позади них стою, совершенно один
посреди огромного кромешного леса.

Кони бледные,
всадники без царя в голове,
неуловимые мстители,
маклеры теневые,
как страшно смотреть
на ваши куриные выи;
заклинаю себя, шепчу самому себе:
«Не остаться в этой траве,
не остаться в этой траве».

(Вспомнилось отчего-то: апрель, свинцовая Кама,
ровно месяц прошел с тех пор, как закончились гимнопедии,
без которых жить было очень странно,
но надо.
Я редко вставал с дивана.
Перечитывал пустяковое. Всякие древнегреческие трагедии
в лихих переложениях.
А в груди уже чудилось жжение,
нарыв пневмонии зрел).

Церемония подходит к концу. Я совершенно цел.
За окном прояснило. Лес
стоит как ни в чем не бывало.
А в слюде слепого окна,
как комар в янтарной стекловате,
замуровано мое отражение.
Я удивленно сел
на край своей кровати.

Семен Ваксман

Серенада лунного света*

1

У меня часто так бывает: я где-то видел человека, я здороваюсь с ним, а он меня и не помнит. Кажется, это называется кондукторской памятью на людей.

Помню, случай был на станции Бахаревка. Электричка запаздывает. Толпа, конечно, нервничает. Я кивнул человеку в камуфляже с туманным взором, с белым пуделем на поводке. По субботам, за исключением рабочих, или, иначе, черных суббот, я частенько видел его на бахаревском перроне. И еще — он приходил навещать Ивана Степановича Ощепкова, соседа моего больничного. Я невольно кивнул человеку в камуфляже, но взгляд его проплыл сантиметром на десять выше пуговицы моей кепки. Он был совершенно спокоен. Но когда вскричала электричка, когда толпа подобралась и вздрогнула, когда пудель взвыл, человек этот нехорошо, всей плоскостью завалился на платформу.

Никогда нельзя предвидеть действия наших людей в ответственные моменты жизни, например, в панике при подходе пригородного поезда. Одни люди внесли этого человека в вагон. Он шептал: «Лиза... Где моя Лиза? А Ваня где?» Какие-то добрые люди и пуделя впихнули в вагон, отловив его в мятущейся субботней толпе.

Замечу, что со станции Бахаревка можно уехать или в дачную сторону по кунгурской ветке — на Кукуштан, Курашим, Кунгур, или же, напротив, рабочим поездом в ближние Осенцы, напрямиком на нефтеперегонный завод, на Первомайку. К сожалению, человека этого отправили как раз осенцовской электричкой, а когда кунгурская подошла следом, появился на перроне станции Бахаревка Ощепков Иван Степанович с сеткой пива «Рифей»: «Где Коля? Где мой друг Коля Корзун? С белой пуделью, звать Лизой? Может, видели эту пудель? Эх, Коля, Коля! Я-то думал — в огород к нему приедем, картошки сжарим, курганскую тушенку вскроем, бутылочку «Седого Урала» распечатаем, холодненькую, «Рифеем» зашлифуем. Лиза, конечно, не очень довольна будет. Эта пудель терпит, конечно, когда мы не в полном здравии, но с большим трудом терпит, даже погладить себя не дает».

2

Еще был случай. В одну из суббот на той же станции Бахаревка я еле влез в вагон. Притиснулся спиной к правой двери, ладно, что на Липовой Горе открывают слева, отдышался. Под ногами плакала собака. Я увидел камуфляжного Колю и узнал голос бедной Лизы.

- Уплотнитесь, землячки сознательные!
- Собачку не раздавите!
- Еще и кабсдоха с собой тащат!
- А куда я ее дену?
- Дома оставь. Пусть дом охраняет.
- Я в малосемейке живу. У меня братья нечего.
- А видик, телек?
- Нету ящика.
- Ты где пашешь-то?
- В сорок четвертом.
- В сорок четвертом цехе пашешь и на ящик не заработал?
- Считай, собаке, Лизе то есть, печенку хоть раз в неделю надо купить? Надо. Себе пузырек надо? Надо. И так далее. Периоду выписываю — «Технику молодежи»,

«Науку с жизнью». Еще «Знание — сила», «Аргофакты»...

- На дачу едешь, так, поди, огород есть. Продай картошку, ящик купи.
- Огород-то не мой, сестры покойной. У нее, Стеллочки, все росло, а у меня ни хера не растет.
- Чего тогда ездешь?
- Вот из-за нее, из-за Лизы. Болеет она в городе. Мы с ней по лесу гуляем. Ей нужно — свежим воздухом подышит, травку пощипает. Еще я шиповник собираю, отвар гоно. Сестра моя Лизу в нежности воспитывала.

3

В другой раз я увидел Колю Корзуна с Иваном Степановичем, когда возвращался в переполненной электричке из Кукуштана. Я не мог к ним пробиться и только кивнул Степановичу. Бедная Лиза, видать, забила под сиденье.

- Хорошо иметь домик в деревне! — сказал Коля.
- Иван Степанович молчал.
- Чего молчишь, Ваня? Говорю: хорошо до чего на даче-то!
- Иван Степанович погрозил ему пальцем.
- Ты чего, Вань, чего? Я говорю: на речке хорошо, на Бабке!
- Чего хорошего-то?
- Как чего хорошего? Птички поют.
- Птички сщебечут! Не то слово!
- А какое слово-то?
- Не то, не то слово!
- Да ты скажи, какое слово-то?
- После затяжной паузы Степановичем было значительно сказано, с поднятой рукой:
- Урал. Понял? Ур-рал, Перемь! Мы — с Урала. Понял? А то — птички тюх-тюх, листья шорх-шорх...
- Слово «Пермь» было сказано именно так, как оно произносилось в древности: Перемь, Пера маа, «дальняя земля» на языке вепсов, в отличие от Эести маа, ближней земли. Оно отвердело в языке новгородских дружинников, которые прошли через стра-

Пермь Вычегодская
Пермь Великая
Парма внучка МОЯ Дашенька
пишет его с двумя мягкими
знаками Пермь и получается
имя теплое как варезжка

* Продолжение. Начало в «Вещь» №1

ну вепсов и понесли это слово на восток — Пермь Вычегодская, Пермь Великая, Парма. Внучка моя Дашенька пишет его с двумя мягкими знаками — Перьмь, и получается имя, теплое, как варежка. Борис Пастернак в «Докторе Живаго» придумал для Перми хорошее, с разливом гласных, имя — город Юрятин...

Человека создают ветры, холмы, реки, дома, все то, что древние называли «гений местности». Люди так и зовут себя — сибиряк, он же чалдон, или помор, или уралец, или так: мы — пскопские, мы вятские — ребята хватские.

4

Колю в хорошем подпитии я как-то встретил в сорок пятом автобусе. Кондукторша боевая:

– По-быстрому взяли билеты, кто вошел!

Коля из недр своих камуфляжных штанов добыл горсть меди.

– Плачу за всех! Мы, уральцы, такие! На все!

– Ты че, мужик, тут на одного не хватит!

– Вольно! — сказал Коля. — Можно опраться, перекурить.

Однажды я с Колей даже и поговорил. Как-то в конце уже августа вечерней лошадей отправился на дачу. Вагон был почти пустой. За окнами так быстро темнело, что желание ломиться лесом от Янычей пропало. К тому же, при кондукторской памяти на людей, у меня нет шоферской памяти на дороги. Лучше, наверное, идти по грунтовой дороге от Кукуштана. Обернувшись, я поймал на себе внимательный взгляд из угла вагона.

– Чего боишься-то?

– Я не боюсь.

Это был Коля. Он подошел ко мне, и Лиза с измученными глазами, клацая когтями, последовала за ним.

– Звать-то тебя как?

– Юрий.

– Боишься лесом-то идти, а?

Эти слова не прибавили мне храбрости. Темень глядела в окна. Спинка скамьи была безжалостно изрезана малопристойными письменами.

– Бздишь, Юрок, бздишь.

Перед Янычами я все же поднялся, закинул за плечи рюкзак. Коля пошел за мной, намотав на руку поводок. В полутьме блестящие Лизины карие глаза, выразительные, как у драматической актрисы.

Как давно я не видел таких ярких, таких осязаемо-зернистых звезд! Действительно, будто пастернаковское спиртовое небесное пламя, движущееся над домом Лары в городе Юрятине. По старой памяти я нашел дубль-вэ созвездия Кассиопеи, будто жемчужное ожерелье, брошенное на Млечную дорогу, нашел охотника Ориона, отыскал убегающих Плеяд и успокоился. Звезда сорвалась с неба. Я удержался и не загадал желание.

– Ты кем робишь?

– Геолог.

Коля остановился.

– А известно ли вам, доблестные геологи, что в земле нашей пришельцы живут?

– И где же они там живут, пришельцы?

– Под самым океаном и живут.

– Под каким таким океаном?

– Под Тихим.

– И что же они там делают, под Тихим океаном?

– Они следят за нами, людьми.

– И как они за нами следят?

Мы шли лесной болотистой просекой, прозванной в народе «семиболотчиной», будто ущельем, и полоса звездного неба текла над нами, как река. Лиза вежливо переступала тонкими лапами.

В сорок четвертом году, после первого класса, я попал в подмосковный пионерлагерь — на реке Пахре. В родительский день мама не смогла приехать. Я ушел в лес, лег на траву и заплакал. Костер горел на другой стороне реки. Наплывали из леса запахи спелой земляники, сосновой смолы, гудели золотистые шмели. Вдруг ясно понял: это мой, именно мой уголок земли, то место,

где тайное дерево, где лесная дорога выходит на ржаное поле, и рядом река, и холм, и водокачка, и полуразвалившийся геодезический знак, и костер на том берегу. Через много-много лет по дороге в аэропорт я увидел указатель «Красная Пахра», вышел из автобуса и ничего не нашел в дорогом для меня месте, кроме затейливых коттеджей разной степени уродливости.

Остались для меня курашимские лога и угоры, эта высокая грива, электролиния, лес, рыжичные и опеночные места...

– Они следят за нами через телескоп.

– Телескоп?

– Тихий океан — это и есть ихний телескоп.

У меня дух захватило — кажется, до этого ни один фантаст не додумался. Я поднял голову. Большая луна обесцветила кусок неба. Коля будто читал мои мысли.

– Многие ученые люди считают, что Луна от Земли оторвалась и получился Тихий океан, он же и есть телескоп. Я сам измерял по картам — Луна и Тихий океан одинаковые по диаметру.

Тут-то я и вспомнил профессора Щербакова, искавшего, на каком именно уровне каменной летописи Земли появились тектурные приливные знаки. Когда-то их не было — значит, и приливов тогда не было, значит, и Луны не было! Тихий океан с его огненным, по циркулю, кольцом и впрямь не похож ни на один другой.

– ...У Юпитера — красное пятно большее... Сатурн жидковат, кольца рожают, а не спутники, красное пятно бледное. Уран — тот лежит на боку, пятна не видно... У Венеры его тоже хрен найдешь за облаками. Она ведь сыночка Меркурия родила, а тот пакостит немало нам, землянам...

– А Марс?

– Вот туда надо лететь разбираться. Он вроде как подзасох, ресурс израсходовал. Пятно не сразу и найдешь. Вон он где, за Возничим. Видишь?

– Нет.

– А Земля?

– Я же говорю — Земля родила Луну. Тихий океан и есть наше красное пятно.

Вот тут я глубоко задумался. Коля развивал взрывную гипотезу академика Амбарцуняна!

Мне нужно было идти логами в садовое товарищество «Геофизик», а Коле — дальше, просекой, в «Берендеево царство». Он как тисками сжал мне руку. Мы разошлись, растворяясь в лунном свете.

– Юрок!

Коля вернулся, положил мне руки на плечи. Лог был залит веществом лунного света.

– Споем, а? Лиза подпоет. А, Лиза?

В лунном сиянье снег серебрится,

Вдоль по дорожке троечка мчится...

Лиза подняла к небу страдающие карие глаза и тихонько подпела.

– Динь-динь-динь, динь-динь-динь,

Колокольчик звениит...

– Как-то раз осенью мы с Игорем, племянником, пошли за опятами в курашимский лес, в сторону птицефабрики. Заблукали маленько, ладно, луна была как сегодня. Трава густая, и Игорек мой загудел с ручками. Сперва подумали — яму уральские следопыты вырыли, нефть из трубы коробчили...

– Воровали?

– Ну... Коробчили.

– Труба-то под давлением. Как они врезаются в нее?

– А что им труба под давлением? Они «Протон» могут запустить хоть на Луну, хоть на Марс. Я посмотрел — разлива нефти нет нигде. Значит, это карстовая воронка — здоровущая! А на днище ее мох, а в нем — вот такая клюква — крупнущая, краснущая! Приметил я вороночку. В Красновишерск или там в Чердынь ехать не надо. Хочешь сходить со мной?

Свет луны разливался по логу.

5

Потом я потерял Колю из виду. Пролетали суббота за субботой, а он все не показывался на станции Бахаревка. А с Иван Степанычем я столкнулся как-то на улице Моторостроителей.

– У меня все нормально, — сказал Иван Степаныч. — Южный вход охраняю. Одно плохо — дочка с зятем в Канаду рванули.

– А Петруша?

– С ними, конечно.

– Что тут скажешь, Иван Степаныч? Рыба ищет, где лучше...

– Рыба... А в России-то кто останется, парень? Ты да я, да мы с тобой? Вот так, над Канадой небо синее...

Я спросил про Колю.

– А, Тарзан. Колю в цехе Тарзаном прозвали. Он раньше шлифовщиком работал, и хорошо работал, по шестому разряду. Его поставили доводчиком, потом доводчиком-инструментальщиком. Многие из них, я заметил, ку-ку. То же явление наблюдается иногда у классных сварных ребят, кто может потолочные швы варить, по кругу елочкой. У них ведь ответственность большая, изделия идут под рентгенконтроль сварного шва. Но доводчики особенно часто бывают с приветом — ууу! Их работа силу требует и точность на микроны, глаз-ватерпас, с алмазной пастой имеют дело. Дело серьезное, они же на «Протон» работают, а раньше и на «Буран». Вот и Тарзан такой же, привет из Крыма. Он сейчас прямо в цехе живет. Как в джунглях. Из малосемейки ушел. Там ему житья не давали. — «Здравствуй, Коля-Николай! Как здоровье? — Наливай!» И вот он вдруг сам, заметь, сам, с этим делом завязал. Чай пьет с клюквой, которую насобирал при луне. Считает — она особая, раз лунным светом пропитана. И вправду, в цехе никто его захмеленным не видел.

Чай попил — орлом летаем,

Водку пил — земля лежим.

В две смены работает, в ночную — отдыхает. Раскладушку казенную я ему через Марухина на складе выписал. Тарзан ее за печами установил. Гармошку с собой взял, после работы балуется, голову свесит и наяривает. Его к музыке сеструха приучила, культурная женщина, когда-то в «Старой книге» работала.

– А что он играет?

– Романсы всякие, русско-народные вещи, конечно. Ну и западные, загниваю-

щих любит играть, такие вещицы, как «Чьи-то ноги», например...

– «Чаттануга?» «Поезд на Чаттанугу?»

– Ну да, кино такое после войны было, чуть не трофейное — загорелые ребята, под вид негров, про какой-то поезд поют...

Сколько уж лет бережит душу российским бродягам этот Глен Миллер в ладной летунской форме, который пропал, исчез, сгинул в лунном декабре сорок четвертого года со своим самолетом. Будто и не было никогда Глена и его волшебного тромбона. Но встают в порыве лабухи военного оркестра, поднимают в небо трубы и саксы, и декабрь кажется маем, и в снегу я вижу цветы, и отчего при встрече сердце замирает, знаю я, и знаешь ты, и всякое такое. Помню, Михал Иванов Варачев, колымский геолог, одинокий волк, на уссурийском базаре набил подковки, бацал на твердом грунте, когда тянуло сердце — «Падн ми, бойз, из ит зе Чаттануга-Чучу? Йес, йес!» — и отпусало, отпусало.

– ...Еще Тарзан полочку сделал для старых журналов — «Наука и жизнь», «Техника молодежи», «Химия с жизнью» и так далее. Я ему кипятильник самодельный подарил.

– Два лезвия и клистирная трубка?

– Вроде того. Ведь он в общаге, как говорится, почти что уже до «белочки» допился, то есть до белой горячки. А в цехе он как в лесу, ему подальше надо держаться от этих шакалов, от пьяни бомжеватой, от этих, которые пушнину собирают.

– Пушнину?

– Бутылки, картон всякий, цветмет, все, что плохо лежит.

– А пудель где?

– Как же она этих сумчатых ненавидит! Лиза всегда боялась, что Коля таким же станет. И на него стала хвост поднимать, брючину ему в двух местах прокусила. Сейчас мне помогает, миленькая, южный вход охранять, знаешь, где переезд через чугунку. Я ей будку сделал.

– А в праздники Коля куда девается?

– Праздники для него беда. Он берет билет на поезд с обратом и — куда глаза глядят. На эти Октябрьские на запад, в Москву

подался, к Игорю, племяншу своему — вундеркинду. Рассказывает, на Казанский вокзал прибыл в пять утра. Нашел место рядом с мужичком объемистым, ждет, когда метро откроют. Таджик пол моет, скамью придвинул с грохотом — нарочно. Мужик ему: «Ты чего, падла?» А тот вторую скамейку приложил со звоном. Мужик ему: «Эй, ты, доширак сраный!». Тарзану это дело так не понравилось — он развернулся и прямым ходом назад, в Пермь. У него, конечно, маленько крыша подвинулась. Как-то раз иду, говорит, по вагону, ищу свое место. Заглянул в одно купе, а там мужик, метра два ростом, и, видать, супруга его, приятная такая женщина. Оба захмеленные обоюдно. На столике «гусыня», то есть, по-нашему, четверть водки и кислая капуста в большой тарелке. Мужик говорит: «Хороша закуска — квашена капуста, и на стол поставить не стыдно, и сожрут, понимаешь, не жалко». Граненый стаканчик всклень полный протягивает: «Выпей с нами, Николай Егорыч, уважь!». Тарзан глянь — у мужика на правой руке двух пальцев не хватает. Он, конечно, дверь задвинул и в другое купе сунулся — а там наш Киров и ихний Джон Кеннеди, как два медведя, веселые ребята, чубатые, обоих килера так завалили, что без поллитра концов не найдешь. Охота, конечно, посидеть с ними, поговорить. На столике у них, кстати, баночка коньяка хорошего, лимон, культурно нарезанный стопочкой, минералка. Они Тарзану как обрадовались! Киров вежливо так говорит: «Давно ждем вас, Николай Егорыч. Третьим будете», а Джон потрянул гривой и разливает в лафитники пузатые. Тарзан: «сорри, сорри» — и бежать. Ладно, заговорился я с тобой, погнал стеб. Меня ведь молодняк так и зовет — Иван Стебаныч.

6

Как-то мы встретились с Иван Степанычем в столовой завода железобетонных конструкций у остановки «ЖБК».

– Возьму котлету, гречу. Нет, две котлеты. Подлив томатный — хлеб туда, намажь

его как следует. Чай сладкий, горячий — два стакана.

Тогда-то он и досказал историю Коли Корзуна.

– Эх, Коля, Тарзан милый. На майские праздники отправился на восток, до Новокузнецка — и пропал.

Степаныч развалил котлету гнутой вилок, напился кусок хлеба темным подливом.

– Я в отделение обращался — а! Никто ничего не знает, и никому ничего не нужно. У нас ведь как — умер Максим, ну и хрен с ним. Шумит-гудит родной завод, а нам-то что... он в рот. Старые журналы от мужика остались, бедная Лиза да гармошка. Пропал казак!

Увез его сибирский паровоз в Чаттануга-Чучу, в серенаду солнечной долины; уже погрузившийся в масло по локоть, чух-чух-чух, рычаг начинает акать и окать, Владивосток — Елабуга, о чем музон орет, о вади-дуди лабуха, я стрелки перевел вперед, Омск — Томск — Ачинск — Москва — Чита — Челябинск — Уфа — Бугуруслан, наш паровоз, вперед лети, стою на полустаночке на запасном пути, прощай же, прощай, моя радость, кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда; в серенаду лунного света увез его сибирский поезд, уже Чита, уже Чита, уже Улан-Удэ, Ухта, Инта и Воркута, и далее везде, постой, паровоз, не стучите колеса, я спрыгну сейчас, проводник. И сгинул Коля Корзун в чужой стороне, пропал, будто и не было его, бедного Тарзана, на белом свете. И никто никогда не увидит нелепую фигуру на станции Бахаревка, и не пройду я с ним августовской ночью по янычевским логам в лунном свете, под солью звезд, и осенью не пойдем мы с ним в курашимский лес по клюкву, по клюкву, по ягоду, по клюкву.

Найти бы где-нибудь кувшин и сделать так, чтоб вышел джин — пускай вернет щербатый стол, и вдруг звонок, и ты пришел, и чай индийский со слоном, и мы все вместе за столом.

А как Лиза горевала по Тарзану, по Коле Корзуну — не выдержала, матушка, тос-

ки — сбежала однажды. Иван Степаныч отыскал ее на станции Бахаревка. Идти на завод она отказывалась — ни в какую! Тогда Иван Степаныч, безголосый, затаил Колину песню — «В лунном сиянье снег серебрится», и она запела со слезой, подняв голову к звездам, и пошла, и пошла за ним, родимая: «Динь-динь-динь, колокольчик звенит, динь-динь-динь, динь-динь-динь, о любви говорит...»

Как-то я проезжал на трамвае пятый номер и видел Лизу, пудель сторожевую. Иван Степаныч постриг ее сперва большими ножницами, чуть не по железу, а потом обыкновенными парикмахерскими, да неувязочка получилась — гриву обрил до синевы, а кормовая часть шерстяная. Разглядел я у южного входа и аккуратный собачий домик. Коврик перед ним губчато-резиновый; крыша поставлена на рубероид, на специальные толевые кнопки.

Продолжение — в следующем номере

Поэзия

Антон Колобянин

Не стирай меня с листа

Любовь, обрати меня вновь
В монету, которой платить
Смогу я за нежность. И кровь
Напильником жидким пилить
Не станет мне вены. А так,
Подкину монету, и вмиг —
Мне выпадет решка, а знак
Орла не услышит мой крик.
Тогда я останусь один.
Любимой закрою глаза.
И шторы на мачтах гардин
Надует седая гроза.
В вагоне, чей цвет голубой,
С деньгами, а может, и без,
Помчусь на свиданку с тобой.
Вся ты — полустанки и лес.

ПРОДАННЫЕ КНИГИ

Не ветер — стихотворение
Махнуло пустой рукой,
К щеке прикоснулось: ой!
Таёт прикосновение.
«Отдай мне свое волнение,
получишь, взамен, покой».

Я бы вышел
с ПИСТОЛЕТОМ
и ГЛЯДИШЬ
нет

ПОЭТОВ

Я знаю, что пыль — владычица
Районных библиотек
И частных библиотек.
Читательница. Обидчица.
Но не для меня. Мне тычется
В лицо не она, а снег.

Меня довела до «белочки»
Работа в углу листа.
Квартира стоит пуста.
Но все это, в общем, мелочи,
Что мне не хватает «мелочи»
В кармане, рублей до ста.

Я прилег в пустой конторе,
Сладко выпрямив скелет.
Надо мной звереет море,
Выливаясь за багет.
Нарисовано в миноре.
А по цвету — винегрет.

Я протягиваю ноги
И гляжу на пальцы ног.
Ноги — средство от тревоги
И достойный эпилог
Лихо пройденной дороги,
Где я не был одинок.

Так лежу я в пирамиде
Биографии косой.
Вы стихи-то распрямите
Между пивом-колбасой
И потом не говорите:
«Мол, лежал один босой».

А в конторе пахнет летом
Самой лучшей из планет.
Я бы вышел с пистолетом —
И, глядишь, поэтов нет.
Только я молчу об этом
Уж, наверно, тридцать лет.

Медузы выпили тоску
И звезды высосали нежность.
И краб крадет по песку.
Клешней прицелился в промежность.

Так безразличен ты к нему,
Что краб — троянская лошадка —
Переползает. По нему
Не скажешь — увалень. И шатко

Крадется дальше. Ну а ты
Запомнил вкус прикосновенья,
К подушке цвета немоты
Прижав ресницы сновиденья.

Ты знаешь, я скоро умру
(Напрасно на это надеюсь).
Я вижу такую муру,
Когда мимо зеркала бреюсь.

И я не люблю проводить
С людьми их неяркое время:
Его не хватает любить!
Не то что нести это бремя.

И ты мне не сделала зла.
Я даже тебе благодарен,
Что ты проползла, как змея.
А я пролетел, как Гагарин.

Мое отраженье скользит,
Как Золушка вниз по ступеням.
Там принцы наносят визит
И падают к чьим-то коленям.

А я, несомненно, умру.
Мне так надоело глядеться
В постылую эту муру,
Где нет отражения сердца!

Вчера была весна.
И в небо, словно в прорубь,
Очнувшись ото сна,
Проваливался голубь.

Вчера была весна.
Мой взгляд в окне рыбачил.
Задергалась блесна,
И я поэму начал.

Вчера была весна.
Вчера я был поэтом.
А нынче мне тесна
Бумага. Но об этом...

Итак, если ты поцелуешь
Меня на любом языке
И шепотом ухо надуешь
(И ключ повернется в замке,
И дверь прислонится к июлю,
Как лодка к соленой волне),
И бросишь горячую пулю
Признания в сердце... Вполне
Достаточно будет для эха,
Для снимка в домашний альбом.
Пустая изнанка ореха —
Уже обитаемый дом.

Сердце — лимонная корка,
Если поблизости чай
Крепко заварен и горько.
Сахар, меня выручай!
Значит, я снова влюбился
В нечто огромное. Мир,
Кажется, остановился
Слушать бряцание лир.
Может, мне стать Элюаром?
Пушкиным? Фетом? Рембо?
Тиснуть к московским бульварам

Дождь над мостом Мирабо?
Может, я Гарсия Лорка
И написал невзначай:
«Сердце — лимонная корка,
если поблизости — чай».

О, мой пылающий за левой грудью город —
Там, где любовь крутила мне динамо.
Я поднимаю мост, так поднимает ворот
Пальто — моя возлюбленная дама.

Мой памятник на площади то в трансе,
То просто в недоступных временах.
Ты двигалась, как ближний свет, по трассе,
Любимая. А я — почти монах:

Поскольку отдавать себя направо,
Еще — себя налево отдавать
Я не умею, и мне жалко, право,
Красивую двуспальную кровать.

Тихонько наберешь
Любовь... Не дозвониться.
Нормальный летний дождь.
В пивбарах сохнет пицца.
Ты в городе живешь,
Который мне не снится.
Воронеж — это нож,
Зарезавший Верону.
Воронеж — это ложь,
Прибитая к перрону
Дождем. Воронеж — нер-
жавеющее эхо.
Сердец миллионер.
Купил мое для смеха!

Ты встала и ночь отворила
Одним мановением шторы.
И снова легла, и парила,
И в спину вонзала мне шпоры.

Смеется божок паутинный
Над чувственной плесенью, ибо
Твой профиль немного утиный,
А я над тобою — как небо.

Ах, твой скорпион на запястье —
Смешная геральдика страсти.
Наколка ползет, как живая,
Меня из ума выживая.

Ржавеет машина объятий.
Лежат большеглазые кони
И не без цензурных изъятий
Над пламенем держат ладони.

Я дальше... к стихам не имею
Особых претензий по части
Любви, если правильно ею
Назвать утоление страсти.

А снег лежит. А свет бежит
По снегу впопыхах.
И кто-то угли ворошит,
И дымом он пропах.
А кто-то кашляет сквозь сон
И на тепло плюет.
Он в рай заочно вознесен,
Хоть ноги, словно лед.
Но снег лежит. И пусть бежит
По снегу теплый свет.
Никто теплом не дорожит,
Пока надежды нет.

Жаркие летние ночки.
Дождь бы прошел, а пока,
Словно отбитые почки,
Влажно болят облака.

Кажется, душное небо
Только и бредит дождем.
Призраком жидкого хлеба
Призрак бомжа изможден.

Жарко скрежещут трамваи.
Пылью забиты мозги.
В улицы вбиты, как сваи,
Люди с мешками тоски.

Тетка уносит ребенка
От солнцепека в подъезд.
Жарко! И плавится пленка.
Фильм этот сам себя ест.

Я забываюсь в июне,
Словно наркотик ввели.
Снились опять накануне
Мокрые комья земли.

Девушки — потные твари.
С них только слизывать соль...
Дождь — и испорчен гербарий
Улиц, где сохнет Ассоль.

Я не думал, что это конец.
Я из осени шел, как из бара.
Тихо пенилось пиво кошмара,
Золотой обретая венец.

Поднят ворот пальто, и пейзаж
Вмиг обрезан, как кончик сигары.
Мимо плыли кофейни и бары,
Как подлодки, где мертв экипаж.

Красотой мне казалось уже
То, что было еще безобразно.
Но осеннее солнце заразно
И чума на восьмом этаже.

Я по осени шел, как святой.
Выходил из нее, сожалея,
Что наполнить нельзя пустотой
Тишину под названьем «аллея».

Тридцать лет мне хватило на снег,
Чтоб его популярно осмыслить.
Или выпить дождя длинный бег,
Или залежи меди окислить.

Потому-то был медным закат.
Был он гулок в тазу переулка,
Чтобы галькой шуршал пережат,
То есть кровью шумела прогулка.

Нет у дождя границ,
Кроме — и это грустно —
Бледных, как моль, страниц.
Дождь ведь струится устно!
Трудно о нем писать,
Брать его кровь из пальца,
Рвать черновик, не спать,
Спать, вымывая кальций.
Все о дожде! О нас,
В ложе зонта. О прочих,
Словно промокших раз
И навсегда. О зодчих,
Строивших город-в-ритме-дождя.
Кричащих,
как о тоске труда,
Так и о скуке спящих.
Сперма размытых лиц.
Улиц бесплодных норы.
Нет у дождя границ.
Кроме отвесной шторы.

ЭХО

Вот и растаял в руке пломбир.
Все-таки я никого не сжег
Жаждой любви. Не достроил мир.
Не написал гениальных строк.

Только сморкнулся и вытер нос.
Сел на скамейку, натер мозоль.
Видел, как мимо промчался пес.
Видел еще, но не в этом соль.

Специалист по чужим домам:
Надо пожрать и залезть под душ.
Челюсть моя по привычке «ам».
Тело течет, как с девочек тушь.

Добрые люди дают ночлег.
Если не люди, тогда наряд
Ласково будит — почти, как снег
За воротник. Я, конечно, рад.

Хотелось плыть.
Непрерывно плыть.
Рассвета пить
Сырое яйцо.
Любить волну
(как ее любить?).
Иглой ума
Зашивать лицо.
И делать вид.
Непрерывно — вид,
Что скарб волны
Не возьмешь с собой.
Оставишь все.
А каюта — скит.
И только сны
Учинят разбой.
И значит — спать.
Непрерывно спать.
Подушку смять,
Как измят твой мир.
И долго плыть,
И во тьме пылать,
И вспоминать
Якоря квартир.

РЕЦЕПТ

Взять у Луны беспечность,
Жалость и бессердечность!
Выстрелить сердцем в цель,
В самую, то есть, вечность!

Книги раздать сутулым.
Солнце обтянет скулы
Стен. И спасется мир.
И обойдется стулом.

Да, и еще: разбиться
Насмерть. Потом побриться
И написать роман
«Вырванная страница».

Я о себе напоминаю,
Что жив-здоров, курю, не пью,
Но иногда не понимаю,
Какую песенку пою.

Ты мне не снишься, ну и дура!
Надеюсь, я тебе не снюсь.
Клеймо на лбу — температура.
Я сбить ее не тороплюсь.

Пусть вьется ангел бесполезный
Над продавщицами аптек.
Мне нужен оползень болезни,
Точней — лавины длинный бег.

Я ненавижу мертвечину
И мне не нравится обряд,
Когда влюбленного мужчину
Навзрыд несут пяток ребят.

Но это лирика. Оставим
Ее за веером ресниц.
Давай, любимая, представим,
Как нежен бархат наших лиц.

В тишайшем городе на Каме
Летает муза сквозняка.
Я обожаю Мураками.
Но не читал его пока.

А ты, наверное, листаешь
Журналы мод, журналы мод.
И с каждым часом обрастаешь
Колючим облаком забот.

Ты для меня — неповторима.
А красота и так сыта.
Она — Нерон на фоне Рима,
В зловещих отсветах стыда.

Сиреневый ветер смерти
Раздел меня донага.
Он вылечит всех. Поверьте
Опыту дурака.
Сирень — и поздняк метаться,
И прыгать через костер.
Брать ножик, когда он, братцы,
Скорее туп, чем остер.
А тем, кто немножко помер,
Сирень, без обид, к лицу.
Я б дал ее терпкий номер
Каждому мертвецу.

Не стирай меня с листа.
Посиди, подумай.
У меня твои уста,
Тот же рот беззубый.
Тот же опыт дурака,
Пропитая печень.
Не стирай меня, пока
Сам не будешь вечен.

Драматургия

Ярослава Пулинович

*Он пропал без вести**(пьеса в одном действии)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

САША, она же **КАРТОШКА** — 24 года,
ГЛЕБ — ее брат, 24 года,
МИЛИЦИОНЕР,
МАЛЬЧИК-ГАМБУРГЕР,
он же **ПАРЕНЬ** — 19 лет,
СУПЕРВАЙЗЕР,
МАТЬ ПАРНЯ — 49 лет,
МУЖЧИНА,
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ,
ФЕЛЬДШЕР,
МЕДСЕСТРА,
ТЕМНОВОЛОСЫЙ — 20 лет,
СВЕТЛОВЛОСЫЙ — 16 лет,
ДЕВОЧКА — 16 лет,
КАССИР,
ДЕВУШКИ В ЧУЛАНЕ.

Американцы **создали** ее
для секса а **Глеб** говорит
что вышло **для любви**

Сцена первая

Большая красивая квартира. За окном идет дождь. Квартира находится в огромном многоэтажном доме, или небоскребе. Напротив дома — торговый центр. Верхние этажи отведены под кинотеатр. Для привлечения внимания потребителей на стену центра через проектор пускают анонсы фильмов, которые идут сейчас в кинотеатре. Получается кино без звука... Только картинка. Вот сейчас мужчина и женщина бегут, взявшись за руки по берегу океана, как в рекламе, когда изображают рай. Может быть, они убегают от кого-то, а, может, просто бегут... И светящиеся многоэтажки, и мерцающие стены мегацентров. В квартире на диване сидит девушка. В коротком платице, оголяющем ноги с ровным загаром. Девушка смотрит телевизор. Долго, не мигая. В комнату заходит Саша. В руке у нее чашка с кофе, она пьет его прямо на ходу, в другой — дымится сигарета, просто дымится. Саша редко курит. Саша садится на диван рядом с девушкой, смотрит вместе с ней телевизор. По телевизору гоняют заводную музыку. Саша смотрит телевизор, сидит в одной позе и смотрит на экран, никак не реагируя на музыку. Затем берет пульт и выключает телевизор. Какое-то время Саша и девушка сидят молча, в открытое окно слышно, что дождь усилился и теперь превратился в ливень.

САША. Ты знаешь — где он?

Молчание.

САША. Ты лучше его знаешь.

Молчание.

САША. Вот увидишь — он тебя бросит.

Молчание.

САША. Были у него и до тебя...

Молчание.

САША. Отправит в пыльный угол.

Молчание.

САША. Ты мне нравишься.

Молчание.

САША. А любит он только одну.

Молчание.

САША. Может быть, скоро он тебя с ней познакомит. Ее подолгу не бывает, а когда он приводит ее, то обычно знакомит с нынешними. А потом отправляет всех на помойку и остается с ней. Ты слышишь меня? О чем ты думаешь? Я знаю, о чем. Тебе можно позавидовать.

Сигарета дотлевает в руке у Саши, и Саша тушит окурок прямо о ногу девушки. Та молчит, не двигается. Саша затирает рукавом темный след, оставшийся на девушкой ноге.

САША. Не говори ему. Я всегда так делаю.

Молчание. В дверь звонят. Саша достает из кармана пульт дистанционного управления — брелок, нажимает на кнопку. Дверь открывается. В квартиру заходит Милиционер. Волосы у него мокрые от дождя. Милиционер оглядывается.

МИЛЛИЦИОНЕР. Эй! Есть здесь кто?

Молчание.

МИЛЛИЦИОНЕР. Выйдите, пожалуйста!

Молчание. Милиционер снимает ботинки, проходит в зал.

МИЛИЦИОНЕР. Здравствуйте. Я вас звал...

САША. Я же вам открыла.

МИЛИЦИОНЕР. Девушка, я из милиции все-таки! Могли бы так сказать...

САША. Что?

МИЛИЦИОНЕР. Вы плохо слышите? Так, давайте по порядку, я с протоколом ознакомился по дороге... Значит, Балканов Олег Геннадьевич... Пропал без вести шестнадцатого мая. Он вам, простите, кто?

САША. Отец.

МИЛИЦИОНЕР. Так, давайте по порядку. Когда, при каких обстоятельствах? Четко, ясно, подробно...

САША. Если подробно, то пятнадцатого мая этого года наш отец — мой и моего брата Глеба — приехал к нам, как обычно, в восемь вечера, привез продукты и деньги. Мы немного поговорили, выпили кофе, он попрощался с нами и уехал. Шестнадцатого мая я позвонила ему рано утром по поводу моей машины — у нее сдулось колесо, и нужно было кому-то звонить и как-то его менять. Телефон отца был недоступен. Я зашла в скайп, в скайпе его тоже не было. В этот день я звонила ему еще раз десять или двенадцать. Примерно столько же звонил Глеб. На следующий день телефон также был недоступен. И семнадцатого тоже. Восемнадцатого мая мы с братом подали заявление о пропаже.

МИЛИЦИОНЕР. А вы не думаете, что ваш отец просто решил отдохнуть — отключил телефоны, компьютер..?

САША. Нет. Этого не может быть.

МИЛИЦИОНЕР. Почему?

САША. Просто не может. Он никогда так не поступал. Он всегда был рядом с нами. У него даже был такой пункт — он мог быть в Америке, в Африке, на важном совещании, хоть на приеме у президента, когда звонили мы с Глебом — он всегда брал трубку. Этого не может быть.

МИЛИЦИОНЕР. Да запросто! Не смешите рязанского паренька! Девушка, я вас уверяю, последний раз был случай — женщина, двое детей, муж с ней прожил восемь лет, восемь лет, вы представляете? Это вам не в туалет сходить, это восемь лет, старший сын в первый класс пошел. И самое-то интересное, жили они как все, ездил он на скромненькой машинке, квартира у них трехкомнатная, но не то чтобы в центре, а так, в приличном районе, но не в центре все-таки... И что вы думаете? Стали мы его пробивать — а он, оказывается, олигархом был, долларовым причем, у него на счетах миллионы хранились. И пропал. Жена воет: не прощу, никогда, за то, что в чернобурке три года ходила, где могла, подрабатывала. Жена

в чернобурке, и не то чтобы бедные они, но как все, понимаете? Не хуже, не лучше. А он олигарх скрытый, представляете, какой кошмар? Ну и вот, мораль сей басни какова? Никогда не знаешь — где найдешь, где потеряешь. На жизнь-то он перед тем, как пропасть, жене счет, небольшой, но оставил, дети все-таки... И вот ездит она теперь на порше, квартиру вроде как новую купили... И все, главное, воеет, что столько лет зазря жила. Мы всем отделом на нее ходить смотрели. Я ее спрашиваю: а вы уверены, что ваш муж жив вообще? Она мне говорит: конечно, уверена, куда ему деться, пусть только появится, козел! А когда заявление подавала: волосы на себе рвала, кричала, что, если с ним что-нибудь случится, не переживет.

САША. И его нашли, этого мужа?

МИЛИЦИОНЕР. Где же ты его теперь найдешь, девушка, в Англии разве что или еще где на Западе. Как тебя зовут, кстати?

САША. Саша.

МИЛИЦИОНЕР. Так что не переживай, Саша. Уехал, может быть, забыл позвонить.

САША. Этого не может быть. Он всегда звонил — утром и вечером, перед тем как приехать. Каждый день.

МИЛИЦИОНЕР. Может, зарядка у телефона села или телефон украли?

САША. Нет. Так не бывает.

МИЛИЦИОНЕР. В жизни всякое, Саша, бывает. Доверься опыту рязанского паренька. Паспорт твой можно?

САША. Зачем?

МИЛИЦИОНЕР. Для протокола, зачем?

САША. А где он?

МИЛИЦИОНЕР. Ты меня об этом спрашиваешь?

САША. Может быть, он в тумбочке для бумаг?

МИЛИЦИОНЕР. Может быть, ты что, не знаешь, где у тебя паспорт лежит?

САША. Может быть, Глеб знает?

МИЛИЦИОНЕР. Может быть! Саша, я не знаю, где твой паспорт! Ты вообще совершеннолетняя?

САША. Мне двадцать четыре года.

МИЛИЦИОНЕР. Молодец. Принеси паспорт.

Саша уходит куда-то. Милиционер осматривает зал, рассматривает старинную вазу с засохшими цветами.

МИЛИЦИОНЕР (девушке). Да, девушка, хорошо живут люди на свете.

Девушка не отвечает.

МИЛИЦИОНЕР. Так пыльно этим летом, дождь вот пошел, всю грязь смыл, а меньше не стало... Извините, как вас зовут?

Девушка не отвечает.

МИЛИЦИОНЕР. Девушка!

Девушка молчит.

МИЛИЦИОНЕР. Ладно, простите... Не хотите, как хотите, я не навязываюсь... Недоступные все кругом, хоть кверху каком становись!

В зал заходит Саша, в руках у нее паспорт.

МИЛИЦИОНЕР. Нашли?

САША. Это он, наверное...

МИЛИЦИОНЕР. Вы что, не знаете, как ваш паспорт выглядит?

САША. Может быть, Глеб знает?

Пауза.

МИЛИЦИОНЕР. Саша, а у тебя как вообще с психикой? Может, Глеба подождем?

САША (обрадовавшись). Давайте подождем! Он, наверное, скоро придет! С вами, мне кажется, он будет разговаривать.

МИЛИЦИОНЕР. Он что, еще и не со всеми разговаривает? Дожили, буржуи жируют, называется! (Кивает в сторону девушки.) Вон эта села — губы в писю, я такая фифа, я с ментами не общаюсь! Давай сюда паспорт.

Забирает у Саши паспорт, начинает заполнять протокол.

САША. Она не разговаривает.

МИЛИЦИОНЕР. И скатертью дорожка! Мы не навязываемся.

САША. Она вообще не разговаривает.

МИЛИЦИОНЕР. Вон что. Глухонемая?

САША. Нет. Она кукла.

МИЛИЦИОНЕР (перестает писать). То есть как это кукла?

САША. Кукла.

МИЛИЦИОНЕР. Девочка, с головкой-то все хорошо, ты уверена?

Саша берет девушку на руки и сбрасывает с дивана. Платье на девушке задирается, девушка так и остается лежать на полу. Теперь становится очевидно, что это действительно кукла — очень искусно сделанная, по последним технологиям — из силикона, обтянутая материалом, имитирующим человеческую кожу, с прожилками и морщинками, и даже маленькой родинкой над верхней губой. У нее почти живые голубые глаза, мечтательная полуулыбка на губах, длинные темные волосы, ее тело может принимать любые человеческие позы, она может хлопать ресницами и менять направление взгляда, даже пальцы на руках у нее гнутся. Но только это кукла.

САША. Видите? Это кукла.

МИЛИЦИОНЕР. Кукла? В натуре кукла? Да ладно!

САША. Просто кукла. У Глеба таких много.

МИЛИЦИОНЕР (рассматривает куклу). Как интересно. Вот это дошло человечество! Вот это живут люди! Как живая, смотри-ка... А для чего такие куклы нужны? То есть, я имею в виду, понятно же, что это не детская игрушка, а если для взрослых... То есть я хотел сказать для...?

САША. Американцы создали ее для секса, а Глеб говорит, что вышло для любви. Он их всех по-своему любит. Просто есть Энди, и поэтому, когда она возвращается, эти отправляются в чулан... Потому что Энди он любит не по-своему, а по-настоящему.

МИЛИЦИОНЕР. Энди — это его девушка?

САША. Да. Она даже как жена или друг, я не знаю.

Пауза.

МИЛИЦИОНЕР. Можно потрогать?

САША. Потрогайте. Глеб еще, наверное, не придет.

Саша выходит из зала. Милиционер осторожно прикасается к кукле. Трогает ее за плечи, поднимает, усаживает на диван, дотрагивается до лица, проводит пальцем по губам. Затем опасливо оглядывается и запускает ей руку под платье... Кукла хлопает ресницами. В зал заходит Саша с чашкой кофе в руках.

САША. Я сварила кофе. Хотите кофе?

МИЛИЦИОНЕР (*спешно убирая руку*). Что?

САША. Хотите кофе?

МИЛИЦИОНЕР. Совсем как живая.

САША. Да. Только не разговаривает. Глеб говорит, что они скоро уже изобретут. Чтобы говорила. А в этой тоже много нового. Глеб говорит, что влагалище у нее автоматически подогревается, когда он с ней. И еще она может двигать бедрами, в такт ему. Мне ее жалко. Предыдущая была совсем дрянью, делала мне гадости. Настраивала против меня Глеба, например.

МИЛИЦИОНЕР. То есть?

САША. Если я ее случайно роняла, она специально оголялась перед ним ушибленными частями. Но я же случайно!!! А эта никогда меня не сдает. Хотя я ей сказала всю правду — скоро он ее бросит. Он не дал ей имени, а это верный знак, потому что имя есть только у Энди. Сейчас ее с нами нет, но она вернется. И тогда эта отправится в чулан, как и все, а ее мне даже немножко жалко.

МИЛИЦИОНЕР. Саша... Рязанский паренек тебя не понимает.

САША (*пожимает плечами*). Глеб говорит, это не так уж важно.

МИЛИЦИОНЕР. Хорошо. Кукла и кукла. Давай вернемся к твоему отцу. Ты можешь хотя бы предположить, где он может находиться?

Продолжает заполнять протокол.

САША. Нет. Я не знаю... Он всегда был с нами. Я не знаю.

МИЛИЦИОНЕР. А он не говорил в последнее время, что вот-де собираюсь уехать. Не было таких разговоров?

САША. Почему? Он всегда мог уехать, но все равно оставался с нами.

МИЛИЦИОНЕР. Саша, ты заводишь рязанского паренька в тупик. А он тупики не любит, он товарищ-то не тупой... (*Смеется над собственной дурацкой шуткой.*) Уезжал и оставался с вами — это как?

САША. Это значит, что он уезжал, но всегда звонил и приезжал потом. Мы его ждали, и он приезжал. А теперь мы его тоже ждем, а его с нами нет.

МИЛИЦИОНЕР. А разговоры какие-нибудь на тему, дескать, надоело все, повеситься хочу, чтоб меня машина сбила — было такое?

САША. Нет. Никогда. Он не мог так говорить.

МИЛИЦИОНЕР. Ну почему не мог? Саша, не смей рязанского паренька, все мог! Недавно девочка, молодая, веселая, красивая, с парнем встречалась, пожениться собирались, из окна выпрыгнула. Мать с бабкой ее в голос выли — не могла она. А потом выяснилось — преподавательница у нее зачет принимать не хотела, доказать решила. Так и написала в записке: в моей смерти прошу винить подлую тварь Марь Ивановну, уж не помню, как ту преподавательницу звали. (*Пауза.*) Хорошо, Саша, расскажи мне о своем отце — его привычки, образ жизни, характер?

САША. Он был... Очень занятой человек.

МИЛИЦИОНЕР. Где он работал?

САША. Он... Я не знаю. В какой-то компании.

МИЛИЦИОНЕР. А чем занималась компания?

САША. Она (*задумывается*)... Не знаю. Может быть, нефтью?

МИЛИЦИОНЕР. На какой должности, хотя бы?

САША (*задумывается*). Наверное, директор...

МИЛИЦИОНЕР. Вот что значит — любящие и внимательные дети! Все про папочку знают!

Ладно, поехали дальше... Какой у него был характер?

САША. Он был такой... Добрый.

МИЛИЦИОНЕР. Еще...

САША. Красивый.

МИЛИЦИОНЕР. Еще.

САША. Он нас любил. Он всегда нам все прощал.

МИЛИЦИОНЕР. Саша, рязанский паренек помирает от хохота! Добрый, все прощал! У него были какие-то особые приметы — хромота, татуировки, косоглазие?

САША. Нет. Такого не было.

МИЛИЦИОНЕР. А привычки?

Пауза.

САША. Он часто смотрел на нас и молчал.

МИЛИЦИОНЕР. Я захожу в ступор, девушка. Еще немного — и уйду бесповоротно. Комнату пропавшего можно осмотреть?

САША. Он не жил с нами.

МИЛИЦИОНЕР. То есть? А прописан здесь, по этому адресу?

САША. Может быть. Я не знаю.

МИЛИЦИОНЕР. Что ты вообще знаешь?! Где же он жил тогда?

Пауза.

САША. Я не знаю...

Пауза.

МИЛИЦИОНЕР. Может быть, твой брат знает?

САША. Не знаю...

МИЛИЦИОНЕР. Саша, я тебя предупреждаю в первый и последний раз: еще раз ты скажешь «не знаю», я твое заявление в ключья разорву!

САША. Скоро приедет Глеб.

МИЛИЦИОНЕР. В общем, девчонка, смотри, какая ситуация получается: у вас с братом пропал отец, но вы, здоровые лбы, не знаете, ни где он работает, ни на какой должности, ни где он живет. Про характер ты мне тоже ничего ясного не сказала. И вот такой протокол я кому должен показывать? Нам как его искать? Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что, называется. С чего вы решили, что он пропал?

САША. Потому что он пропал. Его с нами больше нет.

МИЛИЦИОНЕР. Он вам до старости попы подтирать должен? Ну женщина у него появилась, в конце концов, загулял мужик! Может он себе это позволить при взрослых детях или не может? На Канары свою бабу повез, а докладывать он никому ничего не обязан. Не трехлетние же!

САША. Он не мог нас бросить. Он всегда был с нами.

МИЛИЦИОНЕР. Круг общения, знакомые, друзья, другие родственники, любовница, жена — хоть что-то знаешь?

САША. Не зна... Нет.

МИЛИЦИОНЕР. Рязанский паренек улыбается сквозь слезы! Так, давай по порядку, состав вашей семьи — мама, братья, сестры, тети, дяди, бабушки...

САША. Сначала наш с Глебом отец, потом мы с Глебом, и все.

МИЛИЦИОНЕР. И что, других родственников нет?

САША. Я не... Вроде бы нет.

МИЛИЦИОНЕР. А мама ваша где?

САША. Кажется, на небе.

МИЛИЦИОНЕР. У рязанского паренька медленно едет крыша. Она умерла?

САША. Наверное.

МИЛИЦИОНЕР. Что значит — наверное? Ты ее помнишь?

САША. Нет. Точно. Не помню.

МИЛИЦИОНЕР. В общем, Саша, мне нужно поговорить с твоим братом. Таким макаром у нас с тобой ничего не получится.

Закрывает папку с протоколом.

САША. Может, Глеб уже скоро придет. Раньше он всегда возвращался в восемь, к приходу отца. А теперь делает, что хочет, и, даже если вернется Энди, она его не спасет.

МИЛИЦИОНЕР. Расскажи мне — четко, подробно, где вы жили, в каких условиях воспитывались, чем занимался отец... С самого рождения. Все, что помнишь.

САША. Хорошо. Где мы родились — я не знаю. Примерно тогда же умерла наша мама. Да, наверное, она умерла. По крайней мере, нам ничего о ней неизвестно. Лет до десяти мы с Глебом жили в какой-то очень жаркой стране. Я не совсем помню где. Почему-то мне кажется, что это было в Африке. Глеб тоже так считает. Фотографий у нас никаких не сохранилось. Мы жили в большом доме. У нас была черная няня, она не говорила по-русски, и мы привыкли понимать ее без слов. Однажды у Глеба началось воспаление легких, и она три недели не отходила от него, пела ему песни и держала его за руку. А когда он начинал стонать, прижимала его голову к своей груди и что-то шептала по-своему. Мне было обидно, что она всегда с ним, и я притворилась, что у меня тоже воспаление. Няня как-то поняла, что я обманываю. Не знаю, рассказала ли она отцу об этом, но он очень хмурился на меня где-то два или три дня. И все это время я плакала. Если отец сердился, мы всегда с Глебом плакали и вставали перед ним на колени. А он нас прощал за это. Потом мы жили в каком-то большом городе. Гораздо больше, чем этот. Не помню, как он назывался... Но, наверное, это было уже в Европе. Рядом с нашим домом был «Макдоналдс», и мы ходили туда каждый день. Мы любили рассматривать людей, которые приходили туда поодиночке. А особенно детей. Если ребенок нам нравился, то мы покупали ему игрушку и дарили. Хотя сами были еще детьми. В том городе мы с Глебом еще ничему не учились, а только играли целыми днями — больше всего нам нравилось играть в прятки, и в человечков на Луне. А потом мы опять переехали в жаркую страну, но не такую жаркую, как в Африке. И к нам стали приходиться учителя. Мы изучали русский и математику, и еще латынь, и физику. И много еще чего мы изучали. К нам приходили четыре учителя, двое из них были лысыми, один бородатый, а одна была женщиной. Только я ничего не запоминала, когда они приходили. Может быть, запоминал Глеб, я не знаю. Отец возвращался только поздними вечерами, и я очень переживала из-за этого. Мне все время хотелось его видеть, и было совсем тоскливо. Но потом я вроде бы привыкла, хоть и грустила все равно. Только в саду становилось чуточку веселее, я боялась садовника из-за того, что он был ко-

сым на один глаз. Глеб обзывал меня боякой и кидался в садовника косточками от персиков. А потом, однажды, нам с Глебом исполнилось по восемнадцать. И тогда отец привез нас сюда, в эту квартиру, и сказал, что теперь мы должны жить отдельно от него. Тогда мы впервые плакали с Глебом вместе, на плече друг у друга. Но отец приезжал каждый день, и вскоре мы привыкли. Он привозил нам еду и деньги, и еще одежду, и диски с фильмами, и книги, купил нам по машине. Он хотел, чтобы мы с Глебом пошли учиться, но только когда сами захотим. Я училась полгода в институте, но ничего не запомнила из того, что нам рассказывали на лекциях, и меня отчислили в первую сессию. А Глеб решил пока нигде не учиться. Он готовился поступить на историка, но примерно в это время у него появилась первая девушка, и он стал слишком много времени проводить с ней. Эта была еще не его любовь, Энди появилась позже. Когда появилась Энди, все предыдущие его влюбленности были для него забыты. В том доме, где мы жили, был сад, там всегда было тепло, и где-то невдалеке шумело море. А, может, и не море. Мы каждый день собирались с Глебом дойти до него, но так ни разу и не дошли.

Милиционер в это время не особенно слушает Сашу, больше рассматривает куклу, берет ее руку в свою — изучает ее пальцы и линии на ладони.

МИЛИЦИОНЕР. А сколько стоит такая фифа?

САША. Я точно не знаю, но, наверное, семь или десять тысяч долларов, Глеб говорил, где-то примерно столько.

МИЛИЦИОНЕР. Да... На такую женщину мне никогда не заработать.

САША. А хотите, я вам подарю такую куклу?

МИЛИЦИОНЕР. С ума ты сошла, Саша? Глупая, как тебя брат одну дома оставляет? Это ж целое состояние. Ты еще квартиру без взрослых продай, бедная ты девчонка.

САША. У него много таких кукол. Он быстро к ним остывает. Говорит, сначала ему кажется, что это любовь, а потом все проходит, и к нему возвращается Энди. Он совсем не заметит, в чулане их много.

МИЛИЦИОНЕР. Вот на что деньги надо тратить — на лечение сестры, а не на секс-игрушки. Жируют буржуи! Нет, Саша, нет, это будет неудобно. Понимаешь?

САША. Почему неудобно, если он даже не заметит? Они все равно там лежат просто так. И, может быть, даже страдают.

МИЛИЦИОНЕР. Нет. Это как-то... Я взятку не беру. Я на службе.

САША. Я же никому не скажу.

Пауза.

МИЛИЦИОНЕР. С другой стороны, действительно — кому ты скажешь...? Слушай, но зачем тебе дарить простому рязанскому пареньку такую дорогую куклу?

САША. Мне кажется, вам она понравилась. Только эту я не смогу, эту Глеб еще любит. Я могу принести из чулана другую, хотите?

Пауза.

МИЛИЦИОНЕР. Ну покажи хоть... Просто интересно.

Саша приносит откуда-то белокурую хрупкую куклу, она, как и предыдущая, практически неотличима от живого человека.

САША. Нравится?

МИЛИЦИОНЕР. Хорошая. Саша, послушай, а что скажет твой брат?

САША. Я ничего ему не скажу, и он не заметит. Он не любит ее больше.

МИЛИЦИОНЕР. Нет. Нет. Это какой-то бред. Рязанский паренек уезжает из Рязани. Все, Саша, не надо мне твоих кукол, спасибо, но не нужно.

САША. Почему?

МИЛИЦИОНЕР. Потому что... Ты понимаешь, что нельзя делать такие подарки?

САША. Она никому не нужна.

МИЛИЦИОНЕР. Красивая, конечно. Как живая (*пауза*). Смотри-ка, смотрит на меня (*пауза*)... Саша, давай так. Я просто пока беру эту куклу домой. Но если твой брат вдруг заметит пропажу или случится еще что-то в этом роде, ты мне сразу же звонишь и сообщаем об этом, и я возвращаю ее назад. Договорились?

САША. Хорошо.

Забирает у Саши куклу.

МИЛИЦИОНЕР. Запиши мой телефон.

САША. Я могу вас «В контакте» найти.

МИЛИЦИОНЕР. По имени и фамилии, никнейм — Рязанский паренек, наберешь Ушаков Рязанский паренек Никита, я там один такой.

САША. Хорошо.

МИЛИЦИОНЕР. Но точно договорились?

САША. Точно.

МИЛИЦИОНЕР. Ты смотри... Я к вам еще приду — с братом твоим побеседую.

САША. Приходите. Вам обязательно нужно поговорить с Глебом.

Пауза.

МИЛИЦИОНЕР. И еще... Саша, я хотел бы объяснить. Дело в том, что я нормальный человек, я не извращенец, как твой брат... То есть вообще, как некоторые, я хотел сказать. Я был женат. У меня есть ребенок. С этим у меня все нормально. Просто я уже три года живу один. Иногда, конечно, привожу девушек... Но ты же понимаешь, это ведь нужно о чем-то говорить и кем-то казаться, ухаживать, говорить нежные слова... Нет, не то чтобы мне это было тяжело и я грубое животное... Но я так устаю на работе. Саша, пойми, у меня совсем не остается сил...

САША. Вы просто любите ее.

МИЛИЦИОНЕР. Ну... Я постараюсь. Просто иногда хочется, понимаешь, простого, так сказать, человеческого счастья.

САША. Вы найдете нашего отца?

МИЛИЦИОНЕР. Мы сделаем все возможное. Я буду тебе звонить, телефон ваш домашний у меня есть.

САША. Найдите его, пожалуйста. Он не может быть не с нами. Пожалуйста. Я вас очень прошу.

МИЛИЦИОНЕР. А у тебя нет такого ощущения, что с ним что-то случилось?

САША. С ним не могло ничего случиться. Просто он вдруг ушел от нас почему-то.

МИЛИЦИОНЕР. Но если с ним ничего не случилось, то зачем же его искать?

САША. Потому что он всегда был с нами.

МИЛИЦИОНЕР. Хорошо. Я понял тебя, Саша. Я еще приду. Спасибо тебе. Правда... Это, бред, конечно. Развела рязанского паренька на подарок! Ладно, я приду. Мы найдем. Ладно. До свидания.

САША. Приходите, пожалуйста.

МИЛИЦИОНЕР. Я приду.

САША. Я вас буду ждать.

МИЛИЦИОНЕР. Я приду. Ладно. Там дверь сама откроется?

САША (*достаёт брелок-ключи*). Я нажму на кнопку, и она откроется.

Нажимает на кнопку, расположенную на брелоке, раздаётся тонкое пиликанье, входная дверь открывается.

МИЛИЦИОНЕР. Ладно. (*Берет куклу на руки, как носят спящих детей, забирает папку с протоколом.*) Люди будут думать, что я несу пьяную девушку на руках.

САША. Вы полюбите ее.

МИЛИЦИОНЕР. Я обязательно...

Обувается в прихожей, выходит из квартиры.

В подъезде Милиционер ставит куклу на пол, берет ее за руку. Проводит ее рукой по своей щеке. Затем целует куклу. Стоит с ней, обнявшись. После чего берет ее на руки и уходит.

Саша остаётся сидеть на диване рядом с девушкой-куклой.

САША. Если я ему позвоню, то он опять не возьмет трубку... Ты знаешь, почему он не берет трубку? Ты ничего про него не знаешь. И уже совсем скоро он тебя бросит.

Молчание. Саша прижимает свою голову к плечу куклы.

САША. Не плачь, ну..! Думаешь, мне легко? Раньше Глеб приходил в восемь, а теперь отбил-ся от рук, и никто ему стал не нужен. Если бы я не была его сестрой, он бы тоже запер меня в чулан. В чулане не так плохо, только очень темно. И это не самое плохое. Самое плохое, что он никогда не придет к ним больше. Самое плохое, что больше их никто не любит. А ты не плачь... Нужно смиряться со своей долей. Если хочешь, я буду приходить к тебе. Если бы ко мне кто-нибудь приходил, я бы радовалась. Но ко мне уже целую неделю никто не приходит. Может быть, я просто никому не нужна, а может, он действительно пропал, и случилось что-то страшное, а я все еще живу и не чувствую этого?

В коридоре слышится пиликанье, дверь открывается и в квартиру заходит Глеб. В руках у него большой пакет с продуктами. Саша срывается с дивана, бежит в коридор.

САША. Глеб! Глеб! Ты пришел? Хочешь, я сварю тебе кофе?

ГЛЕБ. Я не могу понять, по какому принципу... Если сыр, то должен быть хлеб? Я пытался разобраться, но там все так сложно и так много людей. Все в один день пришли зачем-то. Я наблюдал за тем, что берут с прилавков они, и брал то же самое. Получилось так много, еле донес до машины.

САША. Глеб, приходили из милиции.

ГЛЕБ. Наверное, придется теперь как-то учиться, как-то жить без него и ходить в магазины, и мыть машину, и покупать одежду.

САША. Они пообещали, что обязательно его найдут. Я подарила милиционеру подарок, и теперь он его найдет.

ГЛЕБ. Я звонил ему и звонил, а телефон все отключен... Если бы я мог, я бы заказал убийство этой девушки, которая сообщает, что абонент временно недоступен.

САША. Они его найдут, Глеб. Они его найдут, он пообещал, он сказал, что обязательно. Можно я сварю тебе кофе? Можно?

Глеб снимает ботинки и проходит в зал мимо Саши. Саша идет за Глебом. Глеб ложится на диван, укладывает рядом с собой куклу, шепчет ей что-то на ухо, смеется. Гладит куклу по волосам, обнимает ее.

САША. Глеб... Глеб...

ГЛЕБ (*кукле*). Ты слышишь меня? Обними. Обними. Просто обними.

САША. Глеб!

ГЛЕБ. Потому что теперь все стало совсем непонятно, это раньше я мог любить и жил только этим... Обними меня. Раньше я думал о том, что дальше, а теперь и это стало лень. И надо как-то ходить в магазин, а там так много людей, и нужно вести себя как-то, организовывать себя, и что им всем надо в том месте, где я?

САША. Глеб, мне страшно... А если он не вернется?

ГЛЕБ. И я теперь боюсь думать, потому что он был всегда, и с самого рождения, и вот теперь придется думать о том, что завтра, о том, что без него, и надо как-то, и что будет завтра, и заставлять думать о том, что завтра...

САША. Глеб! Глеб! Скажи мне, пожалуйста... Скажи мне что-нибудь.

ГЛЕБ. И если допустить, что он действительно пропал, то что же тогда мы? Почему он позволил и по своей ли воле? Нет, мне совершенно, мне совершенно... Мне все равно. В этом нет никакой трагедии, я спокоен. Ситуации бывают разные, я спокоен. Он вернется. Я уверен. Но почему же я все-таки так устал? Или все дело в дожде и пыли?

САША. Глеб! Глеб! Глеб...

Саша берет со стола нож и режет себе руку. На запястье выступает кровь. Она подходит к Глебу и показывает порезанное запястье. Садится на диван и плачет.

САША (*кукле*). Ты видишь? Ты видишь? Скажи ему! Скажи ему, чтобы... Чтобы он! Скажи ему, что мне плохо!

Глеб берет Сашину руку в свою.

ГЛЕБ. Что ты? Зачем ты? Нужно холодной водой... Пошли. Нужно холодной водой.

Глеб отводит Сашу на кухню, к раковине, включает холодную воду, подставляет Сашину руку под струю воды.

САША. Поговори со мной.

ГЛЕБ. Зачем ты это? Руку... Зачем? Ведь, должно быть, больно...

САША. Пожалуйста, поговори.

ГЛЕБ. Руку...

САША. Глеб, ты слышишь меня?

ГЛЕБ. Да. У меня все отлично.

САША. Поговори со мной.

ГЛЕБ. Я разговариваю. Давай. Я же не против. Вот... Дожди зарядили. Давай разберем продукты из магазина?!

САША (*убирает руку из-под крана, закрывает воду*). Давай! Мне уже не больно совсем!

Глеб идет в прихожую, приносит оттуда пакет с продуктами, достает продукты из пакета, составляет их на кухонный стол. Затем открывает холодильник.

ГЛЕБ. Вот, горошек, к примеру. Ты помнишь, на какую полку отец ставил горошек?

САША. Нет.

ГЛЕБ. И в самом деле, придется делать вид, что ничего не произошло, но при этом самим, самим, заново решать, делать выбор — куда и что, и как теперь...

САША. Ты скучаешь по отцу?

ГЛЕБ. Что?

САША. Ты скучаешь по отцу?

ГЛЕБ. Скучаешь? Нет. Это по-другому как-то называется. Никакой трагедии ведь, в сущности, не произошло... И вообще, отстань от меня! Не задавай мне вопросов! Не задавай, не надо со мной так разговаривать! Я очень устал, ты слышишь, я очень устал!

САША. Глеб, я только...

ГЛЕБ. Я не хочу тебя слышать, не хочу! Не надо со мной так разговаривать! Не надо со мной вообще разговаривать! Я устал!

Глеб перестает разбирать продукты, идет в зал, ложится на диван рядом со своей куклой. Гладит ее по волосам, шепчет ей что-то, прижимается к ее плечу.

ГЛЕБ. Я устал... Мне некому рассказать. Никто не поймет, нет смысла... Обними меня. Просто обними. Я устал.

Прижимается к кукле.

Саша стоит на кухне, берет в руки банку с горошком, рассматривает ее. Идет в зал, трогает Глеба за плечо.

САША. Глеб, Глеб! Можно я сварю тебе кофе?

Глеб не отвечает, сильнее прижимается к своей игрушечной девушке. За окном на стене-экране хорошие американцы расстреляли злых врагов. Саша тоже ложится на диван рядом с куклой, с другой стороны от Глеба. Обнимает куклу. Кладет голову ей на плечо. Теперь на одном плече у куклы лежит голова Глеба, а на другом — голова Саши. Глеб и Саша, тесно прижавшись к кукле, засыпают. Темнота. Мерцание неоновой рекламы за окном отражается в зеркалах, находящихся в комнате, и слабым светом падает на лица спящих. На стене-экране торгового центра молодая актриса изображает любовь к главному герою — фальшиво и бездарно.

Сцена вторая

Одна из центральных улиц города. Сплошным потоком идут прохожие. Из динамиков, расположенных возле кафе, играет ритмичная музыка. У одного из фаст-фудов стоит Мальчик-Гамбургер, человек в костюме ростовой куклы. Мальчик-Гамбургер раздает листовки, рекламирующие фаст-фуд. Через какое-то время к Мальчику-Гамбургеру подходит Девочка-Картошка фри — человек в костюме улыбающейся картошки фри с розовым бантиком где-то на правом ухе. В руках у нее, также, как и у Гамбургера, стопка листовок.

ГАМБУРГЕР. Костян, чего опаздываешь?

КАРТОШКА. Я не Костян.

ГАМБУРГЕР. Оба-на! А где Костян?

КАРТОШКА. Я не знаю. Мне сказали, что я буду работать здесь.

ГАМБУРГЕР. Оба-на! Помер Максим, ну и хрен с ним! А ты че опаздываешь?

КАРТОШКА. Я не знаю. Наверное, это потому, что долго собиралась перед выходом.

ГАМБУРГЕР. Супервайзера на тебя нет.

КАРТОШКА. Кого?

ГАМБУРГЕР. Супервайзера! Проверяющего! Раздавай, что стоишь?

КАРТОШКА. А что в этих листовках написано?

ГАМБУРГЕР. Тебе какая разница? И вообще — по-моему, ты слишком много разговариваешь!

КАРТОШКА. Я только хотела спросить...

ГАМБУРГЕР. Рот закрой! Слишком много слов!

КАРТОШКА. А как жить без слов?

ГАМБУРГЕР. Очень просто! Не думая! Раздавай!

Какое-то время Гамбургер и Картошка фри раздают листовки прохожим.

КАРТОШКА. Но люди же все равно эти листовки в урны выбрасывают!

ГАМБУРГЕР. Оба-на! А ты чего хотела? Чтобы они их себе оставляли? Эти листовки для того и созданы, чтобы на них посмотрели и выбросили.

КАРТОШКА. Зачем же мы их тогда раздаем?

ГАМБУРГЕР. Не зачем, а за сто рублей в час!

КАРТОШКА. Но люди же их даже не читают!

ГАМБУРГЕР. И замечательно!

КАРТОШКА. Почему?

ГАМБУРГЕР. Потому что Картошка фри — вредно для здоровья! В ней канцерогены и такого намешано! Можно даже в больницу попасть из-за этой картошки фри! Нет, конечно, бывает настроение, когда очень ее хочется, такой зуд в организме наступает. Но лучше без нее, и спокойно, со здоровой душой в здоровом теле!

КАРТОШКА. Не знаю насчет картошки фри, но вот гамбургеры — это убийство, абсолютно точно.

ГАМБУРГЕР. Оба-на! С чего это?

КАРТОШКА. Во-первых, от них воняет. Во-вторых, когда его ешь, сначала кажется, что он вкусный, а потом надолго остается неприятное ощущение, как будто в тебе поселяется что-то тяжелое и болезненное. В-третьих, он незстетично выглядит.

ГАМБУРГЕР. Знаешь, между прочим, от картошки фри такой химией несет, что природного картофельного запаха, даже если сто раз с мылом вымоешь, все равно не разберешь!

КАРТОШКА. А от гамбургеров пивом воняет, потому что хранятся они рядом с бочками, в которых пиво! И руки от них всегда грязные, не поможет, даже если как следует завернуть гамбургер в пакет!

ГАМБУРГЕР. Зато гамбургер — это мясо, а значит, белки, которые стимулируют деятельность головного мозга, и, следовательно, от них становишься умнее. А от картошки фри только сердечный приступ можно заполучить, потому что в картошке фри один сплошной холестерин, который убивают работу сосудов и сердца!

КАРТОШКА. Зато Картошка фри красивая!

ГАМБУРГЕР. Что?

КАРТОШКА. Картошка фри красивая, у нее красивый цвет и от нее не бывает отрыжки!

ГАМБУРГЕР. Дура ты.

КАРТОШКА. При чем тут я? Я же о картошке фри.

ГАМБУРГЕР. По-моему, ты слишком много разговариваешь!

КАРТОШКА. А ты молчаливый такой!

ГАМБУРГЕР. Я — да. Я вообще-то очень молчаливый.

КАРТОШКА. И гордись этим до пенсии!

ГАМБУРГЕР. И горжусь.

КАРТОШКА. В начале было слово, не в курсе, что ли?

ГАМБУРГЕР. Кто это сказал?

КАРТОШКА. Все так говорят.

ГАМБУРГЕР. У меня вот мама так не говорит.

КАРТОШКА. А как?

ГАМБУРГЕР. Говорит, что я белобрысый. И похож на татарина.

КАРТОШКА. А ты белобрысый?

ГАМБУРГЕР. Немножко. Самую капельку.

КАРТОШКА. Ей это, наверное, важно?

ГАМБУРГЕР. Нет. Вряд ли.

КАРТОШКА. А почему она так говорит?

ГАМБУРГЕР. Потому что люди должны о чем-то разговаривать. Особенно, если живут вместе. Ну вечером можно еще отмазаться и сказать, что устал, нет настроения... А утром? Я вот не знаю, что ей сказать. Прошу поставить чайник или смотрю на обои на кухне и говорю: «Обои совсем отошли от стен». А она мне: «Надо ремонт». Я говорю: «Да, надо ремонт», а она — «Может, сделаешь?», я говорю — «Я не умею», а она задумается на минуту, а потом скажет — «Это потому, что ты белобрысый, белобрысым не везет», я отвечаю — «Наверное», а она — «И похож ты на татарина», а я ей — «Да, может, чуточку совсем и похож». А потом время уже подойдет к девяти, она доест завтрак и засобирается на работу. И останется только сказать — «До свидания» и «Хорошо, мусор вынесу», и можно уже до следующего дня ничего ей не говорить.

КАРТОШКА. А я все время прошу брата поговорить со мной. Но он не слышит.

ГАМБУРГЕР. Глухой?

КАРТОШКА. Нет. Просто он любит одну девушку, и она для него все. А когда ее нет, у него есть другие девушки, которых он не любит, но разговаривает только с ними. А со мной никогда.

ГАМБУРГЕР. Поругались?

КАРТОШКА. Нет.

ГАМБУРГЕР. Когда люди ругаются, я так радуюсь за них.

КАРТОШКА. Почему?

ГАМБУРГЕР. Я бы с удовольствием со своей мамой поругался. Ну, это прикольно! Много слов и чувства! Как в кино! Можно все, что у тебя на душе, человеку сказать.

КАРТОШКА. Как ты думаешь, если я поругаюсь с братом, он станет со мной разговаривать?

ГАМБУРГЕР. Люди обычно вслух ругаются.

КАРТОШКА. А как с ним поругаться?

ГАМБУРГЕР. Пролей на него кипяток, например.

КАРТОШКА. Он промолчит.

ГАМБУРГЕР. А если масло на костюм?

КАРТОШКА. Просто переоденется.

ГАМБУРГЕР. Чем он больше всего в жизни увлекается?

КАРТОШКА. Своими девушками.

ГАМБУРГЕР. Сделай какую-нибудь гадость его девушке.

КАРТОШКА. Здорово! Точно! Может быть, оторвать ей руку?

ГАМБУРГЕР. Что?

КАРТОШКА. Говорю, можно оторвать ей руку... Или ногу. Лучше все-таки ногу...

ГАМБУРГЕР. Оба-на! Ничего ты кровожадная!

КАРТОШКА. Еще можно сжечь. Точно! Это правильней всего. Если оторву ногу, он будет ее жалеть, а значит, ругаться и разговаривать со мной не станет, а если сжечь, то разговаривать ему будет не с кем....

ГАМБУРГЕР. Эй! Ты серьезно?

КАРТОШКА. Да. А что?

ГАМБУРГЕР. Это не про тебя в новостях показывали — какой-то маньяк убивает молодых девушек? Маньяк — это не ты, случайно?

КАРТОШКА. Нет. Я вроде бы еще никого не убивала.

ГАМБУРГЕР. Фантазия у тебя, конечно...

КАРТОШКА. Что?

ГАМБУРГЕР. Нервы лечи, говорю. Зачем тебе вообще с ним разговаривать?

Пауза.

КАРТОШКА. Я не знаю. Просто мне хочется с кем-нибудь разговаривать.

ГАМБУРГЕР. Дура ты, Картошка фри! Никто тебя не съест.

КАРТОШКА. Почему сразу дура?

ГАМБУРГЕР. Потому что хочешь разговаривать.

КАРТОШКА. А ты — нет?

ГАМБУРГЕР. А я с Яндексом разговариваю, мне хватает.

КАРТОШКА. С кем?

ГАМБУРГЕР. С Яндексом. Не пробовала? По крайней мере, когда я спрашиваю его о чем-то важном, он всегда мне отвечает. И тогда мне кажется, что ему на меня не наплевать. Хотя это бред, конечно. Конечно, ему наплевать. Ну, то есть, я думаю, это не потому, что он злой, а потому что он Интернет, но иногда мне кажется, что ему больше всех не наплевать, потому что он даже если и выдаст ненужную фигню, он все равно хотя бы попытается найти ответ для меня, а не смотрит телевизор целыми вечерами... По крайней мере, у меня создается иллюзия, вернее, он во мне ее создает, что я нужен ему...

Пауза.

КАРТОШКА. А я с рыбками в детстве разговаривала. А теперь только с девушками Глеба. Но они всегда молчат и никогда не отвечают.

ГАМБУРГЕР. А меня не взяли в институт, представляешь? Не добрал одного балла. Только это все враки, я все написал правильно. Но на мое место взяли какую-то тупую богатую курицу, за которую отец заплатил. Мне потом уже сказали, что она вылетела после первой же сессии, потому что не смогла запомнить ни слова из того, что ей говорили на лекциях. А я всю зиму искал, чем бы мне заняться. Сидел неподвижно, а там, за окном, — зима, ветер и дерево. Одно и то же каждый день. Когда наступила весна, я спросил у Яндекса — чем мне заняться? И он отправил меня сюда.

КАРТОШКА. Странно, меня сюда тоже отправил Яндекс. Я не могла уже сидеть дома, мне просто надоело, что со мной никто не хочет разговаривать. У меня пропал отец, представляешь? Просто без вести. Просто пропал. И с тех пор я уже как будто целую вечность ни с кем не разговаривала.

ГАМБУРГЕР. Оба-на! Без вести?

КАРТОШКА. Его нигде нет. И телефон не отвечает.

ГАМБУРГЕР. И как ты теперь? Без отца?

КАРТОШКА. Плохо. Ты даже не поверишь, как... Такое ощущение, что наступил конец света, а ты все еще живешь. Просыпаешься по утрам и заставляешь себя умыться. Я даже умереть хотела. Но только это, говорят, грех... А я не знаю. Я думаю, что если я как бы случайно дорогу буду перебежать и упаду, а меня машина соьвет, это же как бы не грех будет? Я на небесах потом скажу, что это я случайно... Я придумую, что сказать.

ГАМБУРГЕР. Оба-на! Ты это, ты подожди... Успеешь еще на небеса-то. Ты же молодая еще совсем. У меня вот отец пропал без вести еще раньше, чем я родился.

КАРТОШКА. Как ты думаешь, куда?

ГАМБУРГЕР. Я все-таки надеюсь, что его убили. Ну, если бы я знал это точно, я бы оправдал его тогда. А так — не могу... Ведь я даже не знаю, как он выглядит. Иногда я иду по улице,

и всматриваюсь в лица — и мне кажется, что он среди них, а по моим ощущениям получается, что это примерно каждый второй. Однажды я напрямую спросил у Яндекса — кто он, мой отец?

КАРТОШКА. И что?

ГАМБУРГЕР. Он мне не ответил.

КАРТОШКА. Почему?

ГАМБУРГЕР. Потому что как раз в этот момент его отключили за неуплату. А больше я и не пытался...

КАРТОШКА. А мой отец был с нами всегда. И пока он был рядом, было странно вообще чего-то хотеть, и искать друзей, и на работу устраиваться... А потом мне показалось, что что-то случилось. Что-то очень страшное. Всего на минуту показалось, не больше, перед самым сном. Но я решила, что это ерунда, я просто чего-то переела на ночь, никакой катастрофы или трагедии произойти не может. А на следующее утро он замолчал... Телефоны, скайп, почта, контакт — ничего не отвечало, все стало неподвижным.

ГАМБУРГЕР. А я...

От стены фаст-фуда отделяется человек в джинсовке — Супервайзер, подходит к Картошке и Гамбургеру.

СУПЕРВАЙЗЕР. Молодые люди, я тут уже полчаса стою, и все полчаса вы триндите друг с другом и не работаете!

КАРТОШКА. Мы просто...

СУПЕРВАЙЗЕР. Я штрафую вас на половину рабочего дня. Мы не запрещаем вам разговаривать! Но раздавать листовки! (*Забирает у Картошки стопку листовок, раздает их прохожим.*) Это так сложно? Это мешает общаться? Вот! Я раздаю листовки и общаюсь с вами! Ла-ла-ла! Бла-бла-бла! Ручки-то вот они! Работают!

ГАМБУРГЕР. Мы немного заговорились.

СУПЕРВАЙЗЕР. Вот от тебя-то я меньше всего этого ожидал! На работу устраивался — клещами слова вытягивали.

КАРТОШКА. Мы больше не будем.

СУПЕРВАЙЗЕР. Конечно, не будете, я вас по разным точкам разведу. (*Гамбургеру.*) Так, ты оставайся здесь... (*Картошке.*) А ты пошли со мной в машину, будешь раздавать на перекрестке.

ГАМБУРГЕР. Подождите! То есть мы всегда теперь будем стоять по разным точкам? Навсегда?

СУПЕРВАЙЗЕР. Чего перепугался-то? Трагедия какая случилась? Сегодня в таком режиме поработаете, в следующую смену опять вместе. Я чего-то не понял. Вы сюда общаться приходите?

ГАМБУРГЕР. Мы просто так хорошо сработались.

СУПЕРВАЙЗЕР. Сработались! Дружный коллектив у них! Проверять я вас теперь буду каждую смену! (*Гамбургеру.*) Ну чего стоишь? Часики тикают, время идет! (*Картошке.*) Пошли в машину, подброшу до перекрестка...

ГАМБУРГЕР (*Картошке*). Но в следующую смену вместе?

КАРТОШКА. Конечно, вместе.

ГАМБУРГЕР. А ты не передумаешь работать?

КАРТОШКА. Нет.

ГАМБУРГЕР. Картошка фри — вкусная штука.

КАРТОШКА. Гамбургеры вкуснее.

ГАМБУРГЕР. Тогда до следующей смены?

КАРТОШКА. Тогда до следующей...

ГАМБУРГЕР. Что-то хотел спросить у тебя и забыл.
КАРТОШКА. И я.
ГАМБУРГЕР. Что-то очень важное.
КАРТОШКА. И я.
ГАМБУРГЕР. Но в следующий раз обязательно спрошу.
КАРТОШКА. Вспомнишь и спросишь.
СУПЕРВАЙЗЕР. Эй, вы чего, ребята?
ГАМБУРГЕР. Но в следующую смену вместе?
КАРТОШКА. Конечно, вместе.
ГАМБУРГЕР. А ты не передумаешь работать?
КАРТОШКА. Нет.
ГАМБУРГЕР. Я еще много чего смогу рассказать.
КАРТОШКА. И я.
ГАМБУРГЕР. Значит, до следующей смены?
КАРТОШКА. До следующей.
СУПЕРВАЙЗЕР. Эй, так вы сейчас по третьему кругу пойдете! *(Берет Картошку за поролоновую руку.)* Пошли в машину.

За руку уводит Картошку фри.

ГАМБУРГЕР *(кричит вслед).* Вспомнил! Как тебя зовут?!

Картошка не слышит Гамбургера — она уже села к Супервайзеру в машину.

Сцена третья

Темный подъезд. Глеб заходит в него, поднимается на второй этаж. Оглядывается. Подходит к обшарпанной темной двери, звонит в квартиру. Дверь открывает Женщина в халате.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Вам кого?
ГЛЕБ. Скажите, а у вас все дома?
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ну и?
ГЛЕБ. Я бы хотел пообщаться с вами. Я из службы по переписи населения.
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. А в новостях чего-то не объявляли. Некогда нам.

Хочет закрыть дверь.

ГЛЕБ. А у нас новая программа, пока экспериментальная. Решили каждой семье, согласившейся поучаствовать, платить деньги...
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Деньги? Это они молодцы, что решили! Это вы вовремя! Последняя сотня до зарплаты осталась, на проезд по карманам собираем. Проходите.

Пропускает Глеба в квартиру. Тесная запущенная хрущевка. На диване в комнате лежит Мужчина — по всему, муж Женщины в халате, смотрит телевизор.

МУЖЧИНА. Mamочka, kto tam?
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Встань да посмотри. Трусы подтяни — из переписи к нам пришли, деньги теперь платить будут по новой программе.

МУЖЧИНА. Деньги?
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Деньги! Вставай, щас показания давать будем..!

Мужчина встает с дивана, подтягивает штаны, выключает телевизор. Глеб проходит в комнату, женщина усаживает его на стул. Сама садится рядом с мужем на диван.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ручку принести? Документы какие заполнить надо?
ГЛЕБ. Нет. Достаточно устной формы.
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ *(мужу).* Во! Видишь! Устной формы достаточно! А ты все президента нашего ругаешь!
МУЖЧИНА. А что он хорошего сделал? Нет, Валя, подожди, что лично тебе хорошего он сделал?
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Заткнись уже, а? Докритикуешься сейчас, молодой человек обидится и уйдет, и шиш нам с тобой! *(Глебу.)* Не обращайтесь внимания, это ему общения на политические темы не хватает. Как закодировала я его, так изо дня в день теперь выслушиваю... Раньше-то было где ему поговорить.
МУЖЧИНА. Нет, мамочка, ты не права... Я это говорю не от того, что мне поговорить не с кем, а просто если мы все вот будем с тобой молчать — так это что получится? Где демократия, ты мне объясни! Я свободный человек, Валя! Я свободный человек, ты мне покажи демократию!
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Вы не слушайте его! Вы начинайте. Спрашивайте.
ГЛЕБ. Вы вдвоем живете?
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Мы вообще-то втроем.
ГЛЕБ. А кто третий?
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Дочь. Лера.
МУЖЧИНА. Mamочka! Она нам не дочь. Мы же договорились, мамочка!
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Молодому человеку это знать не обязательно! Дочь у нас, понимаете... Мы ее любим очень.
МУЖЧИНА. Все ей отдали.
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. А она... Связалась, в общем... С проповедником каким-то. Кришнаит он или кто? Все мозги девчонке запудрил. В общем, с Нового года мы ее не видели, и не звонит она нам.
МУЖЧИНА. Пусть только попробует.
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ну что ты, что ты с ней сделаешь? Трубку бросишь? Чего ты дурака-то валяешь? Я что, не слышу, как ты по утрам к ним в общину звонишь, кричишь к телефону ее позвать? Что говорить-то тогда? Строишь из себя невесту что!
МУЖЧИНА. Я не строю. Валя! Я звоню, чтобы узнать, что жива-здорова. Придет — на порог не пушу, вот где жила, пусть туда и возвращается! Я звоню, чтобы узнать!
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ерунду не городи! Я каждый день Бога молю, чтобы вернулась, а ты ерунду говоришь. Не доглядели, чего уж теперь?
МУЖЧИНА. А я не пушу! Какая она дочь, мамочка, какая она дочь? После того как мы ее на этом шестивии придурков вылавливали, мерзли, а она даже не поздоровалась с нами! Кончились у меня к ней отцовские чувства! Я поседел уже, Валя!
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ой! Замолчи, без тебя тошно. Я что, не видела, как ты по ночам на кухню уходишь и молишься?
МУЖЧИНА. Я молюсь? Mamочka, ты что?! Я взрослый человек, я в Бога не верю!
ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ну что ты отпираешься? Я же видела! Видела! А молитвенник кто домой принес?
МУЖЧИНА. Так на сдачу в книжном дали...

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ну тебя! Все ты веришь, мне назло говоришь только... Вы спрашивайте дальше, молодой человек, не стесняйтесь. Трое нас здесь живет.

ГЛЕБ. А вы часто общаетесь друг с другом?

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Да все дни напролет и общаемся, этого как сократили, так ему делать больше нечего — только лежи да общайся. А это вопросы теперь такие, да?

МУЖЧИНА. Ну что ты говоришь такое, мамочка? А посуду кто моет? А по дому кто? У меня дел, думаешь, нет? А в магазин кто у нас в семье ходит? Ты просто не замечаешь этого, ты вот думаешь, если работаешь, а я дома сижу — так я бездельничаю сразу!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Замолчи уже! Раз в неделю борщ сварит, и посмотрите, какая хозяйка выискалась!

МУЖЧИНА. А блинчики? Ела? Пальчики облизывала? А противень вчера кто отмыл?

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ой, не смешите меня! Блинчики готовил — всю кухню мукой засыпал. Кто отмывал потом? Я отмывала!

МУЖЧИНА. Мамочка, ну постыдилась бы хоть при молодом человеке врать! Я сам почти всю кухню вымел, просто новости начались, я пошел смотреть. Я тебя просил за мной дометать? Я же тебе сказал — посмотрю и доделаю! Ты зачем за веник схватилась? Сама ведь схватилась, никто не просил, а меня обвиняешь!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Кто тебя обвиняет? Я тебя обвиняю? После новостей два часа прошло, ты на диване лежал, жопой не двинул, мне по грязной кухне ходить прикажешь?

МУЖЧИНА. Мамочка! Мамочка, успокойся! Ты мне все нервы вымотала, мамочка! Ты мне все нервы...

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ (*Глебу*). Вот так и живем с ним — одни мучения... Вы не обращайте внимания на нас, вы задавайте, задавайте, молодой человек. Нам, сами понимаете, деньги не лишние, мы сейчас вот соберемся с мыслями и ответим. Да, папа?

МУЖЧИНА. Ответим! Как есть ответим, пусть они там посмотрят у себя, как народ живет!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ой, замолчи!

ГЛЕБ. Я просто спросить... Я хотел узнать. Понимаете... Мне нужны сведения... Мне нужно увидеть самому. Как живут люди? Как общаются? Хорошо ли это, когда кто-то рядом? Нужно ли это? Тепло ли от этого... Это такая программа. Такая государственная программа.... Мне нужно узнать. Я хочу понять, объяснить себе.... И если рядом, то по любви ли? И что она, зачем...? И сходит ли на нет тоска, которая тоска, всегда, все время.... И перестанешь ли ждать... Что вот — и рядом, вдруг, он, кто-то. Кто-нибудь... Кто защитит (*пауза*). Вот вы живете вместе, любите ли вы друг друга?

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Странная программа у вас, молодой человек, никак в толк не возьму.

ГЛЕБ. Такая государственная программа... Любите вы друг друга?

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Да какая любовь — двадцать пять лет бок о бок? Я его лучше, чем себя, знаю, как замуж вышла, так и мучаюсь...

МУЖЧИНА. Ну о чем ты говоришь, мамочка? Я вот, например, тебя очень люблю. Можно даже сказать, обожаю!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Беру за хвост и провожаю! Ты мне когда цветы дарил в последний раз? На свадьбу! Нет никакой любви.

МУЖЧИНА. Как это нет? А если я был в той любви? Есть любовь.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Папа! Замолчи, слушать тошно!

МУЖЧИНА. Ну вот почему ты всегда такая, мамочка?

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Какая?

МУЖЧИНА. Циничная! Я сказал — есть любовь и точка! Я мужик — я принимаю решения!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Какой ты мужик? Безработный! Я тоже, между прочим, право голоса имею, у нас не домохозяйка — нет любви!

МУЖЧИНА. А ты мне по самому больному не бей! Я безработный, но мужик, если надо, и домохозяйку введу! Есть!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Нет!

МУЖЧИНА. Есть, я кому говорю!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Нет, нет, нет! (*Заткнула уши.*) А я тебя не слушаю, — нет и нет, и нет!

МУЖЧИНА. Это мне назло ты все, мамочка! Есть, поняла меня? Есть!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ой, насмешил клоунов! И чего ты — любишь меня, хочешь сказать?

МУЖЧИНА. Люблю.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Да правда, что ли?

МУЖЧИНА. Зуб даю!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Ну вот ты и попался! Тогда с тебя сегодня мусор, ужин, в магазин, ванную вымыть с порошком и никакого телевизора!

МУЖЧИНА. Это ты, мамочка, загнула! Давай так — мусор вынесу, ужин приготовлю, а на «без телевизора, магазин и ванную» я не согласен!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. А кто тебя за язык тянул? Ты ведь любишь? Любишь ведь — говоришь! Ты сам это сказал!

МУЖЧИНА. Ладно. Ванную помою...

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. А в магазин? А без телевизора?

МУЖЧИНА. А шиш тебе!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Мне — шиш? Так ведь любишь!

МУЖЧИНА. Люблю. Но телевизор смотреть буду!

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Любит! Вот как любит! Жопы с дивана не оторвет, а все любит! Куда от такой любви деваться — ума не приложу!

МУЖЧИНА. Ну мамочка! Ну в щечку? (*Целует жену в щеку, та отмахивается от него.*) Завтра схожу... Мамочка, ну?

Раздается звонок в дверь.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ (*мужчине*). Если твои пришли — выгоню на хрен!

Идет в коридор, открывает дверь. На пороге стоит молодой парень.

ПАРЕНЬ. Скажите, у вас валидола не найдется? Маме плохо.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Вы из нашего дома?

ПАРЕНЬ. Мы ваши соседи. В соседней квартире живем. Маме с сердцем плохо. Я скорую уже вызвал, а дома никаких лекарств...

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Папа, у нас валидол есть?

МУЖЧИНА (*из комнаты*). Я его пью что ли?

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. А вы ей давление мерили?

ПАРЕНЬ. Нет. У нас нечем.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Так пойдете, у меня аппарат есть... Сейчас.

Женщина ищет в тумбочке, стоящей в прихожей, аппарат для измерения давления.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Пойдете, я измерю...

Парень и Женщина в халате идут в соседнюю квартиру. Глеб идет за ними. Заходит в точно такое же темное и обшарпанное жилище, проходит в комнату. На кровати лежит женщина, лет пятидесяти на вид. Женщина в халате, поздоровавшись, принимается мерить ей давление.

ПАРЕНЬ. Это наши соседи, мам... Не переживай.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Тихо! (*Измеряет давление.*) Повышенное. Ой, какой ужас! Двести тридцать на сто десять.

В квартиру заходят работники скорой помощи — две женщины. Фельдшер и медсестра.

ФЕЛЬДШЕР. Здравствуйте. Скорую вы вызывали?

ПАРЕНЬ. Я.

ФЕЛЬДШЕР. Что случилось?

ПАРЕНЬ. Маме плохо.

ФЕЛЬДШЕР. Что конкретно беспокоит?

ПАРЕНЬ. Сердце, сказала... Побледнела вся.

ФЕЛЬДШЕР. Имя, фамилия.

ПАРЕНЬ. Лесовских Анна Аркадьевна.

ФЕЛЬДШЕР. Полных лет сколько?

ПАРЕНЬ. Я не знаю... Мам, тебе сколько лет?

МАТЬ. Сорок девять.

ФЕЛЬДШЕР. Тихо! Не разговаривайте! Лежите! (*Парню.*) Место работы?

ПАРЕНЬ. Я не знаю... Мам, где ты работаешь?

МАТЬ (*еле слышно*). В библиотеке, сынок...

ФЕЛЬДШЕР. Номер? Какая библиотека?

ПАРЕНЬ. Мам?

МАТЬ. Седьмая городская...

ПАРЕНЬ. Седьмая городская.

ФЕЛЬДШЕР (*медсестре*). Давление померим...

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Двести тридцать на сто десять, я только что измеряла...

ФЕЛЬДШЕР. Что-то принимали? Лекарства, алкоголь?

ПАРЕНЬ. Мам, ты принимала?

МАТЬ. Нет.

ФЕЛЬДШЕР. На что еще жалуетесь?

МАТЬ. Головная боль, сердце болит...

ФЕЛЬДШЕР. Дамочка, собирайтесь, в больницу поедем. (*Медсестре.*) Предынфарктное состояние. (*Парню.*) Ночную рубашку, полотенце, тапочки, зубную щетку... Спускайтесь, машина у подъезда. У нас носить некому, к сожалению.

ПАРЕНЬ (*растерянно*). Мам..?

МАТЬ. Ночная рубашка в тумбочке, голубая.... Полотенце в шкафу на нижней полке, тапочки под кроватью, зубная щетка в ванной, в стакане, где и твоя.

Парень собирает вещи для матери. Медики выходят из квартиры, спускаются вниз.

Мать встает с кровати, обувается, одевает плащ.

ПАРЕНЬ (*стоит с пакетом в руках*). Мама... Я с тобой поеду. Мама... Все нормально будет... Мама... Ты это... Не раскисай... Все нормально будет. Ты чего заболела-то? Мама... Мама... Мама... Мы с тобой еще чай будем, чай пить по вечерам. Поговорим обо всем... Мама...

МАТЬ. Все хорошо будет, сынок. Ты белобрысый у меня.

ПАРЕНЬ. И похож на татарина. Мама... Мама... Пошли, держись за меня... Мама, ты нормально? Ты как себя чувствуешь?

Выводит мать из квартиры. Следом выходят Женщина в халате и Глеб. Парень закрывает дверь ключом. В соседней квартире слышно, как Мужчина разговаривает с кем-то по телефону.

ЖЕНЩИНА В ХАЛАТЕ. Нет, он опять со своими треплется! Папа! Папа! Я кому сказала, никаких! Никаких! Никуда ты с ними не пойдешь! (*Глебу.*) Вы заходите, молодой человек, сейчас я ему дам разговоры с алкоголиками!

Женщина в халате заходит в свою квартиру. Глеб остается стоять на лестничной клетке. Мать Парня спускается вниз по лестнице. Парень закрыл дверь, идет за ней.

ПАРЕНЬ. Мама! Ну куда ты сама-то пошла?

Идет за матерью, но возле Глеба вдруг останавливается на секунду, как будто поймав его взгляд. Смотрит на него и вдруг говорит, скорее даже себе, а не Глебу.

ПАРЕНЬ. Я так устал разговаривать с Яндексом.

Затем догоняет мать, берет ее под руку, они уходят. Глеб тоже спускается вниз, наблюдает, как мать и сын садятся в машину скорой помощи. Машина уезжает. Глеб провожает ее взглядом, потом достает из кармана сотовый телефон, набирает какой-то номер.

ГЛЕБ. Алло? Здравствуйте. А я могу заказать куклу..? Да, оплата по карте, у меня скидка...

Уходит, разговаривая по сотовому телефону.

Сцена четвертая

Все та же квартира — квартира Саши и Глеба. Саша сидит на полу, подстригает ногти. На диване сидит девушка-кукла.

САША. Ты слышала — лифт на нашем этаже остановился?

Кукла молчит.

САША. Это он! Он вернулся!

Вскакивает на ноги, бежит к двери. Раздается звонок. Саша, теперь вручную, открывает дверь, на пороге трое молодых людей или подростков — Светловолосый мальчик, Темноволосый мальчик и Девочка.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. А Олега Геннадьевича можно?

САША. Нет.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Странно, нам дали его адрес.

САША. Кто?

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. В центре.

САША. В каком центре?

ДЕВОЧКА. Неважно. Он же здесь не живет. (*Парням.*) Пошлите.

САША. Он здесь живет! Но его сейчас нет.

ТЕМНОВОЛОСЫЙ А он скоро придет?

ДЕВОЧКА. Просто мы звонили, а он недоступен совсем.
ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Нужно же кому-то проводить занятия. Нас послали узнать.
ДЕВОЧКА. Мы думали, может быть, заболел?
САША. Вы проходите.

*Саша пропускает ребят в коридор. Они с любопытством и восхищением рассматривают квартиру — похоже, они не ожидали, что она такая большая.
 Ребята снимают куртки и ботинки, проходят в зал. Здороваются с куклой. Та не обращает на них внимания.*

САША. А вы его давно знаете?
ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Олега Геннадьевича? Он наш преподаватель.
ДЕВОЧКА. Нужно говорить — ведущий.
ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Да, ведущий.
САША. А что он ведет?
ДЕВОЧКА. Вы разве не знаете?
САША. Нет.

Все трое мнутя, видимо, не очень хотят рассказывать.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. У нас центр.
ДЕВОЧКА. Кризисной психологии.
ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Да. Вот. Он ведет там у нас всякое, Олег Геннадьевич.

Пауза.

САША. А, может быть, вы хотите кофе? Давайте я вам сварю?

Все трое переглядываются.

ДЕВОЧКА. Давайте.
СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Мне нельзя. У меня теперь давление от всего.
ДЕВОЧКА. А у меня желудок болит постоянно.
САША. Но я все-таки сварю, ладно? Может быть, кто-то захочет? Я сейчас!

Саша уходит на кухню.

ДЕВОЧКА (*Светловолосому*). Ты не парься. У меня, когда в первый раз, тоже было давление. Сказали, навсегда. А через год где-то все прошло. Организм еще молодой. Все прошло — главное, алкоголь не пить, и успокоительное на ночь принимать. А вот желудок уже не пройдет.
ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Сожгла?
ДЕВОЧКА (*кивает*). Я думала, чтоб наверняка.
ТЕМНОВОЛОСЫЙ. А у меня руки болели — это вообще копец был — целый месяц. Я плакал даже. А сейчас только ноют. Я вставал тогда по ночам и в туалет уходил. Если к холодному прижаться, то не так... Прижмешься к полу, к самому кафелю, и всю ночь синий лежишь, и слезы, слезы... А наутро приходил санитар и уносил меня на руках в палату. Я тогда думал, что геем, наверное, стану. У меня реально волна по телу была, когда он меня на руки брал. Здоровый такой санитар, бородатый, как декан наш в институте. И его борода мне в лицо, так ласково. А я плачу, весь худой, съезженный. Он смотрел

на меня строго и нес. А коридор длинный-предлинный. И я хочу прижаться к этому дядечке как можно теснее, и чтобы он нес меня долго-долго-долго... А он никогда не уставал, я это знаю. Он, наверное, уже до меня целую вечность плачущих людей из туалета по палатам разносил.

ДЕВОЧКА. А у нас только бабушки там были...

Заходит Саша с подносом в руках, на подносе — чашки с кофе.

САША. Вот.

Ставит поднос на столик.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. А почему Олег Геннадьевич телефоны отключил, вы не знаете?

САША. Нет. Я ему сама звоню постоянно — и всегда абонент недоступен.

ДЕВОЧКА. То есть вы... Вы не знаете, где он?

САША. Нет. Мы уже подали заявление в милицию.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Он пропал без вести?

САША. Говорят, что так.

ДЕВОЧКА. А что, как, когда?

САША. Не приехал, и телефон перестал отвечать. Я не знаю. Я уже скоро с ума, наверное, сойду.

ДЕВОЧКА. А вы его дочь?

САША. Он всегда ведь был с нами, каждый день.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. А что в милиции?

САША. Я не знаю, но они обещали найти. Что мой отец у вас вел?

ДЕВОЧКА. Занятия всякие разные...

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Это что-то вроде центра поддержки.

ДЕВОЧКА. Мы все лежали в больнице. В разных больницах. А потом нас записали туда.

САША. Расскажите мне про него. Все, что знаете. Просто так получилось, что я ничего не знаю. Мы с Глебом, так получилось, ничего не успели узнать. Глеб теперь не разговаривает совсем.

ДЕВОЧКА. Он вел у нас занятия по психологии. Говорил нам, что уныние — это грех. Объяснял, как надо любить, как надо радоваться.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Мы еще вставали в круг и брались за руки.

ДЕВОЧКА. Да. Мы где-то полгода у него занимались.

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Нас там немного совсем.

ДЕВОЧКА. Сначала было много, а потом всех выписали.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Он очень добрый был. Некоторые к нему потом специально приходили, когда уже выписались, за советом.

ДЕВОЧКА. Он всем помогал — даже если без полиса, просто с улицы можно было придти. Потому что на самом деле он там не работал. Он просто так вел занятия, чтобы помочь, а денег ему в этом центре совсем не платили.

САША. А где он работал?! Вы знаете?

ДЕВОЧКА (*недоуменно смотрит на Сашу*). Нет. Говорят, он был каким-то крупным бизнесменом.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. У него был крутой бизнес, говорят.

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Он, наверное, что-то продавал.

САША. Нефть?

ДЕВОЧКА. Наверное. А может, и газ... Или цветные металлы.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Мы на самом деле никогда не спрашивали. Мы про другое вообще-то разговаривали.

ДЕВОЧКА. Знаете, как он нас любил?

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Он меня любил очень.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Он всех любил.

САША. А когда вы его в последний раз видели?

ДЕВОЧКА. Пятнадцатого. У нас было занятие, он нам рассказывал, что нужно искать в себе силы для любви. Что даже если нет сил, нужно любить обязательно, даже почти что через силу, что нужно прощать и любить.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Что без любви точно ничего не получится. Мы сначала плохо слушали.

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Я слушал с самого начала.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. А потом он нас даже не заставлял, но мы сами все затихли.

ДЕВОЧКА. Он всегда интересно говорил.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. После пятнадцатого он больше не приезжал. Мы ему потом звонили много раз. И вот — решили прийти, чтобы уже точно выяснить.

ДЕВОЧКА. За нас никто теперь в центре больше не хочет братья. Мы отказники — так про нас теперь говорят.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. И нас разгонят по домам. Только он нами занимался.

ДЕВОЧКА. Нет, конечно, это его дело — ему же никто за нас не платил, и он не обязан. Но мы решили прийти, чтобы уже точно узнать — ждать нам его или нет.

САША. Он, наверное, скоро вернется. Я не знаю, но мне кажется, что вернется.

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Нет. Он бы не пропал так просто. Он не такой человек.

САША. Я не знаю...

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Ладно, мы пойдем тогда.

ДЕВОЧКА. А если с ним что-то случилось?

САША. Нет. С ним не могло ничего случиться.

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Мы пойдем.

САША. Вы приходите еще, пожалуйста. Глеб не разговаривает со мной совсем. Мы можем что-нибудь делать.

ДЕВОЧКА. Мы придем, если хотите. Когда вы дома?

САША. Я всегда дома. Только теперь еще работаю. Я познакомилась на работе с одним мальчиком. Вроде бы он мальчик... По виду, по крайней мере, похож. Он, наверное, самый лучший... Я его тоже обязательно позову. Будем все вместе.

ДЕВОЧКА. Да. Нужно держаться вместе, раз такая беда...

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Мы придем.

Трое ребят и Саша выходят в коридор, ребята одеваются, прощаются с Сашей и уходят. Кофе так и остается не выпитым.

В подъезде.

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Подождите меня.

ДЕВОЧКА. Что-то забыл?

ТЕМНОВОЛОСЫЙ. Нет, у меня голова кружится. Воздухом подышу...

Выходит в дверь, которая ведет на общий балкон в подъезде.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Эй, ты куда? Ладно... *(Девочке.)* Я давно тебе хотел сказать. В общем, я решил... Этот раз будет последним.

ДЕВОЧКА. Не уходи, пожалуйста.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. За этот год я так и не научился любить, не научился прощать. Мне вообще все равно. Внутри меня пусто. Я думал, придет весна, и все поменяется. Но ничего не случилось. Только Олег Геннадьевич ушел.

ДЕВОЧКА. А я?

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Что ты?

ДЕВОЧКА. Я не смогу без тебя.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Не говори ерунды.

ДЕВОЧКА. Я не говорю. Если ты уйдешь, я тоже уйду. Мне ничего уже не страшно, все равно желудок будет болеть до старости, укус все сжег. Но не уходи. Не делай этого, пожалуйста.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Это все фигня. Ты нормально будешь жить. А я — моральный урод.

ДЕВОЧКА. Моральные уроды живут спокойно и никогда ничего не пытаются с собой...

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Ты не понимаешь! Мне все равно! Мне неинтересно! Идет снег, дождь, ветер, туман, зима, лето, осень, — это все проносится передо мной как картинка, и мимо идут люди. Олег Геннадьевич говорил, что нужно любить всех, весь мир, а я никого не могу полюбить, я даже себя не могу полюбить. У меня самый низкий ай кью в классе, понимаешь?

ДЕВОЧКА. И со мной тебе неинтересно?

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Не знаю... Может быть. Я ни с кем больше не общаюсь.

ДЕВОЧКА. Общайся со мной. Расскажи мне про все это. Все в подробностях. Я буду слушать. Я даже в туалет не пойду, если захочу, а буду сидеть и слушать тебя. Даже если придется не спать всю ночь. Мне все про тебя интересно.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Я не смогу тебе рассказать. У меня внутри так много... Я бы хотел тебе рассказать. Про свою пустоту, про свое одиночество, про свои страхи. Но я не умею. Я просто таких слов не подберу. И никто не подберет.

ДЕВОЧКА. Расскажи, как умеешь. Говори все, что хочешь.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Нет. Я так решил. Только не переубеждай меня, ладно?

ДЕВОЧКА. Если ты с собой что-нибудь сделаешь, я тебя убью! Я тебя никогда не прощу!

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. А если ты потом разлюбишь меня?

ДЕВОЧКА. Я тебе могу поклясться, что никогда.

Светловолосый садится прямо на холодный пол.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Я боюсь.

ДЕВОЧКА *(садится рядом).* Рассказывай мне. *(Берет руки Светловолосого в свои.)*

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Я сижу в комнате, и на меня орут родители. Тогда я выпил таблетки, чтобы ничего не слышать, и потерял сознание через два часа. А потом на меня орали еще больше. Отец сказал мне, что я не мужчина. Только меня это вообще не задело. Меня задело, что моих рыбок мама отдала знакомым, типа, в наказание мне за то, что я не хотел жить. А в школе меня начали называть самоубийцей, суицидником, шизиком. Я специально брал с собой бритву и на уроках резал себе вены. Несильно. Мне просто хотелось отомстить им как-то. Чтобы они боялись. А после уроков я уходил в зоомагазин и смотрел там на рыбок — я мечтал, что накоплю денег и куплю себе таких. Но потом папа отобрал у меня все накопленные деньги, потому что застал за кое-чем в ванной... Это неинтересно. Тебе неинтересно, я вижу. Это все детский лепет! Я не мужчина, ты слышишь, я черт-те что, я — моральный урод! Уходи. Это тебя не касается!

ДЕВОЧКА. Мне было интересно.

СВЕТЛОВЛОСОСЫЙ. Интересно в цирке.

ДЕВОЧКА. Я тебя понимала.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. А я тебя не понимаю! Я — ничтожество, посмотри на меня! Я урод, у меня прыщи, от меня все время пахнет потом, я тупой и ни на что не гожусь!

ДЕВОЧКА. У меня зато изо рта воняет, потому что желудок сожжен! И груди нет совсем.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. У меня нос кривой! Я не могу даже одного раза отжаться. Я слабак! Если на тебя нападут хулиганы, я даже не смогу тебя защитить!

ДЕВОЧКА. А меня обзывали самой страшной девочкой класса! На меня никто не нападет — кому я нужна!?

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. У меня перхоть.

ДЕВОЧКА. А у меня гайморит.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. А я до десяти лет в постель ссался!

ДЕВОЧКА. А я до двенадцати. Знаешь, как стыдно?

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Кому ты рассказываешь? Особенно в гостях, если остаешься на ночь, когда родители спрашивают...

СВЕТЛОВЛОСЫЙ И ДЕВОЧКА (*почти хором*). Ты сходил на горшок перед сном?

Пауза.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Где этот урод? Пошлите уже!

Толкает дверь, ведущую на балкон, — она заперта. Светловолосый толкает дверь еще раз — дверь чуть-чуть приоткрывается, становится понятно, что она чем-то подперта. Светловолосый толкает дверь еще и еще, венник, что был просунут в ручку двери, вылетает, дверь открывается. Светловолосый и девочка выходят на балкон. На балконе никого.

ДЕВОЧКА. Где он?

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Не знаю.

ДЕВОЧКА. Отсюда больше нет выходов.

Пауза.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Не смотри вниз. Пожалуйста, не смотри.

ДЕВОЧКА. Нет! Ты с ума сошел? Нет!

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Двадцать третий этаж.

ДЕВОЧКА. Но! (*Хочет подойти к перилам балкона.*)

СВЕТЛОВЛОСЫЙ (*преграждает ей дорогу*). Не смотри вниз! Я сам все сделаю — вызову скорую, милицию. Ты иди домой. Я после приду.

ДЕВОЧКА. Я с тобой.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Нет! Пожалуйста!

Пауза.

ДЕВОЧКА. Как он вообще мог... Нет.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Он дурак. Иди домой. Я сразу же к тебе.

ДЕВОЧКА. Я с тобой.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Нет. Ты не должна смотреть. Я все сам.

ДЕВОЧКА. Почему?

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Я боюсь за тебя. Я боюсь каждый день, что тебе неинтересно со мной. Что ты уйдешь, и я тебя больше не увижу. Во мне нет никаких достоинств, это вообще удивительно, что ты со мной общаешься.

ДЕВОЧКА. Во мне тоже одно уродство.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Нет. Ты очень красивая. Ты добрая. Ты умная. И я боюсь за тебя каждый день.

ДЕВОЧКА. Дурак. Это ты такой.

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Иди домой. Я скоро приду. Предупреди маму, что я приду. Пошли. Я поймаю тебе машину.

ДЕВОЧКА. Я с тобой!

СВЕТЛОВЛОСЫЙ. Нет. Я должен сам...

Берет Девочку за руку, уводит ее с балкона.

Сцена пятая

Саша сидит в своей квартире на диване, смотрит из окна кино, которое показывают на противоположной стене торгового центра. Фильм про великие страдания и большую любовь. Героиня в холодном океане лежит на обломке корабля. Корабль только что утонул. Рядом с ней в воде, цепляясь за обломок, из последних сил держится юноша. Юноша что-то беззвучно говорит героине, та берет его за руку, целует в холодные губы. Потом оба героя, кажется, засыпают, чтобы умереть — замерзнуть в холодных водах Атлантики. Юноша замерзает первым и тонет — уходит черной тенью на глубину океана. Саша плачет, прижимает руки к груди. В квартиру заходит Глеб. На руках он несет большую темнокожую куклу.

ГЛЕБ. Энди вернулась.

САША. Здравствуй, Энди. Я рада, что ты теперь с нами. (*Глебу.*) Она рада?

Молчание.

САША. Хорошо, Энди, что ты вернулась к нам.

ГЛЕБ (*кивает на свою предыдущую девушку-куклу*). Убери ее.

Саша послушно берет куклу на руки и уносит ее в чулан. Возвращается. Глеб усадил Энди за стол, наливает ей сок в чашку.

САША. Может быть, я сварю всем нам кофе?

ГЛЕБ. Энди не любит кофе.

Молчание.

САША. У меня теперь стало так много друзей.

Молчание.

САША. Глеб! Не принимайся заново! Думаешь, я не переживаю об отце? Думаешь, мне хорошо? Я все время его жду. А ты, ты опять взялся за свое. Отец не любил Энди, не поощрял твою любовь. Раньше ты разговаривал со мной. Ты любил меня. Раньше. Помнишь?

Молчание.

САША. Скажи мне что-нибудь... Скажи!

ГЛЕБ. Тебе будет неинтересно, Саша. Ты все равно ничего не поймешь. И тебе будет неинтересно.

САША. Мне интересно. Расскажи, что было с тобой сегодня.

ГЛЕБ. Могильщики сказали, что я достал их и в следующий раз они сдадут меня в психушку. Но я заплатил им денег, и они заткнулись.

САША. Супер! Здорово! Интересно!

ГЛЕБ. Все.

САША. И больше ничего?

ГЛЕБ. Энди снова с нами, ты это видишь.

САША. Зачем ты закапываешь ее каждый раз?

ГЛЕБ. Не знаю. Я сначала ведь убиваю ее. И мне кажется, что произошло что-то очень страшное, что-то непоправимое. Потом я хороню ее. И все это время пытаюсь забыть — завожу новых девушек, стараюсь не думать о ней. А потом я плачу деньги могильщикам, и они ее откапывают. Она живая! Это была ошибка. Она не умерла! Ничего страшного не случилось, это просто игра...

САША. В этот раз ты опять ее убьешь?

ГЛЕБ. Да. Она всегда будет умирать, а потом возвращаться ко мне. Я всегда ее буду ждать.

САША. Даже теперь? Без отца?

ГЛЕБ. Он скоро вернется.

САША. Я тоже так думаю.

Пауза.

САША. А что, если Энди умрет по-настоящему?

Пауза.

ГЛЕБ. Если Энди умрет, то она воскреснет.

САША. А если все-таки умрет?

ГЛЕБ. Тогда у меня не будет больше других девушек.

САША. Ты хороший, Глеб. Ты мой брат. Я тебя всегда люблю. Помнишь, как мы ждали отца по вечерам, когда были маленькими? Садись у окна, брались за руки и смотрели на темную улицу? И никогда не ссорились в это время. Ты научил меня считать звезды. Ты всегда насчитывал больше меня, но всегда отдавал мне часть своих...

ГЛЕБ. Нет.

САША. Почему ты все забыл?

ГЛЕБ. Это же ерунда. Иди спать, Саша.

САША. Почему ты никогда не разговариваешь со мной?

ГЛЕБ. Это неинтересно. Я не смогу это рассказать. Иди, пожалуйста, спать.

САША. Ты уже столько времени ходишь в одной и той же одежде, спишь в ней же, не причеся, умываешься раз в два дня, почему, Глеб? Давай я постираю тебе одежду? Давай я наберу тебе ванну? Давай я что-нибудь приготовлю?

ГЛЕБ. Я не хочу есть. Иди спать.

Саша уходит в зал, ложится на диван. Глеб садится на колени к Энди, прижимается к ней, кладет свою голову ей на грудь.

ГЛЕБ. Ты вернулась. Ты живая. Ты никогда не умрешь. Я никогда не потеряю тебя. И ты будешь любить меня всегда. Люби меня, Энди. Ты ведь любишь. Пожалей меня. Мне было так

одинок. Я скучал. Я весь извелся. Все неправда. Ты пела мне когда-то, помнишь, что все неправда. Ты вернулась. А я скучал. Ты будешь всегда, всегда... Ты всегда поймешь и никогда не обманешь. Не оттолкнешь и не пропадешь без вести... Я зову тебя, и ты возвращаешься. И я тоже буду всегда. Всегда с тобой. Мы никогда не умрем. Я люблю тебя, и ты люби меня, навсегда, навсегда, навсегда...

Глеб берет Энди на руки, уносит в зал. Кладет куклу на диван и ложится рядом, закопав свое лицо в ее грудях. Саша тоже обнимает Энди.

Сцена шестая

Квартира Саши и Глеба. Зал. Посреди зала стоит стол. На столе стоит гроб. В гробу лежит Энди. Над гробом стоит Глеб и смотрит на Энди, гладит ее по лицу.

ГЛЕБ. Я ведь нечаянно тебя убил. Я не хотел. Я просто хотел проверить, что будет, если тебя вдруг задушат. Я боялся, что тебя могут задушить. Вдруг, когда-нибудь... Бандиты какие-нибудь. Я решил проверить. А ты перестала дышать.

В квартиру заходит Саша, в руках у нее цветы.

САША (*кладет цветы в гроб*). Мне очень жаль, что ты умерла, Энди. Надеюсь, там тебе будет хорошо. Мы все скорбим по тебе. (*Глебу.*) Так?

ГЛЕБ. Да. Мне сейчас очень плохо...

САША. Мне тоже плохо, Энди. Но мы не будем плакать. Чтобы тебе было легче на небесах.

ГЛЕБ. Похороны в двенадцать.

САША. Есть еще десять минут.

Глеб прижимается к Энди, Саша берет Энди за руку, стоят так какое-то время. У Глеба звонит сотовый телефон, Глеб берет трубку.

ГЛЕБ. Да? Да... Сейчас я спущусь. (*Отключает звонок.*) Приехала машина.

Выходит из квартиры. Саша, подождав какое-то время, вытаскивает Энди из гроба, тащит ее за ноги, выбегает из квартиры с куклой, прихватив с собой сумку, которую она, по-видимому, заранее приготовила. В подъезде Саша идет не к лифтам, а к дверям, ведущим на черный ход. Долго спускается по лестнице. Выбегает из подъезда с задней стороны дома, бежит мимо торгового центра, за складские помещения. Там она кладет Энди на землю, достает из сумки бутылку водки, обливает водкой Энди. И поджигает куклу. Кукла вспыхивает мгновенно, горит, выпуская из своего тела черные едкие клубы дыма. Саша смотрит на горящую Энди и плачет. Потом идет домой.

Саша заходит в квартиру. В зале Глеб стоит у пустого гроба.

ГЛЕБ (*Саше*). Энди куда-то пропала.

САША. Может, она передумала умирать?

ГЛЕБ. Нет. Я же ее задушил. Она же была мертвая.

САША. Я ее сожгла.

ГЛЕБ. Что?!

САША. Сожгла.

ГЛЕБ. Ты...?
САША. Я.

Пауза.

ГЛЕБ. Дура! Ты что наделала, дура! Что ты сделала?!

САША. Ей было не больно, она же уже мертвая.

ГЛЕБ. Нет, ты не могла... Не могла... Нет.

САША. Глеб, ей не было больно, не потому что она умерла, а потому что она кукла! Кукла, слышишь? Она неживая! Она ненастоящая! Она не любит тебя, Глеб! Она неживая, она не может любить! Я тебя люблю! Я! Я плачу из-за тебя! А ей все равно, ей плевать, она кукла, кукла, кукла! Я тебя люблю, Глеб. Я с тобой навсегда! Я тебя никогда не брошу и не разлюблю! Почему ты не говоришь со мной, Глеб? Почему ты не рассказываешь мне? Ей неинтересно, им всем неинтересно, мне интересно, потому что я живая, я смогу понять. Ты меня слышишь, Глеб? Ты меня вообще слышишь?

ГЛЕБ. Нет... Скажи, что ты пошутила.

САША. Ты боишься за нее, а я с тобой была с самого рождения. Почему ты не боишься за меня? А если я уйду?

ГЛЕБ. Ты никогда не уйдешь.

САША. А если? Вдруг?

ГЛЕБ. Перестань нести ерунду! Что ты с ней сделала? Что ты с ней сделала?!

САША. Я сожгла ее. Она там, где гаражи. Иди, она, может, еще не до конца сгорела. Силикон плохо горит и не разлагается в земле.

ГЛЕБ. Ты сожгла мою Энди... Ты сожгла мою Энди... Ты сожгла единственного человека, который меня любил. Единственного, который.... Она меня понимала, она никогда бы меня не предала. Единственного человека... Ты сожгла.

САША. Глеб, это все глупости. Вернется отец, и ты поймешь, какие это все глупости.

ГЛЕБ. Больше никого. Не осталось ни одного человека. Ты сожгла Энди... Ты сожгла Энди.

Глеб смотрит на Сашу и затем вдруг кидается на нее, валит Сашу на пол, бьет ее подушкой. Темнота. Пыхтение, звуки борьбы.

Сцена седьмая

Улица у фаст-фуда. Из фаст-фуда выходит Гамбургер с цветами в руках. Подходит к Картошке фри.

ГАМБУРГЕР. Это тебе. *(Протягивает цветы.)*

КАРТОШКА *(мужским голосом)*. С чего это, на? Ты гей что ли?

ГАМБУРГЕР. Оба-на! А где Картошка?

КАРТОШКА. Ну я, на, здесь главная Картошка!

ГАМБУРГЕР. Где другая Картошка? Картошка — девочка-Картошка!

КАРТОШКА. Я — Картошка, на! Но я не девочка, понял? Девочку себе в другом месте поищи!

ГАМБУРГЕР. Вас Супервайзер сюда поставил?

КАРТОШКА. Ставят раком! Не поставил, а попросил!

ГАМБУРГЕР. Где Супервайзер?

КАРТОШКА. Тут где-то бродит. Работай давай, Гамбургер! А то съем вместе с салатом! *(Смеется.)*

Гамбургер идет обратно к фаст-фуду, сталкивается с Супервайзером.

СУПЕРВАЙЗЕР. Так, опять не работаем! Опять хотим быть оштрафованным?

ГАМБУРГЕР. Где? Где она?

СУПЕРВАЙЗЕР. Кто?

ГАМБУРГЕР. Она! Картошка фри!

СУПЕРВАЙЗЕР. Ты голодный?

ГАМБУРГЕР. Другая! Другая Картошка, та, что работала со мной!

СУПЕРВАЙЗЕР. Сейчас по спискам посмотрим, куда ее кинули. Как ее зовут?

ГАМБУРГЕР. Я не знаю.

СУПЕРВАЙЗЕР. А фамилия?

ГАМБУРГЕР. Не знаю.

СУПЕРВАЙЗЕР. Как она выглядела хотя бы?

ГАМБУРГЕР. Я не знаю!!! Вы же должны помнить, кто здесь в прошлый раз работал! Посмотрите, в прошлую мою смену со мной работала девочка!

СУПЕРВАЙЗЕР. Ты чего! Я эти списки храню что ли? Где-то, может, валяются... Я же так, для себя составляю, чтоб спокойнее... Фамилию скажи, я тебе скажу, где она работала.

ГАМБУРГЕР. Но я не знаю фамилии!!!

СУПЕРВАЙЗЕР. Да придет она, не переживай. Может, заболела?

ГАМБУРГЕР. Она не могла заболеть! Она обещала!

СУПЕРВАЙЗЕР. Или на другой точке стоит.

ГАМБУРГЕР. На перекрестке?

СУПЕРВАЙЗЕР. Не, на перекрестке сегодня Парень-Пицца, по-моему. Точно, Дима! Диму я давно знаю.

ГАМБУРГЕР. Вспомните, как ее зовут, пожалуйста!

СУПЕРВАЙЗЕР. Да не помню я! Вас много таких, а я один! Опиши, как она выглядела, я, может быть, вспомню.

ГАМБУРГЕР. Я не знаю.

СУПЕРВАЙЗЕР. Ну и о чем разговор тогда? Так, парень, по-моему, ты слишком много разговариваешь! Давай-ка за работу, придет твоя пропаша. Влюбился что ли?

Гамбургер не отвечает, заходит в фаст-фуд, садится за столик, пишет что-то на салфетке. Затем подходит к кассиру.

КАССИР. Свободная касса.

ГАМБУРГЕР. У меня такое дело... В общем, я ищу Картошку фри.

КАССИР. Вам большую, маленькую, среднюю?

ГАМБУРГЕР. Это девочка. Картошка фри — это девочка, она работала тут со мной в прошлый раз. А сегодня она не пришла. Я не знаю, по какой причине... Теперь я ее ищу. Я не знаю, как ее зовут, и, как она выглядит, тоже не знаю. Но если она меня будет искать, вот *(протягивает салфетку)*. Я тут записал — имя и фамилию, и телефон, и внешние данные, и адрес, и электронную почту, и скайп, и ник «В контакте»... Если к вам вдруг подойдет девочка и будет искать какого-нибудь Гамбургера, вы ей отдайте это, пожалуйста... Это она меня будет искать. Это я Гамбургер. Вы ей, пожалуйста, отдайте. Это, значит, она меня ищет. Вы ей скажите, что я ее тоже искал, хорошо? Просто мы договорились, что теперь будем вместе работать, ничего страшного, конечно, в том, что она не пришла, нет... Никакой трагедии. Просто... Если она меня вдруг будет искать, вы ей обязательно передайте...

Кассир долго и непонимающе смотрит на Гамбургера, потом задумчиво произносит.

КАССИР. Свободная касса....

Сцена восьмая

Квартира Глеба и Саша. На столе стоит гроб. В гробу лежит Саша. Глеб сидит рядом, смотрит на Сашу, долго. Держит ее за руку.

ГЛЕБ. Саша... Вставай. Я же пошутил.

Саша не отвечает. Она мертва.

ГЛЕБ. Саша... Ты чего? Это же просто подушка... Ты зачем посинела-то? Ты же не умерла. Ты почему не дышишь?

Пауза.

ГЛЕБ. Саша, я кофе хочу. Свари мне кофе, а? *(Пауза.)* Вставай. Скоро отец вернется. Что я ему скажу? Я же пошутил. Это же всего лишь подушка была... Я и не держал долго. Ты почему дышать-то перестала? Ты так шутишь надо мной, что ли? *(Пауза.)* Вставай, поговорим с тобой. Как в детстве, в окно посмотрим. Вставай. Я с тобой теперь буду разговаривать. Ты же мне сестра. Саша... Саш... *(Трогает Сашу за плечо.)* Вставай! Ты почему такая холодная? Тебе кофту принести? Вставай! Саша! Вставай! Вставай! Я же тебя просто так в гроб положил, думал, очнешься — поделом тебе будет! Вставай! Саша! Вставай! Вставай! Вставай!

У Глеба начинается истерика, он пытается вытащить Сашу из гроба, тормошит ее за плечи, целует, щиплет, трясет гроб — но все безрезультатно. Саша мертва.

Раздается звонок в дверь. Глеб идет в коридор, открывает. На пороге Милиционер. В руках у него большой конверт с документами.

МИЛИЦИОНЕР *(радостно)*. Здравствуйте! Вы — Глеб, я так понимаю? Рязанский паренек к вам с радостной вестью! Отца мы вашего нашли — жив, здоров! Хотели по почте отчет отправить, а я думаю — дай-ка собственноручно, так сказать, занесу. Я в прошлый раз с вашей сестренкой разговаривал, Сашей. Где она, кстати? Нет ее дома? Так вот, она мне такой подарок сделала замечательный... В общем, это неважно, я просто отблагодарить решил, раз она меня «В контакте» не нашла — вот собственноручно письмецо и принес, чтобы не ждать вам, не беспокоиться.

Протягивает Глебу конверт. Глеб молча забирает его.

МИЛИЦИОНЕР. Ну, всего доброго вам желает паренек из Рязани! И еще.... Вы Саше передайте. Я теперь абсолютно счастливый человек. Она знает, почему.... Передадите? Ну все, мне бежать надо, меня девчонка дома ждет!

Милиционер уходит. Но сейчас же возвращается.

МИЛИЦИОНЕР. Глеб, и все-таки я решусь спросить... А вот у вас куклы, да? Всякие, разные... Вы с ними спите? То есть у вас было что-то с ними? То есть плотское... Постель. Секс. Мне просто важно знать, понимаете, я парень по своей природе очень ревнивый....

Глеб молчит.

МИЛИЦИОНЕР. Нет, если вам неудобно, можете не отвечать, я понимаю, вопрос-то деликатный... Вы, если не было, просто кивните головой, и я буду знать, и мне спокойнее... И скандалов у нас с ней не будет. Ничего не спрашивайте, просто скажите — да или нет? Кивните или не кивайте, а пошлите меня, придурка, подальше.

Глеб еле заметно кивает.

МИЛИЦИОНЕР. Спасибо! То есть я хотел сказать... А в общем — я побежал, мне некогда, правда, спасибо, я пошел, мне там...

Глеб возвращается в зал, садится рядом с гробом, держит в руках конверт.

ГЛЕБ. Саша, отца нашли... Он вернулся, Саш! Вставай...

В квартиру заходят двое могильщиков. Дверь Глеб так и не запер, поэтому им даже не пришлось звонить. Могильщики осматриваются.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Эта?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Эта, эта... Второй раз за сегодня. *(Шепчет.)* С утра-то приезжали, а над ним, видно, подшутить кто-то решил, и куклу у него эту утащили! Он к нам выбежал весь как в истерике — говорит, нет куклы, позже приезжайте, когда найду! Сестра, говорит, утащила, я ей взбучку устроил — сейчас отдаст. Шизик! Только ты молчи, понял? У нас к нему все уважительно стараются...

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК Конечно, за такие-то деньги...

Проходят в зал.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Привет, Глеб. Что, нашлась пропажа? *(Заглядывает в гроб.)* А это другая какая-то у тебя... Или та же самая? Я уж и забыл. Ну что, хоронить бум?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Я специально на тебя посмотреть приехал, парень. Про тебя в нашей бригаде легенды уже ходят. Знаменитость!

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Молчи! Не видишь, горе у пацана. *(Тихо.)* Тебе какая разница, за такие деньги, а?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да нет, я понимаю, горе... Это... Соболезную.

Первый могильщик подходит к гробу, смотрит на Сашу.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Не, это реально кукла? Seriously? Не, ребята, вы гоните, это живая мертвая девочка, вы че? *(Напарнику.)* Киря, я не буду ее хоронить, это человек, это никакая не кукла.

Второй могильщик отводит Первого в сторону.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Андрюха, это кукла, я тебе отвечаю на все сто! Мы ее, знаешь, сколько раз хоронили? А потом откапывали. Кукла! Не тлеет в земле! У этих америкосов там скоро бога от дьявола не отличишь, а не то что человека от куклы. Потрогай — там силикон у нее внутри. Я тебя зачем сюда взял? За такие деньги, знаешь, можно и помолчаливей кого найти...

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да че я? Просто на человека очень похожа. Вот и перепугался.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Андрюх, спокойно! Это кукла — я тебе зуб даю, вот чем хочешь клянусь, я этого паренька уже два года знаю. Он шизик, конечно, но тихий... Ты у нас две недели всего работаешь, останешься, так еще столкнешься с ним не раз. Мы после его за-казов всегда отрываемся так славно — в сауну едем, девочек заказываем, коньяк опять же дорогой... Хороший парень, милый. Все, пошли.

Возвращаются к гробу.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК (*трогает Сашу за руку*). Не, ну реально!!! До чего человечество дошло! Как настоящая! Не сказали бы, что кукла, никогда бы не догадался!

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК Что, взяли?

Берут гроб, выносят его из квартиры.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК (*вынося гроб из квартиры*). Спускайся, Глеб, мы тебя внизу ждем. Скоро воскреснет твоя барышня, не переживай... На днях помнишь, как она у нас с тобой воскресла? Как миленькая взяла да и воскресла! Откопали — и живая! Делов-то! Сам ведь говорил, она у тебя всегда воскресает. Ну вот и откопаем скоро! Да?

Могильщики уходят, унося с собой гроб вместе с мертвой Сашей. Глеб остается сидеть на том же месте и в той же позе. Он сидит так очень долго, смотрит в одну точку, затем, как будто очнувшись, распечатывает конверт с письмом.

ГЛЕБ (*читает*). Отдел внутренних дел Ленинского района УВД. Извещение. Сообщаю вам, что по вашему заявлению о пропаже гражданина Балканова Олега Геннадьевича от восемнадцатого мая две тысячи десятого года было заведено розыскное дело № 343-55 от двадцать пятого мая две тысячи десятого года. В результате проведенных розыскных мероприятий выяснено, что гражданин Балканов Олег Геннадьевич проживает по адресу, сообщить который родственникам он отказался.

Вследствие нахождения разыскиваемого лица, розыскное дело № 343-55 от двадцать пятого мая две тысячи десятого года закрыто. Дознаватель отдела розыска старший лейтенант милиции Ушаков Н. Г. Шестнадцатое июня, две тысячи десятый год.

Глеб бросает письмо на пол. Сидит, смотрит в окно — на стену торгового дома, где раньше показывали кино. Но там что-то сломалось, и теперь никакого кино больше не показывают — лишь черные полосы бесконечными лентами бегут по стене.

Сцена девятая

Темный чулан. Почти ничего не видно, только силуэты трех молодых девушек. Они тихо разговаривают меж собой.

ПЕРВАЯ. Душно... У меня ресница отклеивается, кажется. Девки, посмотрите?

ВТОРАЯ. Нет. Нормально все. А помните, Саша забрала малышку? Мне кажется, это он ей сказал. Это для него она забрала.

ПЕРВАЯ. Он не вернется за нами. Знаете, девки, мне кажется, его нет... Он красивая кукла, конечно, но он — глюк. Наш большой общий глюк.

ВТОРАЯ. Неправда.

ПЕРВАЯ. Правда.... Да плевать я на него хотела! Мне и здесь хорошо! Чем тебе вообще не жизнь? Че тебе еще надо? Сидеть, ждать его? Пошел он в жопу, слышишь? Пошел он в большую силиконовую жопу! Кто он такой? Хватит гнать, хватит депрессовать и пускать слюни! Если его нет — то пошел он в жопу, а если есть — то тем более пошел, раз не приходит к нам!

ВТОРАЯ. Че ты вообще?

ПЕРВАЯ. Да надоело! Воете тут! Живете в тепле, красивые, все в исправности, ни одной трещинки на теле!

ТРЕТЬЯ. А мне так хочется верить... Так хочется знать, что я кому-то нужна. Что я появилась не просто так, не для себя. Что есть на свете хоть кто-то, хоть кто-то, кому не наплевать, хоть кто-то, кто любит меня ни за что, а просто так, априори, по факту моего существования... Мне все равно, кто он, все равно, где он и сколько ему лет. Пусть это будет кто угодно, но пусть он полюбит меня навсегда. Навсегда... Полюбите меня кто-нибудь, пожалуйста, полюбите. Кто-нибудь! Пожалуйста! Полюбите меня, я хорошая, я очень хорошая, я честная, я добрая, я умная... Я стану еще лучше. Только навсегда. Навсегда... Полюбите.

ПЕРВАЯ. Нужно верить, девочки. Нужно верить и жить. И он вернется.

ВТОРАЯ. Да ну вас на фиг. Я верю в себя и в свою грудь. А во всяких дурацких кукол не верю.

ПЕРВАЯ. Он нас любит, девочки. Он нас любит. Придет и наш час. И нас заберут к нему. У него для нас всех места хватит...

ТРЕТЬЯ. Будем ждать.

ВТОРАЯ. Не буду я ждать никого! Мне все по боку, я из силикона. Пусть идут все на хер, все равно я никогда не умру...

Девушки тихо смеются. Молчание. Одна из девушек вдруг начинает тихо-тихо петь. Ее подруги подхватывают песню, поют громче, но не настолько, чтобы можно было разобрать слова.

Темнота.

Конец

«Сегодня текст — это главное»

В двадцатом веке в театре произошла революция. Из авторского театра, в котором ключевую роль играл режиссер, театр превращается в институцию текста. Молодые драматурги-пересмешники с легкостью выворачивают наизнанку подноготную режиссерского театра, который пытается «материально оживить» то, что, по словам театрального критика Павла Руднева, «легче нарисовать словом, вообразить, нежели достоверно увидеть на сцене и поверить в эту достоверность». Отсюда, например, — новомодный жанр читок современных пьес и совершенно иное отношение к авторским ремаркам, которые, словно бы реплики героев, буквально проговариваются актерами на сцене.

Одна из ключевых тем современной драматургии — коммуникация между людьми, а точнее, ее отсутствие, тоже имеет непосредственное отношение к тексту. Сегодня язык все больше превращается не в средство общения, а в техническое средство передачи обезличенной, лишенной воображения и метафоры информации. А жизнь все более и более напоминает имитацию. На каком языке должен говорить современный театр с публикой? На этот вопрос попытались ответить участники публикуемой дискуссии «Работа в театре с современным текстом», которая прошла в Перми на фестивале современного кино и театра «Текстура».

Марта Пакните

Участники:

1. Виктор Рыжаков, актер, театральный режиссер
2. Иван Вырыпаев, драматург, режиссер театра и кино
3. Эдуард Бояков, режиссер, художественный руководитель театра «Практика», театра «Сцена-Молот»

Виктор Рыжаков:

Я не случайно пользуюсь не словом «пьеса», а словом «текст», потому что это слово обозначает некое пространство, с которым я могу взаимодействовать, в котором я могу совершенно свободно существовать, а не пользоваться им как неким путеводителем. Даже ремарки и то, как пишут драматурги действующих лиц, или наоборот, не пишут — это все тоже имеет значение. Это начало произведения: как только открываешь страницу, читаешь «Иванов», с этого момента начинает оживать текст. Там все важно. В этот момент мне кажется, что для меня ничего другого не существует.

Есть такое выражение: театр — это где артисты говорят чужой текст чужим голосом. Все скажут, что это плохо. А мне кажется, в этом что-то есть. Я действительно буду говорить чужой текст, потому что я так не говорю. Но для того, чтобы научиться говорить чужой текст чужим голосом, я должен его услышать. Да, текст не мой, выражение голоса не мое. Тогда встает проблема, как сделать текст своим? Есть такие слова в традиционном театре: принять текст, сделать его своим. А зачем мне его принимать — он же не мой?! Это я так обманываюсь: не я должен сделать текст своим, это со мной что-то должно произойти, чтобы я его услышал, я должен измениться вместе с текстом. Тогда я, услышав этот текст, смогу что-то понять. И я могу воспроизвести какие-то вещи, которые для меня скрыты.

Я надеюсь на серьезную дискуссию, потому что эта проблема меня очень волнует, и меня интересует, как работают с текстом сегодня в театре. Многие вещи, которые я наблюдаю, меня не устраивают: мои коллеги делают работу, и я понимаю, что они все замечательно придумывают, возникает у них и пространство театральное, а текст «не звучит». Так случилось со спектаклем «Маскарад» Римаса Туминаса. Я очень люблю это произведение, потому что оно очень «поэтическое». Но в русском варианте этого спектакля текст Лермонтова звучит просто чудовищно. Артисты говорят так, как невозможно говорить — и все разрушается. Все те картины, которые создает этот тонкий и удивительный художник, разрушаются. И тогда я понял: художник попал в конфликтное пространство. Когда он ставил его с литовскими артистами на литовском языке, Лермонтов звучал довольно гармонично. И мы так же воспринимали его: мы знали сюжет, и нам в принципе было этого достаточно — мы воспринимали совершенно другую плоскость театра. В русском варианте этого текста стихи совершенно «не звучали», они сопротивлялись всему тому миру, который придумал режиссер. Они вступили в конфликт. Текст, звучащий вне пространства самой пьесы, становится другим, находится вне драматургии. Спектакль уже был придуман, и когда текст зазвучал на русском языке, он обрел совершенно другую форму. Зазвучал текст Лермонтова, который не был услышан. И я как режиссер задаю вопрос: что в этой ситуации можно сделать?

Получается, что с текстом складывается некая-то «общая история», что можно единоразово открыть секрет текста. Процесс взаимоотношения актера с текстом очень интимный, индивидуальный. Поэтому возникает целый ряд вопросов, когда текст приходит в театр: его нужно услышать не только мне — его нужно услышать мне с группой актеров. И не «вбить его палкой»: слушай и говори. Актер должен его услышать. Тогда происходит самое инте-

ресное: текст проходит несколько этапов взаимодействия с актерами. И в какой-то момент можно получить совершенно неожиданный продукт. И этот продукт не может быть окончательным. Тем не менее, текст вдруг встанет на свое место. Если он появился в пространстве, которое мы создаем, как самостоятельная единица, значит, задача выполнена. И тогда вдруг текст начинает делать с нами что-то еще: не я занимаюсь текстом, я произношу текст, и он меня изменяет. Он становится для меня мостком к открытию, к обретению смыслов. То есть он либо оживает и становится тебе помощником, проводит в смыслы, связанные с драматургией этого времени и автора, либо этот текст может тебя уничтожить.

Мне кажется, только открытое взаимодействие с текстом может дать какой-то результат. Вся моя практика последних лет построена подобным образом.

Встает еще один главный вопрос: что мы делаем с текстом? Для меня стало фактом, что современный театр говорит о тексте, как о чем-то главном. В период тотального режиссерского театра XX века текст отчасти был уничтожаемой структурой: его корежили, как хотели, пьесу могли порубить, покровсать, сделать из нее какой-то коллаж. Режиссер всячески самовыражался, делал красивые спектакли. Были спектакли, в которых текст просто разламывался. Но эта эпоха прошла, и сегодня текст — это главное, это то, с чего все начинается. Единственное возможное взаимодействие с театром сегодня — через текст.

Тогда я возвращаюсь к вопросу: а что же нужно делать с этим текстом? Артисты говорят: мы должны взаимодействовать друг с другом, мы должны взаимодействовать в пространстве. Сейчас мы учим взаимодействовать артистов с текстом. Актер его не просто произносит, он не присваивает его, он именно взаимодействует, постоянно вступает с ним в какие-то отношения. И это не значит, что текст произносится медленно или быстро. Хотя иногда текст и рискует обвалиться как лавина: в нем можно захлебнуться. Когда речь идет, например, о Достоевском. В произведении присутствует другая энергетика. Как подметил Бахтин, это может быть и «парад взбесившихся слов». Конечно, можно захлебнуться, если этот текст выговаривать. Или же текст можно попробовать произнести в каком-то определенном ритме, мне кажется, не существует текста, в котором нет определенного поэтического ритма. Законы ритма существуют в любом художественном произведении, его нужно просто попробовать услышать.

Существует достаточное количество текста, который пишется сегодня совершенно по другим законам. Сегодня существует другое пространство текста. По крайней мере, в драматургии. Нельзя сегодня написать пьесу или пародировать манеру письма Островского. Потому что это и останется только пародией, не потому что нет Островских, а просто сейчас другое время. Это как в архитектуре: сегодня можно построить барочное здание, используя определенные средства. Издалека очень похоже: но когда подходишь, понимаешь, что это чудовищно. Потому что услышать время можно, только существуя в пространстве сегодняшнего текста.

Мне кажется, то количество текстов, которое появляется сегодня в сценарном и драматургическом пространстве, может скоро перерасти в качество. Потому что сегодня существ-

вовать вне пространства текстов стало просто невозможным. Это стало очевидным почти для всех театров. Если десять лет назад мы могли приехать в какой-нибудь театр и сказать: вот появилась новая пьеса, давайте, почитаем — и это был испуг и нонсенс, то сегодня это нормальное явление. И чем больше возникает текстов, тем острее становится вопрос: как же с этим текстом обращаться?

Я все больше и больше сталкиваюсь с одной и той же проблемой, когда еду смотреть новый спектакль: текст перестает существовать. Режиссеры считают, что вне текста можно придумать какой-то спектакль. Текст для них является поводом для режиссерского придумывания, хода.

Эдуард Бояков:

Сегодняшнее понимание профессии режиссера противоречит задачам этой профессии. Если задачей является разобраться в тексте, предъявить его, услышать, то вся огромная система образования, существующая сейчас, предполагает совершенно другое. Она создает самостоятельную реальность, где текст является только поводом для интерпретации или репрезентации. Грубо говоря, режиссеров сейчас учат «собирать мозаику из стеклышек», а учить нужно тому, что такое «стекло», чем этот материал важен и ценен.

Мартынов в своей новой книге пишет, что он уже 3-4 года преподает на философском факультете МГУ и лекцию он начинает с вопроса: кого из современных композиторов вы знаете — никого. Такие же вопросы я задавал студентам театральных курсов — кого из современных поэтов вы знаете. А поэт — некий верховный жрец, поэзия, создание художественного контекста нашей жизни — это очень важно. Такая работа сейчас не ведется.

Нужно создавать пространства, где разговор о драматургических текстах велся бы как о литературных произведениях. Это хорошо, что у нас есть читки, но читки — это такая история, где режиссеры и актеры главенствуют. А нужно услышать хотя бы какой-то голос, попытаться разобраться с текстом. Драма — она как бы «между». В литературном институте есть факультет драматургии — это какой-то отросток, почка. А в театральных институтах факультетов драматургии нет. Здесь огромная проблема: современный текст — это не цель, это не смысл.

Необходимая процедура «услышать текст» оказывается очень сложной, и воспроизведение текста в современном театре наталкивается на самую простую проблему, которая сводится к одной категории — это скорость. Люди не стали говорить быстрее в современном мире, но люди абсолютно точно стали воспринимать быстрее: клиповое сознание, виртуальная реальность, иной способ художественной презентации, тотальная инсталляция, обилие реди-мэйдов. Возникло больше новых реальностей, реальность усложнилась, и это воздействует на нашу психофизику. Зритель настраивается на другую скорость восприятия, а режиссеры и актеры эту разницу просто не учитывают. В 95% случаев актеры говорят очень медленно, они создают огромные пространства между словами, подразумевая,

что «здесь должна быть мистика», подразумевая, что зритель должен сидеть и осмысливать. А зритель не хочет осмысливать в театре, он должен потреблять, и ему нужен суггестивный эффект, гипнотический. Поэтому то, что сделали Рыжаков и Вырыпаев в театре, — это важнейший момент. Современный текст должен читаться без точек, в нашей речи не существует точек, интонационно в нашей речи может существовать лишь двоеточие, например. А актеры существуют даже не в двадцатом, а в девятнадцатом веке. Они бесконечно ставят точки, и речь превращается в какую-то фальшивую поделку.

И если говорить о музыке, говорить о том, что текст вообще будут слушать, то это как методика обучения иностранному языку, нужно сначала ставить произношение, а потом уже все остальное. А у сегодняшней речи есть музыка: люди говорят по-другому, по-другому употребляют междометия. Если актер и режиссер это почувствует, то он какую-то задачу, безусловно, осмыслит. Вопрос, как этот текст представить, требует конкретного ответа. Здесь хочу отметить две вещи: во-первых, нужно работать со смыслом, а не придумывать его, во-вторых, учитывать скорость.

Иван Вырыпаев:

Есть система, которая позволяет анализировать пьесу. Это система действенного анализа пьесы, которая позволяет очень точно вскрыть пьесу. Все пьесы, которые я поставил, я анализировал с ее помощью. Мои пьесы нестандартно написаны — и этот анализ прекрасно работает. Он позволяет избежать «эго-прочтения», это как логика Сократа или Платона. То есть существует определенная логика, которая позволяет твоему уму и твоему эго вначале не вмешиваться, то есть устранить эмоциональное восприятие, вначале понять ее смысл.

Это просто математические законы, и если им действовать точно — они вскрывают текст. По поводу скорости текста — это не должно быть интуицией. Я хочу сказать, что нам не стоит все сбрасывать с «корабля современности», нужно помнить своих педагогов и использовать то, чему они нас учили, только нужно уметь адаптировать это. Наша беда в том, что мы путаем метод с эстетикой. Когда я слушаю своего мастера — я слышу, что он говорит важные вещи, когда я вижу, что он поставил, — я не хочу его слушать.

Театр должен быть не только интуитивным, не должен полагаться только на настроение людей: профессия — это система. Я как зритель в современных спектаклях вижу все

меньше профессионализма, зачастую режиссер доверяет только своей интуиции, своему чувству. Но его чувства могут быть разболтаны, поскольку мы люди.

Мой учитель Александр Михайлович Паламишев не признавал один очень важный аспект — литературный анализ. Почему проваливались все спектакли Станиславского по Шекспиру? Потому что они не учитывали особенности поэтического ряда, то есть они ставили его, как Чехова. То есть они применяли к Шекспиру ту же самую систему, что и к Чехову, а нужно все-таки хроноскоп анализировать, то есть нужно анализировать и время тоже. И то, как написано. Здесь очень важен литературный момент.

Эдуард Бояков:

Помимо всех этих методологических проблем существует огромная проблема с качественными текстами о современных реалиях. Конечно, я хотел бы получить пьесу и про политические реалии, и про социальные. Но даже если такой пьесы нет, я должен искать как продюсер. У нас реально важные для страны темы просто не тронуты в кино и театре. Это как огромные блоки, имеющие отношение к социальной памяти, к покаянию, к истории, к разбору сегодняшней реальности. Чулпан Хаматова и тридцать так называемых художников на встрече с президентом обсуждают все, что угодно, но только не смыслы, не то, что происходит с народом. Они не констатируют, они не занимаются культурной политикой. И если они этим не занимаются, значит, это и наша территория тоже. Никакие современные тексты и никакой по-настоящему актуальный контекст не возникнет, если не будет актуальных социальных тем.

Иван Вырыпаев:

Социальный театр — это очень важно, но также большое внимание мы должны уделить и тому, как мы эти социальные проблемы проговариваем, иначе мы не услышим то, что говорится. «Что» не доходит до зрителя, потому что мы не знаем, «как» ему это сказать. И мы должны это понять. Сейчас сменилась эпоха: умер театр, умерла музыка, умерло кино, потому что сменилось восприятие. «Театр. дос», театр «Практика», совершенно точно не только на территории России, но и на более широком пространстве решают сейчас, «как» делать, спорят и так далее. Понять «как» — это значит быть точно услышанным.

Юрий Асланьян

В одной стране росли поэты и подонки

Райские птицы

По мокрой и ранней весне
проклюнулись райские птицы.
Вы рано запели по мне,
горланя свои небылицы.

Я шел по земле налегке,
как гулом наполненный парус.
Я только что вышел к реке
и плыть по воде собираюсь.

Я буду безумен и пьян,
я буду разумный и трезвый!
Но ждет мой корабль океан
и крабы канарских созвездий.

Увижу я волю волны
и нрав ее, злой и капризный!
Пойму, что уже не нужны
мне прежние правила жизни.

Почувствую прелесть и грусть
минуты в часы мировые,
когда адмиралом ворвусь
в ревущие сороковые.

Услышу я звуки мелодий
сирены — заморской синицы!
И только тогда отпоете
меня, мои райские птицы.

Меня допрашивал чудак

из ФСБ Мне демонстрировал

мудак Из МВД

Меня допрашивал

упорный прокурор Меня

преследовал агент системы ГРУ

Сестре Анне

Белый плащ и золотая фикса,
не бросайте в шляпу, бога ради!
Не умею, Господи, сердиться
и не смею думать о пощаде.

Я стою с печаткой на руке,
будто наполняя ветром парус,
и молчу, как рыба в пироге,
я молчу и скромно улыбаюсь.

И мерцает в запонках хрусталь,
и блестят модельные штиблеты!
Это жизнь. Вот это жизнь! И жаль,
что кончаются коньяк и сигареты.

Только отвернулся — денег нет,
правды нет, вокруг одни цветы.
Выхожу я утром на проспект
и гляжу — уже бегут менты.

Армяне

Первым был, конечно, не Будда,
в том смысле, что носил другое имя.
Он говорил мне, потому что мы оттуда,
из северных предгорий Крыма.

Я понимал, что это будет трудно —
на родину вернуться из изгнания,
и чувствовал, как шел сигнал оттуда
по замкнутой системе мироздания.

Все примет неподвижный Будда —
страданий кроме, все ему по нраву.
Понтийским морем паровое судно
еще живыми нас доставит в Кафу.

Белый бал

Завтра начну свою песню с начала,
будто с вокзала
или с причала.
Если успею,

то взять сумею
все, что мне молодость наобещала.

Мрак мориона и нитку коралла,
жемчуг астрала
и белого бала!
Если другая,
к чему, дорогая,
танец, который мне ты обещала?

Слезы рассыпались — нитку порвало!
Как хохотала,
как танцевала
белая стая,
их собирая,
с пола паркетного школьного зала.

Будет мне много и будет мне мало
грез каравана
и слез карнавала!
Если сумею,
я взять успею
все, что мне молодость наобещала.

Вербовки

Меня допрашивал чудак из ФСБ,
я помогал ему составить протокол,
чтоб не было ошибок. И поэтому себе
позволил пересесть за главный стол.

Мне демонстрировал мудак из МВД
моих знакомых в кадрах оперсъебок.
Я объяснял ему, что я в любом суде
иду как лжесвидетель и подонок.

Меня допрашивал упорный прокурор,
а я с похмелья был — и думал о другом.
И быстро согласился, что я вор,
иначе б сочинял своим пером.

Меня преследовал агент системы ГРУ,
он вербовал и пил, и мял салфетки...
А я твердил, что согласиться не могу,
уже работая в израильской разведке.

Я горд, что я живу в такой стране,
где так интимен интерес к литературе.
И больше песен тешит душу мне,
что каждому есть место в агентуре.

Анатолию Субботину-Шильбергу

Ты выбираешь нужную дорогу,
национальность, специальность и жену,
а также друга, может быть, страну,
где ты не веришь или веришь Богу.

Ты пропиваешь почести — не честь,
и не участвуешь во всенародной гонке.
Что делать, если ты родился здесь?
В одной стране росли поэты и подонки.

Кому по вере, а кому по мере,
ведь море Пермское давно иссохло!
Ты мочишь горло и сушишь весла,
прикованный к невидимой галере.

Ты стал немногословным и седым,
немного трезвым и немного пьяным.
А дым отечества на то и дым,
чтоб застить свет наполненным стаканом.

Твоя печаль — то и моя печаль,
нам, Толя, не видать пощады
от щедрой родины, но жаль,
когда идут в барыги барды.

Ересь

Наполнены агдамные стаканы,
и над Россией светит полумесяц.
Вот Асланьян — Юрий Иванович,
а Ереваныч — значит, ересь.

Кавказ — это, конечно, кланы —
Буль-буль-орлы или оглы.
Неправда, что в горах одни бараны,
а также винторогие козлы.

По объездной азербайджаны
с чеченами в прикиде вольном
ведут на север караваны
с гашишем и паленым пойлом.

Уже налито в пермское корыто
или забито в «Беломоры» беком,
и око государево прикрыто
давно каким-то жабым веком.

Объявлен моей родине джихад
с оружием тотального успеха.
Неверным остается подышать
от бактериологического смеха.

Поэтому не промахнись в абрека,
летающего на вороном коне
по папиросной пачке под Казбеком,
будто над камнем франка Фальконе.

Кала-чакра-тантра

Вращается во сне Земля,
и я вращаюсь с ней.
С космического корабля
моя стезя видней.

Как тебя обгонишь, Волга?
Если только по прямой.
Кажется, ушел надолго,
а уже несут домой.

Куда податься нынче, чтоб
не принесли обратно?
Вращается наш гороскоп,
как Кала-чакра-тантра.

Вселенная — что колесо:
едва расслышишь слово,
забудешь все и вспомнишь все,
и все забудешь снова.

Завещание отца

*Памяти Ивана Асланьяна,
юного крымского партизана*

Мне отец оставил орден и тесак,
толстый свитер и старинный фотоснимок,
кровь армянскую и память, будто знак
на пустынных перекрестках Крыма.

Мне отец оставил Землю и Луну,
всю вселенную оставил, все миры!
Он в Крыму прошел великую войну
от Джанкоя до самой Бурлюк-горы.

Завещал отец мне гордость и стихи
всех поэтов от Перми до Эривани.
Воевавшие в предгорьях моряки
горевали об оболганном Иване.

Он показывал мне карту и маршрут,
по которому хулу прошел как воин.
«Если снова под конвоем поведут, —
говорил он за стаканом, — будь спокоен».

Мне не надо ваших праздничных соплей,
куршевелей и корпоративных правил.
Чтобы я чурался Родины своей —
ничего такого он мне не оставил.

Доминанта

Ты тут как тут, когда включают свет,
однако гуще мрака нету счастья,
как женщине, идущей на проспект,
необходимо замаскироваться.

Ты можешь быть вне классов или каст,
опережать оторву авангарда,
жизнь много не дает, а если даст,
то что-нибудь, но заберет обратно.

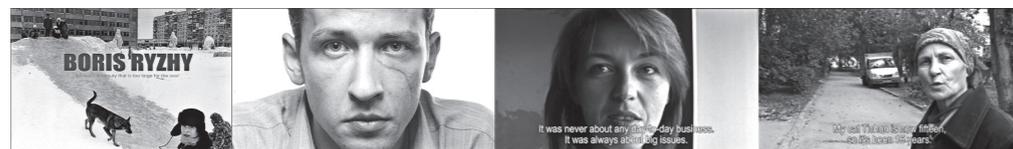
Выходишь в кашемировом пальто,
но все равно в глазах белым-бело —
то не хватает на коньяк, а то
с фамилией тебе не повезло!

Любому сдашь бабло и душу, чтобы
быть первым по голам или по бабам,
идешь по миру с полным зобом злобы
и давишься в гостях люля-кебабом.

Сидит в тебе неистребимый бес
и видит, как со скоростью кумира
проходит мимо, будто «мерседес»,
мистическая доминанта мира.

Марта Пакните

Кризис подлинности

Фильм Boris Ryghy, снятый в 2008 году, — попытка ответить на вопрос, почему на пике своей поэтической карьеры и популярности ушел из жизни известный екатеринбургский поэт. Трагическая смерть Бориса Рыжего, который, не дожив до своего двадцатисемилетия две недели, покончил с собой, волнует многих. Голландский режиссер Алена Ван дер Хорст предложила свою трактовку жизни и смерти поэта — через исследование социальной идентичности.

В 2001 году Борис Рыжий повесился в своей квартире в Екатеринбурге. За двадцать шесть лет своей жизни он успел написать более 1000 стихотворений, издать книжку, получить несколько литературных премий и родить сына. Сегодня стихи Бориса Рыжего переведены на все европейские языки.

Поэт родился в 1974 году в Челябинске в семье известного ученого-геолога. В 1980-м семья переехала в Свердловск и поселилась в заводском квартале Вторчермет. Интеллигентный мальчик сроднился с миром фабричной шпаны и стал чемпионом Свердловска по боксу. Поэтому не удивительно, что фильм Алены Ван дер Хорст разворачивается в районе Вторчермета. Общая атмосфера запустения и мрачные местные обитатели нашли особое место в поэзии Бориса Рыжего. При первом при-

ближении, казалось бы, он был чужд этой агрессивной социальной среды, но в итоге стал ее выразителем, голосом, «певцом городских окраин».

Алена Ван дер Хорст с неподдельным антропологическим энтузиазмом наблюдает за обитателями Вторчермета, живописует их нравы на улицах, во дворах, магазинах — в этом заключается основной режиссерский ход. Зимние сумерки, бездомные собаки, дерущиеся в снегу мальчишки, хмурые старики и суровые взгляды заводчан: все это создает особенное пространство. Стихи начитываются поверх этой замедленной видеосъемки и практически превращаются в медитативный поэтический видеоарт.

Режиссер монтирует архивные кадры единственного сохранившегося интервью Бориса Рыжего екатеринбургскому ТВ с современными видеорепортажем и фрагментами бесед с близкими погибшего поэта — друзьями, матерью, вдовой и сыном. Из этих реплик, уличных зарисовок создается мир, который воспринимал и любил поэт, — мир, который для него так и остался расколотым надвое:

*Я родился — доселе не верится —
в лабиринте фабричных дворов,
в той стране голубиной, что делится
тыщу лет на ментов и воров.*

Жители этого места, наученные «лихими девяностыми», не очень гостеприимны и не всегда открывают дверь: «Здесь поумирало много моих любимых людей, кто от наркотиков, кто еще от чего...». Как говорил сам Борис, он никогда не любил богему — по душе ему были обитатели Вторчермета: «Они меня любят не за то, что я пишу что-то, а за то, что я просто есть».

Фильм снимался не только и не столько для российской аудитории. Прежде всего, «Борис Рыжий» — это попытка пересмотреть итоги восторженно встреченной на Западе перестройки. Борис Рыжий стал не только «певцом городских окраин», но и голосом «потерянного поколения» — детей перестройки. В этом смысле творчество Бориса Рыжего является знаковым.

Питерский поэт Евгения Рейна сказал о нем: «Борис Рыжий был самый талантливый поэт своего поколения». Екатеринбургский поэт и исследователь его творчества Юрий Казарин считает, что «Борис Рыжий — явление типично-уникальное для России, как Лермонтов, Полонский, Григорьев, Случевский, Анненский, Блок и другие». Очень точно звучит и фраза Казарина: «Борис Рыжий в поэзии сразу же ухватил быка за рога: он взял жизнь за смерть, а смерть — за жизнь».

Критик Игорь Шайтанов называет его «последним советским поэтом» и тут же спохватывается — статья с таким названием уже существует. Казарин предлагает свою формулу: «Рыжий был не только «последним советским поэтом», но и «первым не-советским, постсоветским поэтом, которому удалось совместить гармонично и достаточно в полном объеме три типа поэтики: поэтику «золотого века», свинцового (XX век) и новейшую».

Помимо голландского фильма-реквиема, существует еще одно посвящение поэту — «Под небом, выпитым до дна» (2005) Марины Казниной. Фильм российского режиссера исследует «гений места»: школу, институт геофизики, квартиру, город и архивные фото. Фильм, менее поэтический, но более вещественный, погружает в атмо-

феру тех предметов и вещей, среди которых жил поэт. Это создает трогательный эффект присутствия, соприкосновения с внутренней жизнью.

Обоих режиссеров волнует вопрос самоубийства Бориса Рыжего. Отчасти, оба фильма и являются попыткой выяснить, почему одаренный поэт, в свое время достигший значительной литературной известности, состоявшийся на работе, самостоятельно ушел из жизни. Игорь Шайтанов считает, что «поэт сложно, катастрофически сложно выяснял отношения с человеком. И, в конце концов, этим двоим ужиться не удалось».

Из пространства кинохроники, подсвеченного синими сумерками, на нас пронзительно смотрит высокий и красивый молодой человек: «Трагедия, она не в любви. Совсем не в этом. Она в том, что просто ты родился и пишешь в рифму. Говорят, поэтам нужна трагедия. Но трагедия поэта уже в том, что он поэт, вот и все. Больше никаких трагедий у него не должно и не может быть».

Помимо этих фильмов существует телевизионная передача «Магический кристалл», снятая за два года до смерти поэта Элеонорой Корниловой. Ее фрагменты использовались и в первом, и во втором фильмах. Борис Рыжий предстает в ней таким балагуром, скандалистом, местным Есениным. Бодрая рок-н-рольная музыка сопровождает прогулку поэта по Вторчермету. В красивом пальто, снятый ракурсом снизу, поэт выглядит довольно внушительно.

Два фильма и телевизионный ролик, конечно, держатся на определенной концепции, авторской логике. Алена ван Дер Хорст через личность поэта познает странную и непонятную Россию, одним из феноменов которой является для нее Рыжий и его судьба. Марина Казнина исследует место, документируя улики, нащупывая его атмосферу. Элеонора Корнилова пытается вписать Рыжего в ряд отверженных русских поэтов, создавая узнаваемый образ поэта-скандалиста, выразителя ментальности «новых русских».

Михаил Елизаров:

Я обменял бы свои книги на возрождение СССР

«Спрашивайте! У меня похмелье, я очень расслабленный — сейчас все вам расскажу!» — куражится московский прозаик Михаил Елизаров. Будущий букероносец родился в 1973 году в Ивано-Франковске, окончил филологический факультет университета в Харькове и музыкальную школу по классу оперного вокала. Шесть лет прожил в Германии — сначала в Ганновере, потом в Берлине. В 2001 году в издательстве Ad Marginet вышла его книга повестей и рассказов «Ногти», попавшая в шорт-лист литературной премии Андрея Белого, в 2008 году за роман «Библиотекарь» был отмечен премией «Русский Букер». В «похмельном» интервью Михаил Елизаров рассказал о том, как стал романистом, об одержимости советской эпохой и собственных песнях. На встрече с читателями в книжном магазине «Пиотровский» Михаил Елизаров рассказал о том, как стал романистом, об одержимости советской эпохой и собственных песнях.

– Два года назад вы получили «Русский Букер» за роман «Библиотекарь», что отлично срифмовалось с премированием художника Алексея Беляева-Гинтовта (в этом же году получил премию Василия Кандинского. — Прим. редакции)...

– Да, удачно! Леша очень талантливый художник, мне нравятся его работы — помпезные с сусальным золотом. Кстати, когда я решил с ним познакомиться, Борис Куприянов шептал мне на ухо: не надо тебе связываться с правыми! Без премии мне было бы морально гораздо тяжелей.

– Почему?

– Если человек вовремя чего-то не получает, он портится. К сорока можно перегореть — начать пить или язвить. Поэтому премия меня спасла — эмоционально я стал более спокойным. Я уже не реагирую драматично на некоторые события. Не хочу, например, бить Быкова за очередные его выпады — мне все равно.

– Быков — большой специалист по Пастернаку, а ваша скандальная слава как раз и началась с романа-памфлета Pasternak. Почему вы именно его выбрали в качестве объекта насмешек?

– В каком-то смысле, Pasternak — был вынужденной книгой. Когда издатели спросили, о чем я пишу, я сказал первое, что пришло в голову: про Пастернака. Дома я взялся за голову, какой Пастернак! Стал думать, а почему я не люблю Пастернака. Взял томик его стихов, сел читать и понял: Пастернак насилюет язык. Так, в одной главе я изложил свои филологические претензии, а потом меня «накрыло» Православие. Я месяца три читал литературу по Православию — Лосева и других. Поэтому свой первый роман я собирал из кусков — это такой конструктивистский текст. Я ведь тогда не знал, как пишутся романы.

– Но ведь речь в романе идет о советской интеллигенции, которая сделала из Пастернака святого...

– Нет-нет, это потом мне объяснили, что я написал роман о генезисе советской либеральной интеллигенции. Но все было совсем по-другому. Знаете, если бы мы оказались с Пастернаком в одной компании, он бы мне сразу не понравился... я наверно, его бы ударил. Для меня он олицетворяет все, что мне неприятно. Дмитрий Быков написал книгу о Пастернаке потому, что они с ним одной органики. Но сейчас я не испытываю к Пастернаку сильных негативных эмоций. Также я уже не одержим ситуацией с СССР после написания «Библиотекаря».

– И «Библиотекарь», и «Мультики» — книги, во многом, инспирированные советским прошлым. Почему вам близка эта эпоха?

– Я пишу не о прошлом, а о нынешних тяжелых реалиях нашей страны. О людях, которые выброшены на обочину жизни и лишены смысла. А что касается советской эпохе, мне кажется, то время было очень сильно заряжено энергетически. Почему сейчас снимается много фильмов о войне? Потому что война обладает вспышкой ментальности. Союз даже на своем излете обладал блеском, который меня и ослепил, причем уже лет через десять после своего распада. Мне часто говорят, что если бы был Союз, то у меня не было бы опубликовано ни одной книги. Я без лукавства вам говорю, что если бы мне некий волшебник сказал: хочешь, чтобы бы был Союз, но ты не будешь писателем, я бы на это согласился. Потому что количество людей, которые стали несчастными, гораздо больше тех, которые стали счастливыми из-за того, что получили возможность писать книги с матом. Думаю, что я бы нашел свою нишу — был бы как Сорокин в андеграунде. Мы как-то с Беляевым-Гинтовтом, общаясь, поняли, что оба не любим одряхлевшие формы солнечной сталинской империи. Но сама по себе идея коммунизма, причем националистического — это хорошо.

– Вы выросли в Харькове. Приходилось ли вам сталкиваться с людьми, которые знали Эдуарда Лимонова?

– Мне часто рассказывали отцы моих друзей, как однажды в молодости они дали по морде Лимонову. Скорее всего, это неправда, но это единственное, что помнили странные пузатые люди. Мой отец, врач-психиатр, лечил его первую жену Анну Рубинштейн, которая в результате покончила собой. Некоторые харьковские персонажи описаны в лимоновских текстах — например, Саша Плотников, знакомый нашей семьи, в гости к которому так хотел попасть Лимонов. Но лимоновского Харькова уже нет, там ничего не осталось. Сейчас Харьков — новый буржуазный город с украинским национализмом.

– **После Харькова вы шесть лет жили в Германии. Почему решили уехать?**

– В Германии я учился на режиссера, жил на средства всевозможных грантов. Это были приличные деньги, на которые можно было снимать квартиру и содержать семью. Моя первая повесть «Ногти», переведенная на немецкий язык, там очень понравилась — немцы любят читать об ужасах СССР и советской психиатрии. Я собрал все стипендии, которые только можно собрать, объездил всю Германию вдоль и поперек. Но после рецензии на роман Pasternak, в которой Лев Данилкин для красного словца написал, что это «фашистская книга», мне пришлось уехать. Эмигрантская среда очень завистлива, а русские эмигранты — неудовлетворенные и недовольные травматичи. Они начали бегать с переводами этой рецензии и всюду говорить: «Елизаров — фашист». Конечно, у меня больше не было никаких переводов и грантов. Кроме того, я исчерпал все темы, про свою эмигрантскую жизнь я написал только два эссе.

– **Тамошняя жизнь оказалась стерильной?**

– В Германии нет мифологии, сказки. После войны страна оказалась выжженной землей. Другая причина — я нелюбопытен, я не пытался, например, как Лимонов, вгрызаться в среду. Я получал стипендии, сидел себе тихо, как пень. Я не пытался подружиться с людьми, которые отвечают за культуру и распределяют гранты. И в какой-то момент я понял, что в Германии я только теряю время, старею. Нужно было срочно уезжать. А в Москве я был очень счастлив, буквально находился в состоянии эйфории. Мне было 35 лет — зрелый возраст, но я чувствовал себя молодым.

– **Расскажите, как вы работаете над книгой.**

– Я пишу медленно, в среднем на каждую книгу уходит год. Но всякий раз, когда пишется, я воспринимаю это как подарок. Рассказы из книги «Красная пленка» и «Кубики» меня чудовищно измучили. Другие тексты, как «Библиотекарь» и «Мультики», я писал легко. Издатели мне вбили в голову, что рассказы хуже продаются, а ты хочешь быть рентабельным. И это отвратительная мысль сидит у тебя в голове. Но сейчас этого меньше, я рад любой возможности писать.

– **Все ваши книги выходили в издательстве Ad Marginem, кроме последнего романа «Мультики». В АСТ больше денег платят?**

– С Ad Marginem мы разошлись навсегда. Мне жаль, что с издателями (Александр Иванов и Михаил Котомин. — **Прим. редакции**) прервались и наши человеческие взаимоотношения, но по-другому было нельзя. Отношения писателя с издателем — это все равно, что роман с замужней женщиной. Но однажды ты понимаешь, что у нее таких, как ты, много, а тебе хочется, чтобы тебе говорили, что ты один и самый прекрасный. Они (Ad Marginem. — **Прим. редакции**) не дали мне любви, материальной выгоды — тоже. В АСТ любовь я не нашел, но там платят деньги. «Библиотекаря» тиражом 5 тыс. экземпляров Ad Marginem продавало год. Я спрашиваю, почему, а в ответ слышал: пиши лучше! Так что произошел вполне объективный конфликт. В коммунистических реалиях этого бы не было, но мы живем при капитализме: ты хочешь денег, а на тебе экономят. А АСТ — это машина, резиновая баба. Там нет любви, но и отношение совсем другое — ты не вовлечен в них эмоционально. За 3 месяца они продали 10 тыс. экземпляров романа «Мультики», сейчас продают второй тираж.

– **Вы часто упоминаете имя Владимира Сорокина. Кого из современных писателей вы еще цените?**

– Я человек закрытый, мало с кем общаюсь. С Сорокиным мы дружим, он приятный человек и хорошо ко мне относится. Москва — город тяжелый, важно, чтобы иногда кто-нибудь тебе сказал: все будет хорошо! Я люблю Алексея Иванова, Владимира Шарова, Юрия Мамлеева. Знаете, есть такой тип читателя — потребитель. Вот вышел последний роман Пелевина, и тут же появляются отзывы: ну все, исписался! Ну что вы за люди такие! Вас человек радовал пятнадцать лет своими книгами! Ну сломалась в человеке какая-то гайка... Мне хотелось бы быть независимым от своей работы. Ну не пишется — и хер с ним! Надоело мне книжки писать — буду плотником или музыкантом. А все это держит тебя. Формально вроде бы ты никому ничего не должен. Но эти разговоры: что-то он не пишет или пишет, но медленно... все это создает болезненность. Меня это мучит, угнетает. Если бы я знал, как управлять писательством, было бы намного легче.

– **А у вас есть тексты для себя, для «внутреннего пользования»?**

– Все, что я пишу, — пишу для себя. Другое дело, что некоторые вещи не показываю. Я не считаю себя профессионалом — пишу как могу. Причем во время письма вгоняю себя в режим абсолютной невменяемости. Например, когда я писал «Кубики», был настоящим параноиком, а после написания книги это прошло.

– **То есть у вас все ровно наоборот, чем у Сорокина — вы слишком близки к тексту?**

– Да, он на огромном расстоянии от текста, как и с людьми. Я это понял, когда в Германии решил познакомиться с моими друзьями. Поначалу все было хорошо, пока один из моих знакомых развязно не сказал: «Ты, Вовка, в одной своей книге недожал!». Сорокина передернуло всего. Мне было чудовищно за него стыдно. Сорокин сдержался, а потом быстро раскланялся и ушел. Он дико ранимый человек, тонко чувствующий. Поэтому текст и литературные персонажи для него — способ защиты от мира, а не коммуникация с ним. У меня своя паранойя: иногда мне кажется, что против меня организован всемирный заговор. Но если бы я был нормальный, то не занимался бы писательством — был бы коммерсантом. Вот вчера с актерами, которые исполняли спектакль «Экспонаты», выпивали. Я смотрю на них и думаю, какие ребята хорошие, откуда во мне столько плохого? И стыдно мне стало — там правильные люди, а я неправильный.

– **Вы знаете, о чем будет ваша следующая книга?**

– Нет, не знаю. В конце года должен выйти сборник моих эссе о всякой всячине. Например, о мультфильме «Ну, погоди!», в котором я размышляю о том, что Волк и Заяц — гомосексуальная пара. Мне кажется, что это смешная находка! А на самом деле я не хочу быть писателем.

– **А кем — хотите?**

– Рокером! Я всегда любил петь, несколько концертов дал в московских клубах. Исполнял, в основном, советские песни, эстраду. А потом я подумал, что нужно сочинять собственные. Когда в Москве был смог, я написал 25 песен фашистской тематики. Меня стали приглашать в клубы. Так что сейчас я занят музыкальными проектами.

Записал Юрий Куроптев

Борис Куприянов

От центра – к окраине

Ситуация с книжным распространением, торговлей вообще и чтением в частности в нашей стране уникальна. Но общаясь с коллегами, специалистами в других областях культуры, можно сделать неутешительный вывод: наша «книжная история» с некоторыми оговорками легко проецируется и на них. Что-то подобное происходит и в кино, и в театре, и в музыке, а также, пожалуй, медиа. Приведенные ниже наблюдения и выводы просты, почти банальны. Признать их очевидными нам мешают только выдуманные искусственные конструкции, которыми мы себя успокаиваем.

наличие магазина

Пиотровский

скажем в Москве или

Питере украсило

бы эти города

1.

Стоит отдельно упомянуть, что мы не будем говорить об электронных книгах. Несмотря на то, что они могли бы спасти положение, связанное с чтением. Их распространение даже в США еще очень далеко от сколь-нибудь существенного. Есть подозрение, что ажиотаж вокруг book reader — спекулятивно и служит лишь средством в глобальной конкурентной борьбе.

Существует корреляция между ВВП, доходами населения, развитием науки, уровнем образования, качеством жизни и количеством книжных магазинов, библиотек, переводов, изданий книг. Критерием оценки научных работ до сих пор являются публикации. Может быть, данная корреляция — рудимент гутенберговской эпохи? Есть ли вообще необходимость в повышении качества и количества книжных магазинов?

В Москве примерно 450 книжных магазинов, в Париже — 700. На первый взгляд, ситуация нормальная: чуть меньше, не в два раза даже. Если не учитывать, что речь идет о самом Париже в пределах периферии (своеобразный аналог МКАД), без учета агломерации, в Париже с населением 2200000 человек, в шесть, а то и в семь раз меньше, чем в Москве, и площадью (столица Франции в десять раз меньше столицы России). В Перми 38 магазинов на 986000 человек, то есть на «душу населения» магазинов больше, чем в Москве, наличие магазина «Пиотровский», скажем, в Москве или Питере украсило бы эти города.

2.

Книжные магазины, как сетевые, так и независимые поощряются как на уровне государства, так и на уровне местного управления. Льготные условия аренды, запрещения перепрофилирования, как скажем, во Франции. Арендная плата в Кельне для книжного магазина в семь раз меньше, чем в Москве.

В России самый большой НДС на книги — 10%. Нигде в мире такого нет. Система фиксированной цены на книги, принятая в большинстве стран Европы, защищает небольшие издательства от демпинга концернов. Эти меры приняты в связи с тем, что книги, чтение не считаются там просто развлечением.

В России ситуация другая. Хотя и есть номинальные льготы по аренде, но почти все магазины вынуждены снимать помещения у негосударственных собственников (у муниципалитетов просто уже нет собственности, не обремененной коррупционными договоренностями). Советская сеть книгораспространения умерла. На ее месте не были созданы сколь угодно эффективные независимые структуры. Почти 70% магазинов в России принадлежит двум крупнейшим концернам, и более 60% ассортимента составляют их собственные книги. Книги прочих издательств попадают туда с трудом и на невыгодных условиях. Небольшие издательства, производящие «умные» книги, не попадают в сети и в обычные магазины. В итальянской розничной сети концерна Feltrinelli не более 30% книг принадлежат «материнскому» издательству, остальные — других издательств. Малые и средние издательства могут продавать свои книги почти во всех магазинах, невзирая на их принадлежность.

Отсутствие распространения приводит к сокращению тиража и соответственно к повышению цены. У нас повышение цены выводит «интеллектуальную» литературу в зону роскоши и делает ее неконкурентоспособной. Цены в on-line магазинах в России выше, чем в off-line магазинах — из-за монополии почты, ее дороговизны и отсутствия льгот на книжную продукцию.

Наряду с этим нужно отметить ситуацию с положением библиотечного дела в России. За последние пятнадцать лет произошло сокращение библиотек и фактическое сокращение пополнения их фондов, а трудоемкость и ограничение доступа напротив — выросли.

3.

В этом месте стоит обозначить место книги в современном мире. До сих пор книга находится в некой междисциплинарной зоне между развлечением, культурой и образованием. Книга сочетает в себе функции передачи наследия, инструмента специальной и научной информации, аналитики, учебника, развлечения и множества других. То есть книга уже не только способ хранения и передачи информации.

В вопросах культуры существует две принципиальные стратегии. Я говорю не только о государственном, правительственном решении, а о коллективном национальном. В принятии этого решения участвуют государственные структуры, институты образования, науки, интеллигенция, правящий класс. Такое решение вырабатывается на основании общего общественного консенсуса. Главных и второстепенных игроков здесь нет.

Первую стратегию назовем — повышающей, она затратна. Критерием является повышение культуры общества, повышение квалификации индивида, высвобождение его творческого потенциала, просвещение. Цель — построение передового, конкурентоспособного, модернизированного общества. Вторая стратегия не стоит государству ничего. Назовем ее понижающей. Цель удовлетворения запросов индивида на развлечение, а небольшой части общества — возможность получения большей прибыли.

Эти стратегии идеальны. Если первая возможна только в утопическом обществе просвещения, то вторая — в «мире чистогана», обществе, которое увидел Незнайка на Луне. Однако между двумя этими стратегиями, как между Сциллой и Харибдой, находится бытование культуры. В нашем случае это дилемма «Петросьяна-Хачатуряна», где Хачатурян — великий композитор.

4.

На практике в каждой стране совмещаются оба подхода. Общество влияет на эко-

номику и при помощи дотаций, субсидий, лоббирования, наделяет экономическую модель (в случае капитализма) просветительскими функциями. Вот несколько примеров.

В Финляндии в 70—80-е годы XX века сложилась уникальная ситуация — молодежь перестала учить финский язык, стала массово читать по-английски. Общество увидело в этой ситуации опасность уничтожения культурного суверенитета. Были введены запретительные пошлины на книжную продукцию на иностранных языках. Государство стало давать большие гранты на переводы текстов на финский. Авторы, пишущие по-фински, не только получали поддержку от государства, но и поощрялись, дотировались переводы финской литературы на другие языки. Писать на родном языке стало выгодно! В 2000-х годах это привело к расцвету финской литературы и ее популярности во всем мире.

Концепция культурной исключительности, выдвинутая Монро, привела не только к сохранению Франции как самобытной страны в глобальном мире, но и сохранила «субъектность» в международных отношениях. Галийский миф, сначала весьма затратный, вскоре стал приносить прибыль не только хозяевам гостиниц, но и крупным концернам. Половина философских книг в России с 1995-го по 2005 год, были изданы при поддержке французской программы «Пушкин».

В Америке государство традиционно базируется на экономической модели. Тем не менее, университеты и внебюджетные фонды поддерживают издания социально значимой литературы с неочевидным коммерческим успехом. Причем общие размеры грантов могут превышать объем всего книжного рынка средней европейской страны...

5.

На одной шестой части суши Петросьян победил. Государство устранилось от участия

в культурной (книжной — точно) жизни, от ее просветительской составляющей, несмотря на титанические усилия Михаила Сеславинского и его комитета (именно его заслуга в том, что НДС на книги 10, а не 18%). Несмотря на то, что в России успешно действуют благотворительные организации («Фонд Прохорова», «Либеральная миссия», «Поколение»), они не способны заполнить тот культурный вакуум, который получился после распада СССР.

Торжество «Чикагской школы» в одной отдельно взятой области экономики, отсутствие внимания государства, да и общества в целом, и нашего внимания к вопросам книгоиздания и книгораспространения в течение двадцати лет привело к печальным результатам. В начале девяностых появилось большое количество независимых «гуманитарных» издательств, они судорожно заполняли лакуны, которые остались после СССР. На волне энтузиазма, удовлетворения дефицита и неподдельного интереса к чтению издавались огромные тиражи неизвестной ранее литературы.

Книга Лимонова «Это я — Эдичка» вышла миллионным тиражом, подобные тиражи были у Набокова, Буковски, Довлатова, Джойса. Удовлетворив дефицит текстов, отрасль впала в депрессию. Малые и средние издательства, издающие что-либо кроме бульварного чтива, умирали и умирают, независимые магазины закрываются, рынок сосредоточивается в одних монопольных руках, книги дорожают. Возможно, победители задумаются скоро о нишевых не суперрентабельных «продуктах», но время будет безвозвратно упущено. За это время выросло целое поколение людей, которое не воспринимает книгу как что-нибудь иное кроме развлечения. При строго экономическом подходе книга теряет все свои другие функции. Фактически мы должны констатировать крамольные выводы: при отношении к культуре, книгоизданию и книгораспространению как к «необходимой» обузе мы теряем самую потенциальную возможность модернизации, качественных изменений в России.

6.

«Экономический» подход, подход к книге как к любому другому товару не оправдан экономически. Книге трудно конкурировать с другими «источниками развлечения», например, DVD с тремя или пятью фильмами. Не могу удержаться от анекдота: менеджер одного крупнейшего российского издательства сетует, что запрещение охранникам читать «желтые мужские романы» на работе привело к большим потерям в этом сегменте рынка. Вряд ли «Бандитский Петербург» привлек в город туристов, в отличие от «Русского музея» и «Эрмитажа».

Мы все понимаем, что культура лучше, чем бескультурие. Это очевидные, банальные вещи. Я верю, что еще не все потеряно. Еще есть надежда. Один из выходов может показаться фантастическим.

Отсутствие внимания центра провоцирует перенос «культурного бремени» на регионы. Для сетей, концернов «местная» литература — нежелательный, неинтересный нишевый продукт. Сеть не может предположить, что книги, написанные на местном материале, локальные исследования будут покупаться по всей стране одинаково (по-другому с центром в Москве они работать не могут). Нет исследований о том, как писатель Алексей Иванов повлиял на чтение в Перми, но смею предположить, что «Сердце Пармы» прочли некоторые пермяки, которые не собирались так проводить свой досуг (продажи книги «Хребет России» в «Пиотровском» подтверждают мое предположение).

Безусловно, тонкая, талантливая литература не только привлечет внимание к местной локальной истории, но и может пробудить сам процесс чтения. Поддержка региональной науки, издание научных трудов, монографий местных ученых и работ, посвященных научным проблемам, актуальным для данной местности, делает регион привлекательным для научной, инновационной деятельности, но и делает работу ученого привлекательной и достойной в глазах общества. Внимание к научному книгоизданию и книгораспространению

стимулирует научную работу, провоцирует научную и культурную полемику.

Естественно, заинтересованность в модернизации, инновациях и науке бессмысленно без поддержки образования. Можно спорить о первичности, но в современной России живет много людей, получивших качественное образование, несмотря на сегодняшние руины. Все эти действия, безусловно, должны повысить общий уровень культуры. Принципиально создать места распространения качественной литературы: книжных магазинов, библиотек, ярмарок, литературных фестивалей. Немаловажно, что общий культурный уровень опровергает «истину», что быть провинциалом все равно, что быть лузером.

7.

Парадокс в том, что поддержка культуры должна стать национальным приоритетом. Прямых быстрых дивидендов от «вложений» в культуру не будет. Инвестиции в культуру ощутимы и заметны в других областях экономики. Поэтому только очень заинтересованная власть и ответственный бизнес, исходя из общечеловеческих, а не личных

мотивов, могут изменить ситуацию к лучшему. У нас в стране кажется, что не быть временщиком и примитивным «барыгой» сложно. Это, кстати, говорит об общем культурном уровне.

На региональном уровне поддержка и приоритетность культуры создает благоприятную конкурентную ситуацию выделяет регион из общего числа, делает его более привлекательным как для туризма, так и для длительных экономических, инновационных проектов. Внимание к «местным» самобытным культурным проектам не может привести к региональному сепаратизму, но повышает значение региона в стране и служит повышению национальной культуры в целом, что в свою очередь влияет на общее «качество жизни» в России.

Модернизация невозможна не только без бережного отношения к культуре, но и без создания условий его постоянного воспроизводства. Собственно, это и есть гуманитарный смысл модернизации. Мы говорим о катастрофическом положении культуры, книгоиздания и книготорговли часто, но недостаточно часто.

Ceterum censeo Carthaginem esse delendam.

Критика / Поэтическая диалогия Юрия Казарина

Татьяна Снигирева

«Горькое чудо» стиха

Последние лирические книги Юрия Казарина, вышедшие накануне очередного возрастного рубежа поэта, могут рассматриваться как чрезвычайно интересный опыт поэтической диалогии. Они сразу обратили на себя внимание: уже своим лаконичным «белым» и «черным» оформлением, только с краткими аннотациями: «Новая книга известного поэта Юрия Казарина включает в себя стихотворения, значительная часть которых написана в дер. Каменка на берегу Чусовой» и «Во вторую часть книги «Каменские элегии» вошли новые (2008—2010) стихотворения Юрия Казарина, а также стихи, публиковавшиеся в журнале «Новый мир».

Книгам почти сразу после выхода были присуждены значимые в регионе премии — Премия Пермского края им. Алексея Решетова и «Золотая Чаша». Сам поэт определяет смысл диалогии «просто»: «белая» — о пространстве, «черная» — о времени. В этой простоте объяснения есть своя правота, но и своя недоговоренность, поскольку контрастные цвета, маркирующие книги, провоцируют читателя на прочтение их как конфликтных друг другу (белое пространство жизни и черное — ужаса неостановимого бега времени), но этого противостояния в поэзии нынешнего Казарина нет.

В «Каменских элегиях» осуществлен возврат к безусловным основам жизни (небо, вода, земля, огонь), дающий наслаждение от самой возможности их нового поэтического названия. В этом видится иное, нежели прежде, качество «поэтического состояния языка» (выражение Казарина), в котором существует поэт, — состояние, расписанное как состояние «между зрачком и предметом,/ между слезой и светом,/ между землей и небом,/ между губами и хлебом,/ между творцом и творцом,/ между лицом и лицом».

Как это ни парадоксально, но состояние «между» для Казарина неконфликтно, не является знаком неустойчивости, дискомфорта, а становится единственно возможным для максимально точного видения и глубокого понимания бытия. В этом смысле поэтическая диалогия воспринимается как самая гармоничная книга поэта. И одновременно как книга, в высшей степени профессиональная с поэтологической точки зрения.

Ее название апеллирует к традиции русской поэзии и совпадает с русской историей («Каменка» — так называлась усадьба, где собирались члены Южного общества декабристов) и поддерживается целостностью времени и места.

Место — уральская деревня, образ которой, весьма конкретный и узнаваемый, спокойно и органично входит в поэтический мир: «После Седьмого ноября/заиндевшая ноздря/деревни, вымершей от пьянства,/вдыхает зимнее пространство». Органично, поскольку повседневность деревни, с одной стороны, узнаваема и конкретна: «Молчу. И печь топлю осиною./Поленом с плесенью на лбу»; «Это осень. Понятно ежу. Он живет у меня под навесом (...) И когда я дровишки беру,/он уходит в нору на отсыпку./И охапку, бредя по двору,/я щекой прижимаю, как скрипку». С другой стороны, конкретика деревенской жизни вписана в привычный для казаринской поэзии образный ряд: снег, Бог, вечность: «Деревня пустила/белые корни в небо./Знать, замесила/квашню для стряпни и хлеба./Принюхивается небо/стужей, звездой железной/к жизни над бездной...». Это место, созвучное состоянию души поэта: «Живу в деревне — прямо в небе,/о Боге думаю, о хлебе./И ангелы средь бела дня/с рябины смотрят на меня». Это место, где «Каменку с Чусовую/в крест заморозил Бог».

Каменка, с ее демидовским прудом, гладью воды, горизонтом леса, откосами уральских гор, только подчеркивающих открытость пространства, — то место, которое еще более распахнуло «поле зрения» Казарина, сделав возможным то, что ранее проступало в его поэзии не столь отчетливо.

Географическая реальность ландшафта высвечивает ландшафт души, сопряженный в этой книге Казарина не только с важнейшими для всей его поэзии понятиями судьбы, жизни, любви, смерти, но и появившимися в недавние годы образами ада и бездны (последний во многом восходит к пушкинскому «у самой бездны на краю»): «Как дом, не купленный в деревне,/где ночью рвутся провода/с душой, готовой к перемене/не мест, а места навсегда»; «между смертью и любовью/этой жизни места нет». Не удивительно, что «это место» «между землей и небом» вбирает в себя и «тварь божью», и божий замысел:

*Это место никакое,
значит время по судьбе:
здесь комар твоей рукою
даст пощечину тебе.*

*Это время, это место,
это думы камыша,
это глиняное тесто,
божьи пальцы и душа.*

Вертикаль «небо (творца) — бездна (жизни)» усложнена оппозицией «земной ад — мертвый рай»: «... движеньем воздуха и взгляда/того, кто в небе глину мнет/и золотую форму сада/земному аду придает». Еще определеннее:

*О, Господи, не умирай
своих животных и растений
и не вперяй без потрясений
тяжелый, нежный ад осенний
в мерцающий и мертвый рай.*

В «черных» «Каменских элегиях», увы, но появляется еще одно место — больница: «Курю в больничном туалете,/тайком, почти на этом свете»; «Ангел плюнет в потолок — /ох, боль-

ничный, ох, высокий./Недолет». Место, где «глядит, глядит в окошко/жизнь с закушенной губой», где «времени полный объем — /только в обратном порядке:/морг, хирургия, роддом», становится основным в пронзительном и горьком лирическом цикле «Елене», впрямую соотносимом с поздней любовной лирикой от А. Некрасова, Ф. Тютчева до Н. Заболоцкого. Как это ни парадоксально, но замкнутое безысходное больничное пространство не сужает боль сердца до боли физической, но выводит к совершенно иному смыслу, который в русской лирике принято называть «высокой болезнью»: «Убивал. Великолепил./Забывал. Кричал во сне./Твои губы сжаты в пепел — /в сердце, сжатое во мне».

Столь сложное и — одновременно — определенное мировидение потребовало активного и явного присутствия того, кого принято в литературоведении называть «я-субъектом». Характерно, что, будучи безусловным лириком, Казарин долгое время избегал частого употребления местоимения «я» в своих стихах, то вообще обходясь без него, то заменяя на «ты» (= «я»), то внешне закрываясь автометафорой.

«Каменские элегии» — книга открытого и постоянно присутствующего «я». А, следовательно, книга автоидентификаций: «я — пасынок алфавита»; «я тишины толмач»; «Я старый. Мне себя не жалко», причем порой идентификаций развернутых: «я тогда был любви сверхсрочник/и учебной семьи отличник — /русский ангел, сиречь заочник/чьей-то вечности. Горемычник», что влечет за собой появление мемуарно-дневниковой интонации.

«Каменские элегии» — книга исповеди: «Не умирать, не исчезать — /о, как мне пелось и дышалось,/как я умел соединять/воды многоугольной гладь,/и неба нежную шершавость,/и кружевных морозов шалость,/и мыслей горьких благодать...». Книга воспоминаний: «Я ледяную пил в дисбате./Чекушка лопнула. В солдате/живой и мертвый этот лед/в сплошную водку перейдет». Книга предвидения: «В покойной позе «бобик сдох»/усну, и мне покажет Бог/все, что со мною не случится...». И прозрений: «Все исковеркано ледком — /красивое зато,/как будто кто-то босиком/ходил. Я знаю кто...».

«Каменские элегии» — это книга взгляда (что характерно для всей поэзии Казарина) и книга, в которой категория времени впервые становится равновеликой и равносильной пространству. Книга «Между веком и пространством».

Взгляд поэта чуть ли не всевидящ и оптика его — оптика увеличений, связанная с необходимостью увидеть жизнь «во всей ее подробности земной» (А. Твардовский). Пристальность и напряженность взгляда обуславливает поэтическое постижение не только чувств, но самой смены сложных и при этом чистых «снятых» ощущений, «видимых» (различимых) только при подключении опыта интеллектуального порядка.

Гармония «взгляда отовсюду» и чрезвычайное напряжение «зренья поединка с безумием твоим» рождает особую интонацию книги. Не все стихотворения ее «укладываются» в даже модифицированный уже XX веком жанр элегии, но тональность их преимущественно и отчетливо элегическая, что подтверждается и основным глаголом «Каменских элегий» — плакать, и чуть ли не главным ее существительным — слезы. Как поэтическая формула казаринского понимания отношения «Бог — мир» звучит философская миниатюра:

*Господи, в глазах твоих стрекозы —
или дальнорозкие морозы
написали что-то на стекле.
В воздухе твои мерцают слезы,
Потому что плачешь о земле...*

Но, конечно, мир «Каменских элегий» — не мир сентиментальной идиллии, где можно «кудри наклонять и плакать», но мир «ужаса красоты» (выражение Казарина), мир Вальсингама, стоящего «у самой бездны на краю».

Очарованный пространством, нынешний Казарин зачарован временем, которое становится не только важным для него, но и чрезвычайно сложным, соотносясь и с личным возрастом поэта («за пятьдесят»), и с временем его снежной страны, и с временным кругооборотом природы, и с категориями, важнейшими для традиционной философской и современной интеллектуальной поэзии, смерть/вечность.

Время в русской поэзии традиционно сопряжено с понятием ужаса «бега времени» (А. Ахматова) и конечности человеческого существования в этом мире, что свойственно и Казарину. Но ему присуща не только неустанная борьба со временем (словом, культурой, любовью) как залог выхода в бессмертие. Пантеизм Казарина позволяет искать выход в будущем, которое столь же бесспорно, как прошлое и настоящее: «Ляжешь в чужом белье — /смерть и тебя спасет:/прямо в грядущее/прошлое занесет»; «Время останется в сердце»; «... и время по глазам текло — /не вниз, а вверх — навстречу снегу»; «Изображение стерто. Звук,/вывинчиваясь из сосуда,/уходит в будущее: вдруг/найдется выход и отсюда».

В заключительной элегии «белой» книги, стягивающей все основные темы ее, похожей этим на магистрал венка сонетов, Казарин определенно и прямо пишет о своем нынешнем понимании смерти/бессмертия:

*Очнуться. Умереть. И долго ждать ответа:
кончается ли смерть? — кончается. Она
не дума и не дым, а остановка света —
прозрачного до аспидного дна.*

*И, умерев, взойти в утраченное время,
земной короткий век перезабыть спеша,
и знать, что наяву не ястреб и не темя
упрется прямо в бездну — а душа.*

*Не пустотою стать, а новой частью взгляда
окружного, когда все видится, когда
не слезы принимают форму ада,
а время — форму пламени и льда.*

Финал «черной» еще лаконичнее, увереннее и — одновременно — исполнен нежности и благодарности за этот «невыразимый ужас красоты» проходящей жизни:

*В полуслезах, в полубреду
с подземной музыкой иду
к другой — неслышанной, небесной —
оборонять свою беду
и слушать ангелов во льду...*

*Мне хорошо в твоём аду
молчать над бездной.*

Юрий Казарин. Каменские элегии.

Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009

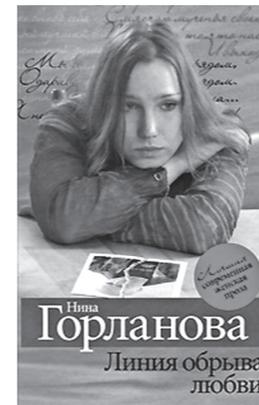
Юрий Казарин. Каменские элегии. Часть вторая.

Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010

Критика / Рецензии

Ткань жизни

Нина Горланова. *Линия обрыва любви*. М.: Эксмо, 2008

В новую книгу пермской писательницы Нины Горлановой вошли двадцать два рассказа, посвященный извечной, старой, как мир, теме: любовь мужчины и женщины, брак, семья, дети... Полагая, что книга озаглавлена по названию одного из рассказов, автор этих строк попытался его найти, но... такого рассказа не оказалось. Зато отыскался рассказ «Тридцать лет спустя», в котором есть следующие строки: «Когда Алекс бросил ее, Мариша перечитала все его письма... И на последнем написала: «Обрыв любви». Даже почему-то такую линию извилистую провела — линию обрыва любви...».

Понятно, зачем автор (или редактор?) вынес эти

слова на обложку сборника — очень уж интригующе звучат. Но тому, кто прочитает всю книгу, становится ясно, что гораздо более емким и глубоким названием для всего сборника могли бы стать другие слова из того же рассказа: «У них не было общих детей. Но выработалась уже особая ткань жизни. Собственная...». Вот эту ткань жизни писательница умеет сплести и показать очень хорошо. А поскольку повседневная жизнь, как известно, состоит из мелочей, то проза Нины Горлановой просто-таки переполнена мелочами. Теми житейскими мелочами, теми нитями и узелками, красноречивыми приметам места и времени, из которых как бы сама собой сплетается ткань жизни и складывается портрет эпохи. Или ее дух. Или, если хотите, ее запах.

Закончим приведенную выше цитату: «Но выработалась уже особая ткань жизни. Собственная. Недавно купили квартиру сыну, а себе импортный диван... Сейчас можно все купить свободно! А в советское время у них сломался унитаз, тогда Мариша до-

стала телефон заведующего базой. Говорила с ним час... И через месяц был новый унитаз».

Эпоха, в ходе которой самые обыденные вещи надо было не просто покупать, а «доставать», причем по знакомству или, как тогда говорили, «по благу», то и дело напоминает о себе персонажам книги. Вот героиня рассказа «Лариса» слышит, как «пожилой человек громко заматерился: «Сталина не хватает! Он бы навел порядок!» И Лариса размышляет: «Да что же это такое! Почему немцы стыдятся того, что их страна была фашистской, а россияне не стыдятся своего коммунизма? Потому что фашизм — насилие в чистом виде, а коммунизм подавали в упаковке погоны за счастьем для всех?.. Когда же они все поймут?»

Сказано сильно, однако Горланова не была бы собой, если бы не ощущала некоторую чрезмерность пафоса, пронизывающего мысли героини. Поэтому, чтобы все встало на свои места, писательница снижает этот пафос заключительной фразой расска-

за: «Вот в таких вопросах Лариса уехала на свадьбу в Германию».

В чем состоит одна из главных замечательных особенностей «женской прозы», и прозы Нины Горлановой в том числе? В том, что проблемы бытия, все эти высшие философские вопросы, о которые ломали головы выдающиеся умы мужской части человечества, рассматриваются здесь конкретно, приземленно и ощутимо — ну, например, как изготовление пельменей или кройка нового платья. Это, конечно, забавно и трогательно, но в этом, возможно, кроется некая высшая мудрость...

«Как устроена любовь?» — задается вопросом героиня одноименного рассказа Юля. Тут, казалось бы, можно вспомнить и Стендаля с его теорией «кристаллизации любви», перечитать хотя бы Бунина, создавшего непревзойденный классический цикл «Темные аллеи»... Но для женщины, ищущей любви, этого как бы не существует. Любовь для нее — это всегда здесь и сейчас, это конкретная ситуация, требующая разрешения сиюминутно, потому что «той же ночью он нагло приснился и просил счесть родинки на шее». И вот тогда, общается автор, Юля «стала понимать немного, как устроена любовь. Как дерево имеет под землей корни, так любовь имеет такие

корни в подсознании, поэтому они питают ее даже тогда, когда в жизни нет встреч».

Дерево с корнями — вот образ, который находит Юля для того, чтобы объяснить себе, как устроена любовь. Что ж, конкретно, понятно, зримо... Однако писательница мудрее своего персонажа, она рисует совсем другую картину: ведь дерево растет для себя, а Юля... «А Юля именно в миг поцелуя ощущала себя всем нужной, готовой помогать, спасти, сдать всю свою кровь, раздать все свои книги и даже — обрезать свои золотые волосы, если они кому-нибудь понадобятся для счастья. Пробудилась в ней жалость и жертвенность, и Юля чувствовала, что это слаще умных разговоров, что это и есть жизнь женщины».

О том, что такое жизнь женщины, очень хорошо напоминает рассказ под названием «Как помирились Сергей Юрьевич и Ирина Анатольевна». Ночью в подъезде дома, где живут супруги, находящиеся на грани развода, раздаются женские вопли — некий злоумышленник пытается изнасиловать девушку. Однако выйти вот так, среди ночи, в подъезд — это может быть опасным... «Но Ира вспомнила, что как раз накануне вечером она видела у одного киоска желтый цветок удачи, но потом, во время ссоры, забыла о нем. А сейчас он им поможет! Пошли!».

Супруги своим появлением спасают потенциальную жертву и возвращаются домой. «Она поставила чайник. У нее было такое ощущение, словно вокруг разлитое море мирового добра и они с мужем от него откусили кусочек... Вот так они и помирились». Помирились, потому что благородный поступок обновил усталые души и дал силы к новой жизни — как тому неприметному цветку, который вопреки всему растет на городском газоне.

Один лучших рассказов сборника называется «Девочка росла». Автор не сообщает ни имени этой девочки, ни названия поселка, где она живет. Все внимание сосредоточено на том, как идет развитие души, как девочка-подросток становится взрослой. Ей пятнадцать лет, и конечно, она влюблена в соседского мальчика с символической фамилией Любимов. Однажды, проходя мимо его дома, она видит, как Любимов вместе с отчимом чинит крыльцо. «Девочку никто не заметил, и в ней надолго застряло желание быть там, с ними, тоже чем-нибудь помогать. Ей показалось, что починить крыльцо вместе с Любимовым, с его отчимом и матерью — вот конкретный образ счастья, но ей оно недоступно».

Наконец, Любимов обращает внимание на девочку, и, чтобы окончательно завоевать его сердце, девочка делает в классе доклад

об известном поэте, «у которого очень много написано про все, что ее волновало: про девочек и мальчиков, про цветы и счастье, такое же простое, как ремонт крыльца». Однако очень скоро происходят события, из-за которых героине рассказа приходится понять, что жизнь устроена гораздо сложнее, чем это представлялось ей, и что счастье и несчастье не могут быть такими же простыми, «как ремонт крыльца». Отец девочки бросает семью и уходит к другой женщине. Вскрывается и другая семейная тайна. Девочка всегда знала, что отец ее — из детдома. «Но что бабушка с дедушкой взяли его из чисто практических целей — как будущего кормильца, об этом у отца раньше разговоров не было».

Так в мир детских представлений о «простом счастье», о «простой любви» вторгается жестокая правда жизни. Этот удар о реальность, конечно, мучителен. Но и спасителен и необходимо. Девочка резко взрослеет, и вот она в отчаянии, не глядя пробегает мимо подруг, мимо своего Любимова, успев «бросить назло кому-то слово, о котором

не думала, что захочет его когда-нибудь употребить. Выкрикнула четко и с ненавистью, зная, что этим ставит точку на своих отношениях с Любимовым и на своем отрочестве, зная также, что всегда будет об этом жалеть». Таков финал рассказа, в котором все построено на тонких движениях души и о котором можно сказать, что это своего рода микророман.

В книге помещено еще немало достойных рассказов, но в заключение хочется сказать не о них, а о том, как это все написано. Какова технология писательского мастерства? Автор этих строк неоднократно был свидетелем того, как Нина Горланова в ходе общения с людьми то и дело записывает что-то в блокнот, создает этикетки ремарки. Что ж, у каждого писателя своя манера собирать материал...

Откроем рассказ под названием «Волшебный вечер, не правда ли?». Одним из его главных действующих лиц является сама писательница (что, заметим, для Горлановой не редкость). Другая героиня рассказа, Лиза, говорит ей: «Нин, выслушай меня!». Далее Горланова пишет: «Она

произнесла «меня» таким тоном: выслушайте меня-Вселенную (но ведь все так говорят, и всех и нужно выслушивать)». Вот она, замечательная и такая добрая горлановская наивность! Писательница убеждена, что, во-первых, буквально каждый человек представляет собой вселенную, и, во-вторых, что каждую такую вселенную нужно выслушивать.

Конечно, какой-нибудь отягощенный знанием трезвый реалист, какой-нибудь умный циник тут же вспомнит, например, вселенную, которую обрисовывает студенту Раскольникову сластолюбец Свидригайлов: дескать, бесконечная вселенная — это такой вот темный чуланчик, а по углам — пауки...

Но Нина Горланова видит мир по-своему и имеет на это право. А главное — она умеет донести до читателя это свое видение, донести талантливо, а потому — убедительно. И читатель ей верит. Поэтому издательство «Эксмо» поступило очень правильно, вынеся на обложку ее книги стикер с надписью: «Лучшая современная женская проза».

Владимир Пирожников

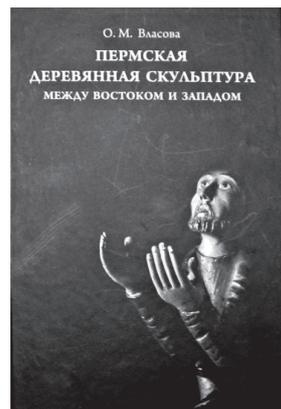
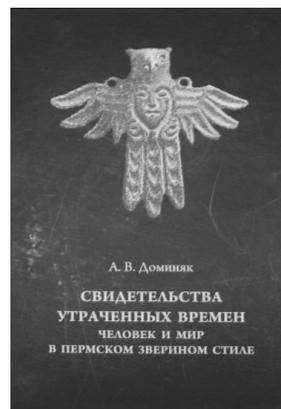
Между богами и зверями

Александр Доминяк. Свидетельства утраченных времен.

Человек и мир в пермском зверином стиле. Пермь: Книжный мир, 2010

Ольга Власова. Пермская деревянная скульптура.

Между Востоком и Западом. Пермь: Книжный мир, 2009

«Свидетельства утраченных времен» принадлежит перу музейного работника и искусствоведа Александра Доминяка. Прежде всего, книга предназначена для преподавателей и студентов, изучающих историю искусств, так как представляет серьезное научное исследование всего, что было написано о своеобразных памятниках древней Чуди — бронзовых узорчатых бляшках, объемных фигурках птиц и зверей. Фигурки использовались для украшения своих одежд и в качестве оберегов языческие племена, когда-то населявшие Пермский край. Эти изображения демонстрируют нам сегодня, по мнению автора, представления древних народов древних культур (ананьинской, гляденовской и ломоватовской) об устройстве земли, Вселенной и месте человека в мире, обществе и своей семье.

С первой главы автор представляет нам все многообразие обнаруженных археологами предметов, выполненных в пермском зверином стиле, предлагая классификацию не только самих предметов, но и основных тем, сюжетов, художественных образов,

представленных бронзовыми фигурками, предназначенными для головных уборов, поясов, ожерелий, браслетов древних народов Прикамья. Во второй главе автор рассуждает о предназначении одно- и многофигурных изображений, отталкиваясь от смыслов, которыми полны изображения антропоморфных и зооморфных существ на бляшках, украшающих как бытовые, так и погребальные одежды наших предков. Заходит разговор и о том, как пермяки использовали рассмотренные выше бляшки, пронизки и шумящие подвески.

Рассуждает автор и о специфике картины мира древних пермяков, отраженной предметами, выполненными в пермском зверином стиле, также рассматривает и эволюцию представлений о картине мира древних, сравнивая бронзовые бляшки разных эпох. Представления об этой картине, с точки зрения автора книги, выражены своеобразным кодом, поддающимся дешифровке. Желая понять «зверопермский» код книгу может одолеть, невзирая на весьма наукообразный стиль: «В монтажно-апликативных композициях главенствует вертикальный вектор раз-

вития, складывается умо-зрительная, «концептуальная» модель в отражении мира».

Поражает сам материал исследования Александра Доминяка: в книге описываются экспонаты изрядного количества музеев от Питерского Эрмитажа до Пермского университета. Книга также снабжена солидным количеством фотографий, дающих исчерпывающее представление об образцах пермского звериного стиля, находящихся в разных российских музеях. Поэтому книгу можно рассматривать и как художественный альбом, и как своеобразную энциклопедию пермского звериного стиля, материалы которой могут быть использованы при освоении курсов искусствоведения, а также этнографии и истории Прикамья.

Другой исторический бренд города — пермские деревянные боги, представленные в Пермской галерее. Познакомиться с особенностями пермской деревянной скульптуры, ее характерными признаками, отличающими пермских деревянных богов от храмовых фигур Русского Севера, Костромы, Ростова Великого, Нижнего Новгорода, Муромской земли решила искусствовед, давний работник галереи Ольга Вла-

сова. Ее книга «Пермская деревянная скульптура. Между Востоком и Западом» написана языком, внятным уму и сердцу. Увлекающийся историей искусств читатель почувствует интерес с первых страниц. Например, когда узнает, что в пермских церквях деревянные скульптурные изображения богов исторически почитались больше, чем иконы, статуям после церковных обрядов приносили деньги, обувь, одежду.

Автор тщательно вписывает историю пермских богов в историю земли Пермской, ее церкви, первых храмов. Рассказывая о структуре и символике православных храмов нашей земли, объясняет, какое именно место отводилось деревянным скульптурным изображениям у иконостаса. Отдельно рассматриваются распространенные сюжеты пермской деревянной скульптуры: распятие с предстоящими, Никола Можайский, Христос в темнице и многие другие.

Материал книги представлен длительным историческим периодом — с конца XVII до начала XX века. Ольге Власовой важно продемонстрировать читателю и стилистическую эволюцию пермской деревянной скульптуры, вбирающую в себя периоды преобладания древнерусской

традиции, влияния культуры народов, проживавших на территории нашего края, сменяющуюся возрастающим влиянием европейской барочной культуры. Не оставляет вниманием она и центры производства деревянных скульптур: мастерские при Пыскорском монастыре, в Новом Усолье, Ильинском, упоминает даже имена мастеров-резчиков. В отдельном параграфе представлена и коллекция пермской галереи, история ее создания и основной принцип экспозиции, а также художественные и выразительные особенности скульптур.

Серьезный исследовательский подход отличает обе книги представленной серии: в основе каждой — впечатляющий найденный и детально проанализированный материал по сути диссертационного исследования, обе рекомендованы Московским институтом теории и истории изобразительных искусств. Книги сопровождаются большим количеством качественных цветных фотографий — иначе невозможно дать представление об объектах визуального искусства. В книгах имеется и словарь, облегчающий широкой аудитории постижение сложных терминов.

Татьяна Наумова

Глубокое погружение

Алексей Лукьянов. *Глубокое бурение*. М.: Снежный Ком М, Вече, 2010

Одной из основных задач литературы, особенно «не серьезной», во все времена было помочь человеку читающему принять реальную жизнь, примириться с прошедшим и не бояться будущего, ныне все более стремительно надвигающегося.

У каждого хорошо автора получается это по-своему, более или менее осознанно, и тут уж «каждый пишет, как он дышит», спрос не менее разнообразен, чем предложение: от приторных сиропов дамских любовных романов до рвотно-слабительных порошков злободневной более или менее высокохудожественной прозы.

Попытаюсь разобраться, почему так силен эффект «вправления мозгов» и поднятия настроения на примере последней книги Алексея Лукьянова «Глубокое бурение», в которую пошли

семь повестей и рассказов автора.

Во-первых, уникален жанр. Это ловкое, иногда виртуозное смешение анекдота, байки, памфлета — зачастую политического, впрочем «политический» — это когда политические силы друг против друга пописывают, а у Лукьянова же точка зрения народная, справедливой будет сказать — лубка, сказки, скоморошества с юродством, притчи, детектива и реалисти-шоу. От самых дремучих традиций до концептуально жесткого стандартного новаторства. Реализуется эта парадоксально-органичная смесь в виде относительно небольших повестей.

Возьмем к примеру «Глубокое бурение». Берется жизнь отдельно взятого цеха и рассматривается в необычных обстоятельствах, причем автор сам называет свои истории невыдуманными. «...Может автор и присочинил чего, но совсем не много». Задается изоляция — некая природная стена, отделившая Запад от Востока. Затем возникает «квест»: десять миллионов долларов, которые можно использовать только добравшись до Америки. На фоне безделья и безденежья герои видят один простой выход — копать. И достигают своей цели. Не обходится и без эпатажа, и без, так

или иначе, пикантных нюансов, но при этом автор поразительно целомудрен и, даже балансируя на грани нормативной и ненормативной лексики, никогда не опускается до пошлости. Например, у одного из персонажей того же «Глубокое бурение» оказывается говорящим тайное удилище, у другого — седалище. Предъявлены они автором как самостоятельно мыслящие существа, более образованные (Бен владеет иностранными языками, в отличие от своего хозяина) или мудрые (попа одного из пролетариев, Агафья Тихоновна, обладает незаурядной интуицией).

Впрочем, центром произведения, в отличие от, например, «Говорящих сокровищ» Вольтера, говорящие заветные органы не являются, это скорее хулигански всыпанная автором по ходу действия приправа.

Еще одной непременной особенностью лукановского смешанного жанра является насыщенная событийность, действие почти непрерывное, будь то чаепитие или погоня с юмором — от белого и пушистого до черного.

Во-вторых, феерическая интертекстуальность, проходящая, как правило, через прямую речь персонажей. Автор откровенно цитирует

(буквально, или с простонародными вариациями) того, на кого считает возможным внутренне опереться, или «называет» тех, от кого отталкивается. Пространство массовой постсоветской культуры, отражаясь в этих цитатах, преломляется причудливо и фантастически, что и служит делу создания комического эффекта, извлекает потенциал веселья, растворенный в массовом сознании.

Например, «веллеры» — в повести «Книга бытия» так названы братья-близнецы Уй-Диболом и Дуй-Скрип-Диболом, члены общественно-религиозного течения, противоположного идеологии наркоманской общины, благоговеющих фанатиков балданаки: «Э, да они из веллеров, дошло до философа. Представители данной секты утверждали, будто сикараськам подвластно все, и Патриархов выдумали философы. Теперь встреча Лой-Быканаха с Диболомами представлялась эксцентрику в ином свете. Веллеры завсегда недолбили философию, и при всяком удобном случае жрали философов со всеми потрохами». Да и само имя Диболом — весьма созвучно с «дуболомом» и отсылает читателя чуть ли не в далекое детство к «Урфину Джусу и его деревянным солдатам». Тот же Лой-Быканах, повторяющий мантру «вышли хлаи» — извлекает из сознания совсем иные ассоциации, как кинематографические, так и музыкаль-

ные. Или «тетка Петунья» — как называет главную героиню пронзительной и трогательной, несмотря на гиперболы и гротеск, повести «Жесткокрылый насекомый», Полину Васильевну Полетай, самый близкий ее человек, сестра-близнец, которая по ходу действия и своему образу мышления, сама оказывается такой теткой Петуньей для всех детей и домашних животных главной героини. Или Тургенев Мумукин, Эм-Си Кафка и Ванзайц из «Карликов-великанов»... По поводу одних говорящих имен в творчестве Алексея Лукьянова легко можно написать целую, совсем не смешную, диссертацию.

Но вернусь к «Карликам-великанам». В повести имеет место очень показательный пример сюжетного «цитирования», когда ситуация и действия как будто схожи, но переосмыслены и точка основного авторского воззрения переосмыслена и смещена. Одиннадцатилетний («Восьмой миновал, — виновато повторил мальчик, — три года назад.») кингконг (кинконг — такая национальность у ребенка, но воспоминаний о фильме «Кинконг» не избежать — выходит, по образному ряду — ребенок большое, неудобное и пугающее животное; шутка шокотерапии или детская игра в «кинконга», или все сразу) Влас попадает в мир взрослых со всеми его ост-

росюжетными и бредовыми интригами, похожими порой на карточную суету персонажей «Алисы в стране чудес», только у Лукьянова обитатели странного мирка, находящегося не то в терриуме, не то в колбе, показаны глазами ребенка, а ребенок показан через их на него реакции — некоторые видят в нем Бога, некоторые ужасную опасность, некоторые просто заблудившегося малыша, которому нужно помочь вернуться домой. Именно Ванзайц, «реинкарнация» Белого Кролика, особенно активен в поисках двери в мир, из которого потерялся мальчик. Если в «Алисе в стране чудес» Алису обитатели страны во главе с Белым Кроликом не могут извлечь из дома, то у Лукьянова Влас легко спасает героев повести из разрушающейся обсерватории Ванзайца. Все как бы перевернуто, вывернуто до наоборот, но тем не менее вполне узнаваемо на ассоциативном уровне. Да и гуляет Влас по этому миру — подобно Гулливеру, море по пояс.

Имеются и «исторические» персонажи, также преобразованные авторским чувством юмора — например Че Пай, видимо имя это гибрид нашего Чапаева и всеобщего канонизированного гламуром Че Гевары, и «народный шаман» Распут Григорович.

Итак, цитирует Алексей Лукьянов много и задорно, порой не только извлекает

смех, но и раздумья, почти социальные, почти философские, пишет с юмором порой о самом страшном. Цитаты — от Некрасова, Пушкина (иногда довольно вольно перефразированные, например: «...Я помню чудное мгновенье, передо мной я...») и Горького, Булгакова и Данте до кинофильмов и текстов песен — иногда некоторые места его повести даже напоминают манеру озвучивания кинокартин Гоблина.

Можно сказать, что бесконечная волна мирового постмодернизма докатилась и до уральской фантастической прозы, но слишком уж этот «постмодернизм» стихийен, интуитивен и естественен, народен.

Повести Лукьянова иногда «мультипликационные», в духе новейшей российской мультипликации, как «Книга бытия» или аниме в стиле Миядзаки («И вот решил я убежать»), но почти всегда «кинематографичны». Текст вызывает в воображении яркие, конкретные образы, что неудивительно при такой, как у Алексея Лукьянова, плотности культурных, литературных или просто фразеологически переосмысленных вкраплений, все им написанное легко «оживает в голове» при прочтении.

С этим так или иначе связана третья особенность повестей Лукьянова — глубокое погружение (можно сказать «бурение») в сферу общекультурных подсознательных и надсознательных

образов и мотивов, подключенность к витающим в болтанке ноосферы непроизвольным смещениям всего со всем.

Ситуации сюжетов мистериальны, большинство героев имеют двойников-близнецов, персонажи могут утраиваться (например трансформация, произошедшая с философом Гын Рыткыном из повести «Книга бытия»: когда данный сикараська развалился на три части — получилось еще два, жаждущих познания его экземпляра — Дын Рыткын и Бзын Рыткын), порой же идентичных героев вовсе множество, и число их возрастает в геометрической прогрессии (например Хрущи и дети из «Жесткокрылого насекомого»).

Мотив инициации в повестях Лукьянова тесно переплетается с темой детства и изменения мира и мировоззрения героев. В «Карликах-великанах» общественный строй, экология, судьбы героев меняются практически синхронно с появлением в этом мире кинконга Власа, и трансформация завершается после его окончательного возвращения в родной мир. Или инициация из «Книги бытия, носящая сексуальный характер»: продвинутая группа неких практически неуничтожимых, способных вегетативно размножаться сикарасек, существ жизнерадостных, любознательных, вездесущих и загадочных в своей простоте, пройдя

долгий путь и столкнувшись с Патриархами (эткими архетипами, по Юнгу) Великой Матери и Держателя, постигают свою природу, во всяком случае, именно на этой оптимистической ноте повесть завершается:

«эпилог

По дороге обратно Раздолбаи вдрызг разругались с клячами.

— Вам жалко, если мы немного откусим? — психовал Желторот. — Жрать охота!

— От себя откуси, бич, — надменно отвечал Тым-Тыгдым. — Вот вернемся — все Великой Матери расскажу.

— Я та-арр-чуу! — возмутился Торчок.

Тут оказалось, что куда-то исчезли Старое Копыто с Ботвой.

— Пан-рухх бича завалил, — обрадовался Желторот. — Побежали, может, и нам кусочек достанется?

Идти предстояло долго, а жрать хотелось уже давно. Решили экспроприировать у Ботвы хоть половину Старого Копыта.

Но из этой затеи ровным счетом ничего не получилось. Еще по звуку все догадались, что едой здесь и не пахнет. Заглянув за ближайшую скалу, беглецы увидели, что никто никого не ест.

Ботва и Старое Копыто самозабвенно занимались любовью.»

Вот так стихийный каннибализм сменяется половым актом. Сознание персонажей выводится на новый уровень. Один из героев повести даже сам становится

Патриархом, начинает осознавать себя таковым («идея, изменившая мир, становится патриархом»).

Не чужда повестям и апокалиптичность: каждый из миров Алексея Лукьянова так или иначе оказывается на грани неминуемого исчезновения всего прежнего. Взять, к примеру, падение метеорита из «Высокого давления» — в мире исчезает электричество и ненормативная лексика. Комизм его повестей, если задуматься, трагичен — осо-

бенно сильно это проявляется в лучших его повестях «И вот решил я убежать...», где преждевременно втиснутая в мир взрослого ужаса детская душа безпризорника (оставшегося без матери и брошенного отцом) мистическим образом возвращается в мир чуда, — и в повести «Жесткокрылый насекомый», где одинокая престарелая профессорша внезапно и фантастически обретает радость материнства. Гротеск и юмор, как бы черны

они не казались, у Лукьянова добродушны, а кажущиеся по первому взгляду жестокости мудры как сама природа.

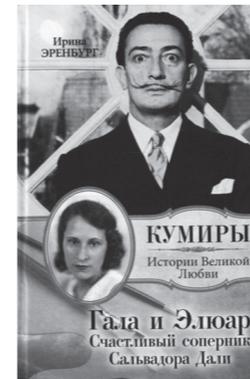
Наверное поэтому, у каждой его повести хороший финал: все получают то, что им на самом деле нужно, хотя возможно это и не всегда то, как они это себе хотели и представляли, и перед всеми открывается новый, преображенный мир.

Светлана Ворошилова

Любовь как маркетинг

Ирина Эренбург. Гала и Элюар. Счастливый соперник Сальвадора Дали.

М.: Астрель, Олимп, 2010

Книга выпущена в серии «Кумиры. Истории великой любви». В серии уже вышло достаточное количество книг, описывающих любовные истории русских и зарубежных писателей, поэтов, композиторов, монархов и политических деятелей.

В центре внимания — романы и связи, определяющие особенности жизни и творчества знаменитостей.

Простодушный читатель решит, что ему в руки попал исторический роман, описывающий знакомство Поля Элюара и русской музы, вдохновившей его на увлекательный процесс создания своих дебютных книг «Первые стихотворения», «Диалоги бесполезных». Сборников, собранных и снабженных предисловием Елены Дьяконовой, названной именно Элюаром «Гала». Именем, под которым сегодня весь мир знает эту женщину — Музу Элюара, а впоследствии и сумасшедшего сюрреалиста Сальвадора Дали.

Желающий узнать, как именно образ любимой женщины отражен в поэзии Элюара, разочаруется, так как по жанру эта книга представляет собой типичный любовный женский роман, не претендующий на полноту и достоверность представленной глазам читателя картины жизни творческой молодежи Парижа. Сюжет книги включает сцену знакомства Галы с Элюаром, развернутое описание их романа, семейной жизни и финал — встречу Галы и Сальвадора Дали.

Достаточно жесткие оценки романа можно обнаружить даже в Интернете. Автору не отказывают в умении изобразить «искреннюю

историю любви», но признают, что предложенная книга «для тех, кто любит красивые истории и кому не нужна правда».

Заинтересовавшийся перипетиями любовной истории великих людей, отраженной в романе, читатель может обнаружить в Интернете информацию о том,

что пермская писательница Ирина Тарасова (Эренбург) иногда устраивает встречи со своими читателями-пермяками. Писательница известна и под именем Ирэн Бург, как автор женских романов «Формула счастья», «Не бойся, малышка», «Тысяча и один мужчина», «Случайная невеста».

Таким образом, в случае «Гала и Элюар» читатель сталкивается с, увы, распространенным в сегодняшнее время маркетинговым трюком. Издательство упаковало в документальную серию («Кумиры. Истории великой любви») бульварную женскую беллетристику.

Татьяна Наумова

Технотриллер о войне моторов

Валерий Августинovich. *Битва за скорость*. М.: Эксмо, 2010

а значит — за мощность авиадвигателей, по праву считающихся вершиной технологии и доказательством научно-технической зрелости государства.

О ней, о «войне моторов» рассказывается в новой книге Валерия Августинovichа «Битва за скорость». Ее автор — доктор технических наук, профессор Валерий Августинovich более 40 лет трудится в ОАО «Авиадвигатель» и является заместителем начальника ОКБ по науке. В 2008 году в Москве была издана его монография «Великая Отечественная война. Перелом истории», посвященная малоисследованным эпизодам этой войны. В нынешнем году издательством «Эксмо» выпущена в свет его следующая книга «Разгадка русской истории», охватывающая период в тысячу лет — от Киевской Руси до XX века.

В «Битве за скорость» Августинovich проследит историю авиационного моторостроения в XX веке — как в нашей стране, так и за рубежом, и делает это основательно, увлекательно и скрупулезно, привлекая обширный фактический материал. В этом, кстати, заключалась главная трудность: как подать, каким образом достаточно популярно изложить столь богатый, но весьма специфический материал, значительная часть которого доступна для понимания только специалистам? Словом, нужна была центральная идея, пронизывающая всю книгу и объединяющая все ее части в единое целое. Валерий Августинovich ее безошибочно нашел: такой идеей стала «война моторов». Ведь процесс создания авиадвигателей происходил в форме ос-

трого интеллектуального, а иногда и военного соперничества конструкторов разных школ, разных стран. Автор дает в книге системное представление об этом, а также вводит в читательский оборот ряд малоизвестных фактов, характеризующих этапы данной «войны».

Во второй главе книги он сообщает: «Вторую мировую войну справедливо называли «войной моторов» еще до того, как она разразилась. Ни Первая, ни будущая Третья мировые войны такого названия не имели и иметь не будут по простым причинам: Первая мировая — из-за тогдашней слабой моторизации вооруженных сил, а к моменту времени будущей Третьей «моторизация» уже прошла свой пик инновационного развития... Темп военных действий в будущей войне будет определяться не скоростью движения танков и самолетов, а скоростью получения информации».

При этом, говоря о современной «войне моторов», автор очень важную роль отводит истребителю-перехватчику МиГ-31, двигатель для которого Д-30Ф6 создавался на Пермском моторном заводе коллективом конструкторов под руководством Соловьева. Валерий Августинovich называет этот двигатель «инновацией мирового уровня». Об этом, по мысли автора, говорит хотя бы тот факт, что отечественная авиационная наука

в то время оказалась не готова к появлению двигателя, имеющего столь блестящие характеристики. Когда в Перми начали проектировать этот двигатель и представили его рабочие параметры в Центральный институт авиационного моторостроения (ЦИАМ), то получили оттуда официальное заключение: «Такой двигатель создать невозможно». Это, замечает В. Августинovich, «был как раз тот случай, когда техника опередила науку. Но двигатель был создан, и впоследствии он принес такому названию не имели и иметь не будут по простым причинам: Первая мировая — из-за тогдашней слабой моторизации вооруженных сил, а к моменту времени будущей Третьей «моторизация» уже прошла свой пик инновационного развития... Темп военных действий в будущей войне будет определяться не скоростью движения танков и самолетов, а скоростью получения информации».

Вообще, по убеждению автора, любое конструкторское бюро живет только до тех пор, пока производится его серийная продукция. Если сделана достойная разработка, то она идет в серию, и этот производственный цикл составляет примерно двадцать лет. То есть в течение двадцати лет конструкторское бюро может работать над следующими проектами, создавать что-то новое. А если серийного выпуска ни одной разработке достичь не удалось, то конструкторское бюро умирает. Именно так, по мнению Августинovichа, произошло со знаменитыми в свое время КБ А. Микулина в СССР и с фирмой «Бристоль Сидли» в Англии. По той же причине исчезли и такие всемирно известные фирмы, как «Де Хевилленд»

(Англия) и «Райт» (США).

По другой причине, но тоже перестали существовать и ведущие авиастроительные фирмы Третьего рейха — «Мессершмит», «Хейнкель» и другие. Поэтому читателя не может не удивить такой неожиданный вывод, который делает автор: «Войну моторов технически выиграла Германия». Впрочем, Августинovich поясняет: это может удивлять, но для специалиста тут все ясно. По его словам, «к середине XX века немецкой конструкторской школе удалось за немыслимо короткий отрезок времени (около 10 лет) разработать серию инновационных турбореактивных двигателей, обеспечивших в потенциале непревзойденные характеристики самолетов — скорость и высоту. Беспрепятственный пролет немецкого самолета-разведчика «Арадо-234» над Шотландией состоялся 10 апреля 1945 года, то есть за месяц до окончания войны. В дальнейшем наследством Германии в разработках реактивных двигателей по праву победителей в полной мере воспользовались США и СССР».

Из книги «Битва за скорость» можно понять, что заимствование передовых разработок у военного противника или просто конкурента — обычная вещь. Однако при этом Августинovich активно протестует против скандального утверждения известного историка Юрия Жукова, заявившего,

что «Туполев просто развинтил американский В-29, а затем свинтил свой Ту-4». Автор книги подробно объясняет, почему это было не так.

По его словам, стратегический бомбардировщик «летающая крепость» В-29 был шедевром авиационной техники своего времени. Повторить этот шедевр означало не просто «свинтить» подобный самолет, а вывести авиационную промышленность на новый технологический уровень. В части мотора для Ту-4 ситуация несколько облегчалась тем, что американский мотор R-3350 фирмы «Кертис-Райт» был давно известен в Перми: еще до войны в ОКБ-19 под руководством Швецова пытались на базе американского двигателя создать новый мотор М-70.

Тогда это не получилось, и вот после войны, в конце 1940-х, пришлось вновь решать чрезвычайно сложную задачу: обеспечить точное литье лопаток турбины, приводящей в действие компрессор наддува. Для этого требовался особый сплав, состав которого был, конечно, неизвестен. «Только специалисты-металлурги, — подчеркивает автор, — могут себе представить, насколько это архисложная задача — по маленькому, весом 200 граммов, образцу, определив его химический состав, создать новый технологический процесс. Но уже через месяц первая

в стране 600-килограммовая партия специального жаропрочного сплава была доставлена в Пермь, на моторный завод».

Вот так, заключает автор, отнюдь не простым «копированием», создавался стратегический бомбардировщик Ту-4, способный нести ядерное оружие. На нем, кстати, закончилась эра боевой винтовой авиации с поршневыми моторами. На очередном этапе «войны моторов» победу одержали турбореактивные двигатели.

Однако в 1950—1960 годы, «война моторов», а значит и конструкторских школ, продолжалась. Теперь уже шла конкурентная борьба между реактивными двигателями. При этом Августинович отмечает, что «в послевоенной истории Пермского моторного завода самыми крупными вехами явились успехи в производстве газотурбинной и ракетной техники в 1960-е годы». Таким образом, в середине 1960-х годов пермяки оказались победителями в «войне моторов».

Как сообщает автор, в 1965 году в Перми конструкторское бюро Соловьева приступило к выработке технических предложений по новым двигателям, которые должны были привлечь заказчиков. И тут помог случай. Выяснилось, что уже эксплуатирующийся самолет, флагман «Аэрофлота» Ил-62 с двигателями Кузнецова НК-8-4,

не может перелететь через Атлантический океан в США — не хватает топлива. Возник международный политический скандал, имиджу СССР был нанесен значительный урон.

Для решения проблемы коллективом ОКБ Соловьева к 1971 году был разработан новый двигатель Д-30КУ, отвечавший всем необходимым требованиям. Однако жестокая конкурентная борьба с ОКБ Кузнецова продолжалась. Не желая замены своего двигателя на флагмане Ил-92, Кузнецов начал кампанию по дискредитации двигателя Д-30КУ Соловьева. Эта борьба, подлинная «война моторов» и людей, закончилась только после того, как состоялся экспериментальный полет двух самолетов Ил-62 по маршруту Москва — Хабаровск. Один самолет был оснащен двигателями НК-8-4 Кузнецова, а другой — двигателями Д-30КУ Соловьева. Победил двигатель Д-30КУ, и все стало ясно.

Это лишь один из эпизодов «войны моторов», которая шла весь XX век и которой посвящена книга Валерия Августиновича. Остается лишь согласиться с издательской аннотацией: «Книга не только в высшей степени компетентна, но еще и на редкость увлекательна, читаясь как захватывающий технотриллер».

Владимир Пирожников

Авторы номера

Юрий Асланьян — поэт, прозаик, журналист. Родился в 1955 году в городе Красновишерске Пермского края. Публиковался в журналах и альманахах «Юность», «Огонек», «Смена», «Урал», «Дети Ра», «Пермь третья» и «Лабиринт». Участник антологии «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)». Автор книг прозы «Сибирский верлибр» (1990), «Территория Бога» (2006), «Последний побег» (2007) и поэтического сборника «Печорский тракт» (2010).

Семен Ваксман родился в 1936 году в Ставропольском крае. Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности (1959). Автор книг «Лик земли» (Пермь, 1967). «Златые горы», (Пермь, 1989), «Условный знак — Пермь» (Пермь, 1991), «Дым» (Пермь, 1999), «Я стол накрыл на шестерых: роман» (Пермь, 1999), «Путеводитель по Юртыну» (Пермь, 2005). Публиковался в журналах «Вопросы литературы», «Уральская новь», альманахе «Третья Пермь» и др.

Никита Иванов родился в 1989 году. Стихи входили в шорт-лист литературной премии «ЛитератураРентген» (2008), финалист «ЛитератураРентгена» (2009). Лонг-лист и Почетное упоминание Премии «Дебют» (2009). Публиковался в журналах «Новый мир», «Урал», «РЕЦ», на сайте «Полутона».

Иван Козлов родился в Перми. Учился в Пермском государственном университете по специальности «Журналистика». Состоит в товариществе поэтов «Сибирский тракт». Стихи вошли в шорт-лист премии ЛитератураРентген (2010). Печатался в журнале «Шпиль», альманахе «Время перемен» и интернет-изданиях.

Антон Колобянин родился в 1971 году в Перми. Публиковался в журналах «Урал», «Октябрь», «Арион», «Несовременные записки», «Уральская новь». Автор сборника стихов «Центр дождя» (Пермь, Фонд «Юртыну», 1997). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (Челябинск, Фонд «Галерея», 1996) и «Антологии современной уральской поэзии (1997—2003)» (Челябинск, Фонд «Галерея», 2003).

Руслан Комадей родился на Камчатке, вырос в Челябинске и Нижнем Тагиле. Воспитанник литературной студии «Мирь» (руководитель Евгений Туренко). Учился в Уральском государственном университете на филологическом факультете. Публиковался в журналах «Воздух», «Урал», «Транзит-Урал», альманахе «Предчувствие света». Автор книги стихов «Письма к Марине» (2007). Лауреат I регионального фестиваля литературных объединений «Глубина». Лонг-лист премии «Дебют» (2007), лонг-лист премии «ЛитератураРентген» (2008, 2010).

Вита Корнева родилась в 1988 году. Воспитанница нижнетагильской литературной студии «Мирь» (руководитель Евгений Туренко). Окончила факультет социологии Уральского государственного университета. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Урал», «Крещатик», «Волга — XXI век», «ZAART», альманахе «Предчувствие света». Лонг-лист премии «Дебют» (2006), шорт-лист премии «ЛитератураРентген» (2006, 2007). Автор книги стихов «Открой и посмотри» (М.: АРГО-РИСК, 2010).

Владимир Кочнев родился в 1983 году в городе Чайковском Пермского края. В 2000 году переехал в Пермь. Учился в Литературном институте им. Горького. Публиковался в журнале «Арион», участвовал в Международном фестивале верлибра (2007). Публиковался в альманахах и журналах «Арион», «Урал», «Топос» и др.

Борис Куприянов — организатор трех книжных магазинов для интеллектуалов в Москве («Фаланстер», «Фаланстер на Винзаводе» и «Гараж»), издатель, публицист, директор Международного книжного фестиваля.

Алексей Лукьянов родился в 1976 году в п. Тохтуево Соликамского района Пермской области, учился на филолога в Соликамском пединституте, после армии сменил несколько профессий, в том числе работал кузнецом. Публиковался в журналах «Уральская новь» и «Октябрь». Лауреат Новой Пушкинской премии (2006) за повесть «Спаситель Петрограда» в номинации «За новаторское развитие отечественных культурных традиций». Автор книг «Спаситель Петрограда» (СПб: Афмора, 2008) и «Глубокое бурение» (М.: Снежный Ком М, Вече, 2010).

Илья Манилов родился в 1990 году в Сарапуле (Удмуртия). Актер Театра «Эксцентрик-балет Сергея Смирнова». Учится в Уральском государственном университете. Лонг-лист премии «Дебют» (2009) в номинации «Поэзия». Лонг-лист «ЛитератуРРентген» (2009). Публиковался в журналах «Волга», «Урал», на сайте «Полутона» и др.

Ярослава Пулинович — драматург. Родилась в 1989 году в Омске. Живет в Екатеринбурге. В 2004-м поступила в Екатеринбургский театральный институт, на курс к Николаю Коляде. Была финалистом и иногда лауреатом фестивалей «Любимовка», «Новая драма», «Евразия», а также литературной премии «Дебют». Печаталась в сборниках «Все будет хорошо», «Театр в Бойлерной», «За линией», «Сюжеты» и др. Пьесы идут в театрах России и зарубежом. Пьеса «Мойщики», поставленная М. Заецом в Тюменском театре драмы, стала победителем театрального фестиваля «Коляда-plays». Пьеса «Он пропал без вести» попала в шорт-лист литературной премии «Дебют» в номинации «Драматургия».

Татьяна Снигирева — доктор филологических наук, профессор Уральского государственного университета им.А.М.Горького, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, автор нескольких книг об истории отечественной словесности XIX–XX столетий и серий статей, посвященных русской поэзии XX века. Автор многографии «Поводырь глагола. Юрий Казарин в диалогах и книгах» (Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2010).

Владимир Тарковский родился в 1986 году в Челябинске. Учится на факультете журналистики в Южноуральском государственном университете. Публиковался в журналах «Транзит Урал», «Новая Реальность», «Другое Небо», альманахах «11:33», «На глубине», «Город поэтов». Лауреат программы «Новые Имена» и фестиваля «Новый Транзит», шорт-листер фестиваля «Глубина».

Василий Чепелев — поэт, литературтрегер. Родился в 1977 году. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Урал», «Волга», «РЕЦ», альманахе «Вавилон». Участник «Антологии современной уральской поэзии (1997—2003)» (Челябинск, Фонд «Галерея», 2003). Стихи переведены на английский, итальянский, словенский, украинский языки. Автор книги стихов «Любовь «Свердловская» (М., АРГО-Риск, Книжное обозрение, 2008). Организатор и куратор поэтического фестиваля «ЛитератуРРентген» и одноименной всероссийской поэтической премии. Выступал также с критическими статьями.

Алексей Черепанов родился в 1976 году в Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (2001). Печатался в факультетском сборнике «Острова одиночества мысли», журналах «Университет», «Компаньон», «Волга» и на сайте «Топос». Участвовал в заседаниях студии прозы «Подиум».

Никита Чубриков родился в Челябинске в 1983 году. Лауреат Челябинского фестиваля «Глубина», финалист фестиваля «Алибитум» (Пермь), участник сообщества «Северная Зона», член литературного клуба «Подводная лодка». Публиковался в журнале «День и ночь», поэтическом альманахе «45-я параллель» и на сайте «Полутона».

Поддержка проекта была осуществлена Министерством культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2010. — 124 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Издатель:
Борис Эренбург

Редакционная коллегия:
Владислав Дрожжих
Владимир Киршин

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Дарья Блажко

Корректурa:
Галина Норкина

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу: senator@permplanet.ru

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator@permplanet.ru

© «Вещь», 2010

© Авторы, 2010

© Издательство «Сенатор», 2010

От **ТИШИНЫ** остались ГОЛОСА Первые в **КОСМОСЕ** Чебадан

Шапка **Солнечный** мир Полет без времени

Крыжовник Уральский **Треугольник** Серенада

лунного света **Не стирай** меня **С листа** Он пропал без

вести **Сегодня** текст ЭТО главное В одной стране росли **ПОЭТЫ** и

подонки Кризис **ПОДЛИННОСТИ** Я обменял бы СВОИ книги

на **возрождение СССР** От центра к **окраине** Горькое

чудо стиха Ткань **ЖИЗНИ** Между богами и зверями

Глубокое погружение **Любовь** как **Маркетинг**

Технотриллер **О войне** моторов